Непоколебимые в вере

Женщины веры
и их свидетельства

Предисловие
Грасии Бэрнэм

Непоколебимые в вере

Женщины веры
и их свидетельства

Голос мучеников

Originally published in English by Voice of the Martyrs
Copyright © 2003 by Voice of the Martyrs, Inc.

© 2021 by Voice of the Martyrs for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы: Светлана Фотина, Пётр Никитин
Graphics & Layout: OM EAST

eBooks for download:
https://www.vom-ru.org
https://library.mediaworks.global

© «Голос мучеников» 2021
Авторское право защищено. Использование и размножение материалов публикации без письменного разрешения издателя запрещено, за исключением небольших цитат в критических и обзорных статьях.

Библейские цитаты, кроме обозначенных, приведены из Синодального перевода Библии.

Многие имена и названия мест событий изменены с целью защитить тех, чьи свидетельства представлены в этой книге. Авторам также пришлось опустить подробности служения, которое и сейчас продолжается в странах, где живут героини наших рассказов, чтобы защитить всех причастных к нему. Некоторые судебные стенограммы и другие материалы, процитированные в книге, были отредактированы для ясности и краткости.

Посвящается

Сабине Вурмбранд

«Голос мучеников»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читая потрясающие истории о мужестве, ниспосланном Богом женщинам, о которых рассказывается в этой книге, я понимала их чувства. Мы с Мартином, моим мужем, провели в плену в период с мая 2001-го по июнь 2002-го. Террористы «Абу Сайяф» держали нас в филиппинских джунглях. В течение года я также была в отчаянии и хотела умереть. Я была лишена свободы, я голодала... однако, в отличие от них, я знала, что, когда нас освободят, меня ожидает относительно комфортная жизнь. И вот я снова в США, в своём комфортабельном доме, в котором достаточно еды. Есть у меня и группа молитвенной поддержки, а эти женщины, верные воины Христовы, продолжают испытывать трудности.

Я молюсь за всех преследуемых, которые не имеют такой «инфраструктуры». Я молюсь за тех, кто страдает за веру в Иисуса Христа, тех, кто думает, что он одинок, и все же остаётся верным. Я молюсь о них так же, как тогда, в джунглях, молилась за себя: «Господи, дай им почувствовать, что Ты рядом. Помоги им остаться верными Тебе даже тогда, когда ситуация ухудшается. Покажи им Свою доброту, чтобы они знали, что они не одиноки. Ведь я знаю, что Ты — с ними».

Обращаюсь к каждому читателю — давайте снова посвятим себя Богу. Пусть Он использует нас так, как считает нужным — даже если нам придётся отказаться от свободы и комфорта. Вполне возможно, что наступит день, когда за веру

в Иисуса Христа нас будут бить и даже убьют. Так будем же учиться мужеству у этих женщин.

В Библии мы находим удивительное обещание: Бог заверяет нас, что не допустит испытаний свыше тех, которые мы сможем снести. Зная нас, Он укажет нам выход (и обеспечит всем необходимым), чтобы мы могли всё пережить. Я верю, что все дела Божьи согласуются с Его волей. А дела человека — нет. Мы испортили этот замечательный мир. И если в нём и есть что-то хорошее, то оно — от Бога. У Него есть план. И Он — Царь. Мы же терпеливо ожидаем назначенного Им времени. И пока придёт тот день, пусть Он даст нам милость жить для Него подобно этим женщинам. Ведь Он достоин этого!

Грасия Бэрнэм,
автор книги
«В присутствии моих врагов»

БЛАГОДАРНОСТЬ

Начав работу над этой книгой, мы знали, что, прежде всего, нам понадобятся женщины, которые захотят поделиться своими свидетельствами. Без них не было бы этой книги, и им мы выражаем искреннюю благодарность.

Над созданием этой книги трудилось много людей, некоторые разделы переводили с иностранных языков. В большинстве случаев, чтобы выслушать свидетельства, необходимо было найти тайные места для встречи и позаботиться о безопасности. Разумеется, мы бы ни при каких обстоятельствах не смогли выполнить возложенную на нас задачу, если бы нам не оказали поддержку сотрудники «Голоса мучеников». Мы не будем называть их имён, дабы не подвергать их опасности. И всё же выражаем глубокую признательность всем, кто содействовал нам в каждой стране, которую нам пришлось посетить в ходе работы над этим проектом.

Подготовить и реализовать проект о преследованиях и других суровых реалиях нашей веры отнюдь не легко. Тем не менее Грэг Деньюэл и сотрудники издательства *W Publishing Group* помогли опубликовать эти удивительные истории о мужестве и стойкости. Спасибо вам за то, что книга «*Непоколебимые в вере*» увидела свет.

Мы безгранично благодарны нашим детям Джордану и Элени, которые в продолжение многих вечеров и выходных сми-

ренно «обходились» без мамы и папы во время наших зарубежных поездок. Мы молимся о том, чтобы эти свидетельства стали частью основания вашей веры.

Стив и Джинни Клиэры

ВСТУПЛЕНИЕ:

ИСТОРИИ О НИСПОСЛАННОМ СВЫШЕ МУЖЕСТВЕ

Сегодня во многих частях мира слова *«похищены», «избиты», «заключены в тюрьму»* синонимичны понятию «христианин». Женщины-христианки, живущие в этих регионах, вынуждены преодолевать ещё одну трудность. На них лежит печать презрения, их воспринимают как представительниц низшего класса, не способных к лидерству, нуждающихся в контроле и руководстве мужчин.

Книга *«Непоколебимые в вере»* повествует о женщинах, проявивших невероятное мужество, убеждённость и любовь к Иисусу Христу и Его церкви. Они стали руководителями в далеко не самых благоприятных обстоятельствах, тем не менее продемонстрировали чрезвычайную смелость и настойчивость, мужественно приняв брошенный им вызов. Как бы иронично это ни звучало, но лишь страдания уравнивали их в правах с мужчинами, а в некоторых случаях они страдали даже гораздо больше.

Когда мы впервые задумались над созданием книги, в которой были бы собраны свидетельства женщин-христианок, преследуемых за веру, мы столкнулись со многими трудностями. Прежде всего мы хотели представить свидетельства наших современниц. А потому нам необходимо было посетить те страны, в которых они сейчас живут и часто продолжают смотреть в лицо опасности. Мы желали рассказать о женщи-

нах, которые не только страдали, но и проявляли в служении лидерские качества. И, наконец, помимо всех историй, полных драматизма, боли и мучений, мы хотели запечатлеть вдохновляющие примеры непоколебимой надежды и показать, как эти женщины позволяли любви Христа сиять в них даже в самых сложных ситуациях.

Стоит заметить, что в книге «*Непоколебимые в вере*» представлены истории всего нескольких женщин из бесчисленного множества других, живущих в разных странах мира, которые сталкиваются с подобными ситуациями. Наш выбор пал на женщин — представительниц разных регионов, где христиан преследуют, а особенно на тех из них, с кем мы имели возможность встретиться лично. Многие их женщин, давших интервью, обычно говорили, что есть кандидатуры предпочтительнее, что истории других женщин более драматичны. Ни одна из них не назвала свою историю уникальным примером христианского героизма.

Истории эти разнообразны. Некоторые женщины многие годы провели в тюрьме, другие же никогда не были в заключении, однако пережили иные немыслимые испытания. Это женщины разного возраста, представительницы разных религий, в частности христианства, ислама, индуизма и атеизма. Не менее удивительно, что все они обладают глубокими религиозными убеждениями и во многом благодаря им сумели преодолеть человеческие слабости и пережить, казалось бы, невозможное.

Мы молимся, чтобы вы, дорогие читатели книги «*Непоколебимые в вере*», ещё более укрепились в вере и решительно преодолевали жизненные трудности. Если вы, прочитав эти необыкновенные свидетельства, только удивитесь, — значит, мы не достигли своей цели. Если в своей жизни вы встретитесь с подобными по значимости испытаниями и, если примеры необычайного мужества, изложенные в этой книге, придадут вам сил, — значит, мы вместе с женщинами, так великодушно поделившимися с вами историями своей жизни, добились желаемого.

Принявшись за работу над проектом, мы намеревались разместить в конце каждого раздела краткие тезисы для размышлений. Когда же истории были написаны, мы ясно осознали, что никакие тезисы не нужны. Ведь каждая история таит в себе бесценные жемчужины веры и силы духа. Мы убеждены, что свидетельства этих верных Богу женщин зажгут искру в вашей собственной жизни. И это непременно произойдёт, когда вы, читая книгу «*Непоколебимые в вере*», будете сопереживать с её героинями.

«Голос мучеников»

АДЕЛЬ:

НЕУГАСАЮЩИЙ ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Индонезия
Понедельник, 10 января 2000 года, 5 часов утра

Ветер качал кроны пальм, под которыми Адель собрала вокруг себя детей — их было около пятидесяти — и громко начала петь: «Вперёд, воины Христовы». В глазах детей, начавших петь, она видела страх.

— Я не хочу умирать! — вдруг воскликнул один мальчик, которому не было ещё и десяти.

— Мы не умрём! Хлопай в ладоши вместе с нами, — ответила Адель, наклонившись к нему, чтобы он мог услышать её среди громкого пения.

С испугу мальчик неохотно стал петь вместе со всеми. Хлопая дрожащими ручками, дети спели ещё одну песню. Адель пыталась пением заглушить ужасные вопли, доносившиеся снизу, с расстояния около полутора километров от них.

Она понимала: ей нужно сделать так, чтобы дети не плакали, особенно старшие. Заплачь один из них — начнётся массовая истерия. Адель восхищалась их стойкостью. Казалось, даже родители, окружившие группками своих мужественных детей, черпали у них силу.

Дети продолжали петь. Оглядев собравшихся ребятишек, Адель увидела двух своих детей. Кристине было уже девять

лет, а Кристиано — семь. «Да, я могу быть мужественной», — убеждала себя Адель. Она должна быть мужественной ради своих детей — ради всех детей. Женщина твёрдо возлагала своё упование на Христа. Она беспокоилась о своих детях, особенно о Кристиано, своём малыше Анто. Он был маленьким для своего возраста.

Адель молча молилась, прося у Бога защиты и радуясь, что, убегая из дома, захватила с собой Библию. Теперь она открыла её, осторожно перелистывая потрёпанные страницы в поисках нужного стиха, и начала читать вслух: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»[1]. Затем Адель открыла Библию на страницах, где были напечатаны псалмы, и все снова запели хором. Пока они пели, некоторые дети начали жаловаться, что хотят есть и пить. Они находились на холме ещё с полудня, а теперь солнце клонилось к закату и освещало небо ярким оранжевым заревом. Закаты солнца здесь, на их маленьком индонезийском острове Доди, такие прекрасные!.. Однако сегодняшние сумерки — зловещий предвестник тьмы, вот-вот готовы окутать их деревню.

Вдруг пение детей было прервано криками Мэту:

— Бегите, Адель, спасайтесь!

Адель бросилась к краю холма, пытаясь разглядеть что-нибудь в сумерках. Она едва могла различить силуэты мужчин, взбирающихся по крутой тропинке. Снова раздался крик Мэту:

— Забирай детей, Адель! Скорее! Бегите в джунгли!

Услышав звуки стрельбы, доносящиеся до вершины горы, Адель замерла. Она увидела дым, поднимающийся к темнеющему небу. *Они подожгли всю деревню*. Она знала, что все дома сгорят, и её дом — не исключение.

Адель не знала, что ей делать: броситься на помощь Мэту, взбирающемуся вверх по крутой дороге, или бежать к детям? Всё происходило слишком быстро. Так же быстро в её памяти

---

[1] Послание к филиппийцам 4:13.

пронеслась вся её жизнь. Двое чудесных детишек... любящий муж... прекрасное время.

Она поспешила к детям, бросив последний взгляд на Мэту. В тот миг ей невольно вспомнился дерзкий семнадцатилетний юноша, настойчиво сидевший на табуретке в доме её матери...

«ТЕПЕРЬ ЛИШЬ БОГ МОЖЕТ РАЗЛУЧИТЬ ВАС!»

Июль 1989 года

Выглядывая из-за кухонной двери, Адель рассматривала молодого человека, который ожидал её в гостиной.

— Мама, он похож на обезьяну! — прошептала она.

Однако мать не восприняла слов дочери. Возможно, Адель ещё рано выходить замуж, но всё же она должна уважительно и благосклонно отнестись к непреклонной решимости молодого человека.

Он приходил к ним в дом каждый день приблизительно в одно и то же время. Адель не знала, льстило ей это или больше раздражало, когда Мэту уверенно усаживался на табуретке и повторял одну и ту же просьбу. Адель много раз отвечала ему отказом, однако Мэту либо не желал принять её слова, либо просто притворялся, что не слышит их.

— Я не хочу выходить замуж. Я слишком молода. И даже если бы я хотела выйти замуж, я не хочу выходить замуж за *тебя*! — твердила Адель. Ей так же, как и ему, было 17 лет, и её красота только начинала расцветать. Ей совсем не хотелось выходить замуж, хотя у неё, конечно же, было много предложений.

Мэту не спорил и не обижался на её грубые высказывания. Он просто сидел и терпеливо объяснял Адель, что она должна стать его женой.

— Это воля Божья. Даже если ты считаешь, что я похож на обезьяну.

Адель запнулась и тайком взглянула на мать, которая безуспешно пыталась скрыть улыбку. Ничуть не смущаясь, Мэту повторил вопрос:

— Ты выйдешь за меня?

Понимая, что отвечать нет смысла, Адель просто сидела и ждала, когда он уйдёт. Наконец, Мэту встал, но прежде чем уйти, он снял верхнюю рубаху, аккуратно свернул и положил ей на колени.

— Ты не отвечаешь мне, поэтому моя рубашка будет ждать ответа в моё отсутствие.

Адель была польщена таким искренним жестом. Может быть, он не так плох, как кажется...

Спустя три месяца Адель и Мэту сыграли свадьбу.

Это была традиционная свадьба в соответствии с местными обычаями. Она началась ярким октябрьским днём и длилась далеко за полночь. Всех жителей деревни, пришедших, чтобы стать свидетелями этого радостного события, дважды угощали едой. Празднование пролетело как один миг. Однако Адель всё ещё отчаянно пыталась побороть беспокойство о том, что она слишком молода и её замужество — это ужасная ошибка. Из семи детей она первая выходила замуж, как ей понять свои новые обязанности жены? И только слова пастора, обращённые к ней после церемонии, принесли юной невесте утешение.

— Адель, — сказал он ей, — теперь только Бог может разлучить тебя и Мэту.

Адель забеременела через месяц после свадьбы, и, хотя она выносила ребёнка полный срок, после долгих и мучительных родов он родился мёртвым. Адель и Мэту были в отчаянии.

Однако пять месяцев спустя Адель вновь забеременела. На этот раз ребёнок родился на три месяца раньше срока, и никто не думал, что он выживет. Друзья, приходившие навестить Адель, утешали и старались подготовить её к худшему:

— Будь сильной, когда ребёнок умрёт...

— Мой ребёнок не умрёт! — упрямо твердила Адель. В душе она была совершенно уверена, что ребёнок выживет, и отказывалась верить своей семье и соседям. Она не потеряет ещё одного ребёнка!

Адель осторожно положила свою новорождённую дочку на подушку и тихонько заговорила с ней, одновременно молясь Богу. Она шептала:

— Почему ты уже здесь, Кристина? Ты не дождалась девяти месяцев, ты родилась так рано. Ты такая маленькая, но Мэту и я так сильно любим тебя. И я знаю, что Бог защитит тебя.

На удивление своей семьи и жителей деревни, Кристина выжила и стала здоровым ребёнком, а через два с половиной года родился её брат Кристиано.

Адель и Мэту были очень счастливы. Вскоре после рождения Кристиано они переехали в свой собственный дом. Это был простой дом из трёх комнат, в основном сооружённый из бамбука, пол в нём был земляной. Это был скромный дом, однако их собственный. Возможно, когда дети подрастут, они смогут иметь дом побольше и получше. Они будут к этому стремиться. А пока они были счастливы, что живут отдельно от родителей Мэту.

Почти все жители деревни, где жила Адель, были христианами, и она с удовольствием помогала церкви в работе с детьми и подростками. В селе было более пятидесяти детей в возрасте Кристины и Кристиано. Адель любила читать им те же захватывающие библейские истории, которые ей когда-то читал её дедушка. Как хорошо, что теперь она делает то же, что и её отец — проповедует Евангелие, даже если она проповедует соседским детям.

НАКАНУНЕ ДЖИХАДА

Жизнь Адели и всех жителей её деревни протекала размеренно и спокойно, пока мусульмане, жившие по соседству, не нанесли им свой первый «официальный визит».

Хотя тогда она и не осознавала этого, кошмар фактически начался в три часа дня 9 сентября 1999 года — тот день Адель никогда не забудет. Заметив, что в деревне началась суматоха, она поспешно вышла из дома и сразу же увидела плакат. На нём крупными печатными буквами было написано только два слова: *«Cinti. Damai»,* что значит «Любовь. Мир». Тридцать человек — мужчин, женщин и детей из соседней мусульманской деревни Дахма — толпились вокруг плаката.

— Жители Доди! — заявил среднего возраста темнокожий мужчина. — Мы — соседи и должны пообещать друг другу жить в мире.

Громкоговорителей не было, но его раскатистый голос был слышен всем. Высокий и худощавый, он стоял на старом деревянном возвышении у дома собраний.

— Мусульманские и христианские деревни должны жить во взаимопонимании, — продолжал он, — мы все должны жить в мире.

Адель и другие жители деревни, столпившиеся вокруг возвышения, сочли всё это очень странным, поскольку между их деревнями никогда ранее не было никаких конфликтов, однако, несмотря на это, они протянули своим гостям руку дружбы, и те оставались в деревне до конца дня.

Позже вечером, когда Мэту вернулся с работы на местной шахте, Адель рассказала ему об этом событии.

— А как же слухи? — удивился Мэту.

Ходили тревожные слухи, что девятый день девятого месяца 1999 года будет чёрным днём для христиан острова Доди. Однако Мэту и Адель считали эти разговоры пустыми. Они

обсудили визит мусульман и решили, что никакой видимой угрозы не существует. Наоборот, атмосфера была радостная, их дети играли все вместе.

Четыре месяца прошли без каких-либо инцидентов, и, следовательно, не было и причин для подозрений. Жители Доди считали слухи необоснованными до тех пор, пока после Рождества в деревню вернулся Юлпиус — молодой торговец, не сумевший уехать с острова. Увидев его так скоро после отъезда, жители деревни поинтересовались, почему он так быстро вернулся.

— Мне не позволили уехать, — заявил Юлпиус.

— Кто? Почему не позволили? — спросил один мужчина, а другие, обеспокоенные новостью, начали подходить поближе. Юлпиус продолжал свой рассказ:

— Меня остановила группа мусульман, не знаю почему. Сначала они просто сказали мне никуда сейчас не ехать, поскольку это слишком опасно. Я запротестовал и ответил, что мне нужно ехать, чтобы привезти на остров продовольствие, однако это их совершенно не интересовало. Они рассердились, их, казалось, оскорбляло то, что я — христианин. Я узнал некоторых мужчин, они были среди тех, кто приходил к нам, призывая нас к так называемому миру. Я не хотел неприятностей, поэтому вернулся домой.

Адель, Мэту и другие присутствующие начали обсуждать происшедшее с Юлпиусом, переосмысливая события 9 сентября. Однако, не располагая никакими доказательствами приближения опасности, они ничего не могли поделать. Лишь 10 сентября их наихудшие опасения оправдались.

Около полудня Адель и больной в то время Кристиано отдыхали, когда их разбудили тревожные крики суетящихся соседей. Адель выбежала из дома и ахнула, увидев, что вдали поднимаются столбы дыма. Пылала соседняя христианская деревня. Звуки нарастающей паники усиливались с каждым

мгновением. Надо было бежать. Три тысячи вооружённых мусульман ворвались в деревню, и у её жителей не было никакой надежды прекратить обрушившийся на них джихад[2].

Адель вбежала в дом, громко зовя Кристину и Кристиано. Но ответа не последовало. Сердце Адели неистово забилось, она начала искать детей, потом выбежала на улицу и опять громко звала их. Наконец ей сказали, что кто-то видел, как они бежали из деревни в горы. Адель ещё раз вернулась в дом, собрала кое-какие вещи. Уже направляясь к двери, женщина заметила на столе свою Библию, схватила её и побежала.

«МАМА, МЫ УМРЁМ?»

Понедельник, 10 января 2000 года, 6 часов утра

Мэту и другие односельчане на протяжении более 4 часов сдерживали нападения мусульман, однако тех было слишком много, вооружённых огнестрельным оружием, мачете и факелами.

Пылало уже всё село, и отовсюду раздавались разъярённые возгласы: «*Аллах Акбар! Аллах Акбар!*»[3]

Мэту и другие мужчины бежали по скользким горным тропам, надеясь, что воины джихада удовлетворятся сожжением деревни и перестанут преследовать её жителей. Впрочем, нет, когда мусульмане увидели, что христиане бегут, ими овладела ещё более неистовая ярость, и они начали преследовать их, стреляя из ружей им в спину.

Мэту и Адель собрали детей и матерей, которые начали разбегаться в разные стороны, и, надеясь спастись от пуль, попадали в высокую траву и изо всех сил поползли в направлении джунглей. Пошёл сильный дождь, и ползти на руках и

---

[2] Джихад — арабское слово, означающее «священная война».

[3] «Бог — велик! Бог — велик!» — *араб.*

коленях стало ещё труднее, поскольку земля превратилась в грязевое месиво.

Более двух часов они пробирались густыми джунглями, пока наконец не наткнулись на заброшенный шалаш на краю кокосовой плантации. Он был построен из ветвей, закрытый с трёх сторон, и имел крышу. Фермеры, отдыхая, прятались в нём от палящего солнца во время сбора урожая. Теперь он послужит убежищем гонимым детям Божьим, ведь они слишком истощены, чтобы продолжить путь.

Стоило лишь Адели уложить Кристину и Кристиано на бамбуковую циновку, найденную в заброшенном шалаше, как дети сразу же уснули. Как и все остальные, они промокли до нитки и были с ног до головы измазаны грязью. Хотя старый навес и производил впечатление укрытия, его крыша была обильно усеяна дырами, и вода тонкими ручейками сбегала на детей, пытавшихся спрятаться под ней.

Адель не могла больше сдерживаться. По её лицу ручьём лилась вода, перемешанная со слезами.

Собрав последние силы, Адель и Мэту обнялись и начали молиться, коротко и пламенно. Остаток той страшной ночи они провели в шалаше, вместе с другими матерями. На рассвете Кристина и её брат проснулись и поняли, что страшный ужас, который, как они думали, им приснился, происходил на самом деле. Некоторое время они сидели молча, тревожно поглядывая на взрослых. Их широко открытые глаза умоляли, чтобы их прижали и успокоили. Все молчали, потому что никто не знал, что сказать.

Наконец Кристиано произнёс:

— Мама, я хочу есть.

Адель пыталась сдержать слезы, беря на руки своего маленького сына, однако не выдержала и зарыдала.

— Прошу тебя, Адель, не плачь. Я пойду и поищу что-нибудь поесть, — пытался успокоить свою жену Мэту, хотя и

сам не знал, как. Сердце Адели разрывалось: она видела страдания своих детей и ничем не могла помочь.

Мэту хотел вернуться в сожжённое селение, чтобы найти пищу. Адель умоляла его не делать этого, хотя и знала, что они не смогут долго оставаться в шалаше без питания и воды.

После ухода Мэту время начало тянуться ещё медленнее. Страх не покидал Адель ни на мгновение. Она снова повела всех в джунгли, там они встретились с другой группой односельчан, которые скрывались на краю кукурузного поля. Адель повела Кристину, Анто и всех остальных на кукурузное поле собирать сухие початки кукурузы. По крайней мере, теперь у них будет что поесть.

Через несколько часов вернулся Мэту и принёс двенадцать банок кока-колы — все, что ему удалось найти. Однако только дети начали открывать банки, послышались выстрелы. Все упали на землю. Выстрелы, как раскаты грома, прокатились прямо над их головами. Трудно было определить, откуда они доносились, поэтому никто не знал, в какую сторону бежать. Кристина испуганно схватилась за юбку Адель и прошептала:

— Мама, мы умрём?

«Да, умрём», — мелькнуло в голове Адели, однако она знала, что ради детей должна быть храброй. Она обняла их и заверила, что всё будет хорошо, хотя и знала, что её слова не могли изменить ужасных обстоятельств, среди которых они оказались. Адель понимала, как трудно ей будет сказать детям правду, но она всё равно должна сделать это, ведь у неё нет выбора...

— Кристина и Анто, посмотрите, пожалуйста, на меня и послушайте внимательно. Если нас поймают те, кто объявил нам джихад, они спросят вас, хотите ли вы стать мусульманами. Если вы скажете, что не хотите, они могут вас убить.

Адель посмотрела детям прямо в глаза. В её глазах звучал немой вопрос. Она знала, что на него существует только

один правильный ответ, но как ожидать такой храбрости от маленьких детей?

Дети посмотрели на мать и уверенно ответили:

— Мы хотим следовать за Иисусом.

Адель немедля открыла Библию, захваченную из дому, на отрывке, который она постоянно вспоминала с тех пор, как бежала из деревни. Когда Адель была ребёнком, дедушка читал ей этот отрывок так много раз, что он запечатлелся не только в её памяти, но и в сердце. Это был 22-й псалом. Она попросила детей повторять за ней и начала читать:

— Господь — Пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...

Дети продолжали повторять псалом, пока не запомнили его. Они казались храбрыми, но Адель не знала, осознают ли они всю серьёзность их положения.

На глаза накатились слезы. Женщина смахнула их и спросила:

— Кристина, ты не боишься, что тебя могут убить, если ты скажешь, что ты — христианка?

На мгновение Кристина задумалась, подвинулась к матери и уверенно ответила:

— Мама, прошу тебя, не волнуйся, я не боюсь умереть.

После того, как выстрелы утихли, все, кто прятались в кукурузе, потихоньку рассеялись. Адель, Мэту и их семья вернулись в джунгли и пробирались ими в течение ещё двух дней. Они шли под покровом ночи и спали всего несколько часов, чтобы встать ещё до рассвета. По дороге они встретили других жителей деревни, от которых узнали, что несколько их односельчан-христиан уже убиты. Боясь за своих родных, Мэту направился ещё глубже в джунгли.

Все были крайне истощены. Мэту и Адель осознавали, что не могут заставлять детей идти дальше. И хотя они и попили свежего кокосового молока, всех мучил сильный голод. Каж-

дый раз, когда кто-то из детей просил есть, Адель не выдерживала и плакала от отчаяния. Радостной неожиданностью для семьи стала встреча с отцом и братом Мэту.

Беженцы добрались до места, которое, по мнению Мэту, было безопасным для отдыха. Мужчины собрали сухие пальмовые листья, чтобы детям было на чём сидеть. Услышав журчание ручья, доносившееся из ущелья, они решили рискнуть спуститься туда, чтобы поискать что-нибудь съедобное.

Анто, ещё совсем маленький, не понимал, почему на протяжении последних нескольких дней у них не было еды, и постоянно просил рыбы и риса.

— Отец сейчас вернётся и, возможно, принесёт рыбы. Тогда мы поедим, — уговаривала сына Адель, хотя и сомневалась, что Мэту найдёт что-нибудь съедобное. Она крепко обнимала Анто и тихо напевала, пытаясь убаюкать его.

«КРОВЬ ХРИСТА ВСЕСИЛЬНА!»

Не прошло и десяти минут, как из ущелья раздался душераздирающий крик Мэту. Сначала Адель подумала, что он сошёл с ума. Зачем же так кричать, зная, что воины джихада могут быть поблизости. Через мгновение Адель осознала, что Мэту схватили, и он кричит, чтобы предупредить их об опасности.

— Бегите, Адель, бегите!!! — доносилось из ущелья. От крика Мэту в жилах Адель стыла кровь.

Затем наступила тишина, после которой прозвучала автоматная очередь. Адель вскочила и сразу же повалилась на землю, поскольку Анто все ещё крепко держал её за шею. Опять поднявшись на ноги, женщина увидела, как Кристина бежит на крик Мэту. Адель хотела закричать, но было уже поздно. Их окружили люди в длинных белых одеждах.

Анто все ещё лежал на земле там, где Адель оставила его. Когда он приподнялся, один из преследователей ударил его по

спине мачете. Адель отчаянно вскрикнула и упала на землю, пытаясь закрыть собой маленькое тельце побледневшего от страха и шока сына. Однако все её попытки защитить Анто были напрасными. Один из мусульман схватил её за длинные чёрные волосы и оттянул от мальчика.

Приставив окровавленное мачете к шее Адели, мусульмане потащили её к бамбуковым деревьям. Женщина сразу же поняла их намерения, как только они начали срывать с неё одежду. Она всё ещё судорожно сжимала Библию, но её вырвали и бросили на землю, рядом с одеждой. Адель закрыла глаза. Она молча молилась за свою семью и просила Господа спасти её от надругательства.

Затем она услышала крики своей матери, свекрови и своего любимого Анто. Она знала, что их убивают. Этого нельзя было пережить. Адель упала на колени, когда увидела, что головорезы идут к ней. Кровь капала с их мачете. Кровь Анто.

— Господи! — закричала Адель. Один из мужчин снял свой потный тюрбан и завязал вокруг головы Адели. На нём было написано: «Аллах Акбар». Собрав последние силы, Адель крикнула:

— Кровь Иисуса всесильна!

— Она — христианка! Свинья! Зловонная свинья! Давайте изнасилуем её и покончим с ней, — воскликнул кто-то из нападавших. К ним присоединились остальные и, окружив Адель, начали обсуждать, что с ней делать. Они говорили на местном диалекте, не осознавая, что Адель понимает всё, что они говорят.

Пытаясь скрыть слезы, Адель молча молилась: «*Господи, прошу Тебя, помоги им понять, что они делают. Это — грех, пожалуйста, пусть они поймут это. Они не ведают, что творят. Люди не должны так поступать*». Она продолжала молиться.

Вдруг где-то с противоположной стороны толпы раздался шёпот: «Адель, это ты?» Женщина открыла глаза и увидела мужчину из своей деревни, который тоже пока что оставался в живых. Его звали Ханс.

Ханса также раздели догола и жестоко избили. Адель была уверена, что этот человек не доживёт до вечера. Она спросила его, не видел ли он Мэту и Кристину. Он покачал головой.

Один из мусульман собрал одежду Адели и сунул ей в руки. Ей не позволили одеться. Она с грустью посмотрела на свою разорванную в клочья Библию.

Пленных заставили идти по крутой тропинке, ведущей на гору, подталкивая и коля их избитые тела острием мачете в наиболее уязвимые места. Тропа сузилась, Адель взглянула, чтобы увидеть, как высоко они поднялись вверх, и подумала, что было бы хорошо просто прыгнуть вниз. Она знала, что если бы сделала это, то непременно разбилась бы, а это был наилучший выход из ситуации. «*Господи, помоги мне! Прошу Тебя, помоги мне, Господи!*» — молилась она. Наконец пленные и нападающие поднялась на вершину горы, где собралось более тысячи воинов джихада. Они были разного возраста, некоторые — совсем подростки, но все были одеты одинаково — в длинные белые рубашки и тюрбаны.

Один из нападавших приказал Адели стать позади Ханса. Он был среднего возраста, широкоплечий. Он положил ружье и медленно вытащил из ножен длинный мачете. Адель оглянулась. Она и Ханс были единственными христианами среди толпы в белых одеждах. Она закрыла глаза, надеясь, что всё наконец закончится.

Адель почувствовала, как по её лицу и телу потекла тёплая кровь.

— Кровь Иисуса всесильна! — снова и снова повторяла женщина. Ханс закричал. Вместе с его криком она слышала душераздирающие возгласы других мужчин, что-то скандирующих. Она не решалась открыть глаза в надежде как можно быстрее оказаться в раю. Однако, прождав некоторое время, которое показалось ей вечностью, она все же открыла их. Прямо перед ней лежало изуродованное тело Ханса.

ВСЕГО ЛИШЬ ТРИ СЛОВА

Адель вся была испачкана кровью. Она не могла понять, была ли это её кровь, или кровь Ханса. Всё тело болело от бесчисленных ударов, однако на нём не было открытых ран. Женщина всё ещё отчаянно повторяла: «Кровь Иисуса всесильна!», но с каждым разом её голос ослабевал. Адель знала, что Бог всё время защищал её. Она могла умереть уже много раз. Прошло более пяти часов с тех пор, как из неё содрали одежду и начали издеваться. Она уже знала, что Анто, её мать, мать Мэту и Ханс погибли, и была убеждена, что и других односельчан также уже нет в живых. А она — жива, и этому должна быть причина. Среди ужаса Адель ощутила удивительный проблеск надежды.

Воины джихада начали собирать оружие. Они сказали, обращаясь к Адели, что пора идти, и она будет их проводником. Её вытолкали вперёд и повели по извилистой горной тропинке. Адель не думала о том, куда они идут. Находясь в полусознательном состоянии, она просто шла вперёд, стараясь забыть возгласы безжалостных убийц Ханса и вид его изувеченного тела. Не удовлетворившись тем, что его разрубили на куски, нападающие набросали на него пальмовых листьев, облили бензином и подожгли.

Когда все, наконец, добрались до вершины горы, Адель больше не нужна была в роли проводника. Мужчины толкали её, таскали за волосы, издевались над ней и резали её голое тело мачете. При каждом ударе Адель восклицала: «Кровь Христа всесильна! Кровь Христа всесильна!» Иногда один из мужчин подбегал сзади, ударял её по голове мачете, и она падала на землю, как тряпичная кукла. Ей казалось, что в голову вбивают тысячи игл, однако, когда смотрела на свои руки, то видела, что на них нет крови.

БОРЕНИЕ С НЕНАВИСТЬЮ

Когда Адель осознала, что Бог чудом спасает ей жизнь, она стала мужественнее. Но почему? Она не могла понять, почему она все ещё дышит, когда все остальные уже давно мертвы. Даже её мучители были поражены тем, что такой слабой женщине удаётся выдержать столько безжалостных издевательств. А ещё больше их раздражало то, что она продолжала кричать о крови Христа.

Наконец один из них поджёг горсть листьев табака и попытался затолкать их Адели в рот. Глаза Адели расширились от ужаса, когда она увидела приближающийся к её лицу огонь. Она попыталась сопротивляться, но не могла вырваться из его сильных рук. Будучи уверенным в том, что он наконец заставил «неверную» замолчать, мужчина удовлетворённо кивнул товарищам. Однако, как только он выпустил Адель из рук, она выплюнула тлеющие листья и воскликнула:

— Кровь Христа всесильна!

Три простых слова приобретали всё большую силу в устах изнеможённой женщины, а ужасы продолжались.

Солнце садилось, а почти полная луна освещала путь в село Дахму. Адель видела свет в окнах и силуэты играющих детей. Она вспомнила свою деревню и с грустью подумала о том, что её дети также играли вечерами, как и эти.

Толпа остановилась, и Адели приказали одеться. Двое вооружённых парней — им было не больше двадцати лет — остались охранять Адель, а другие пошли в деревню. Адель спросила их, знают ли они, что произошло с её дочерью.

— Да, мы убили её, — с самодовольной улыбкой ответил один из них. Адель чувствовала, что они говорят неправду, ведь они смотрели на неё с такой ненавистью. Она осознавала, что и у неё в душе зреет ненависть, и молилась Богу, прося избавить её от этого чувства.

Позже Адель повели в деревню, где над ней снова смеялись и издевались. Нападавшие были чрезвычайно жестокими, а она — невероятно сильной. Если пришло время ей умереть, даже от рук солдат джихада, она готова к этому. Ещё раз Адель подумала о том, что она — единственная заложница. Она даже не решалась предположить, сколько человек было убито. Она не знала, что хуже: быть пленницей жестоких палачей или быть мёртвой. Однако, несмотря ни на что, каждый раз, когда кто-то из нападавших сгонял свою ненависть на её хрупком теле, она восклицала: «Кровь Христа всесильна!»

В штабе джихада Адель снова раздели. Три женщины завели её в комнату и начали мыть холодной водой в ржавом металлическом корыте. Адель просила, чтобы ей дали возможность помыться самой, но ей отказали. Когда Адель снова попросила об этом, женщины избили её большими деревянными ложками. Затем ей дали старую футболку и рваные шорты. Её собственную одежду сожгут, объяснили женщины, поскольку она принадлежала «грязной свинье».

ГДЕ ПРЯЧУТСЯ ХРИСТИАНЕ?

Одиннадцать мужчин допрашивали Адель, а ещё тридцать-сорок толпились вокруг. Она узнала многих из них: 9 сентября они приходили в их деревню и скандировали:

— Мир острову Доди!

А человек, который теперь руководил допросом, в тот день выступал перед её односельчанами. Осознав, что люди, которые приходили заключить соглашение о «мире», напали на её деревню, убили её земляков, семью и её любимого Анто, женщина снова ощутила прилив ненависти. Теперь, сидя на деревянном стуле посреди комнаты, она думала, какой же на самом деле их мир.

— Где скрываются другие христиане? — спрашивал высокий худой человек.

— Я не могу вам сказать. Я не буду вам отвечать. Убейте меня.

Адель знала, где могут скрываться христиане, как знала и о том, что с ними будет, если она выдаст их.

— Мы их не тронем. Мы просто хотим знать, где они. Разве ты не хочешь пойти домой?

Адель сидела молча и не отвечала на вопросы. Допрос продолжался ещё полчаса и закончился пощёчиной. Перед пленной поставили тарелку с едой, но она отказалась есть. Тогда двое мужчин силой открыли ей рот и начали заталкивать туда пищу. Адель выплёвывала всё, хоть ничего не ела уже на протяжении трёх дней.

Вскоре всё село Дахму узнало об отказе Адели есть и говорить. Люди начали собираться группами и кричать:

— Выдайте её нам! Мы порежем её на куски и закопаем в землю.

Когда Адель слышала их зловещие голоса, её охватывали ненависть и страх.

Однажды в комнату, в которой держали христианку, вошёл пожилой мужчина по имени Сабум Сабар. Он был не таким яростным, как другие. Присев рядом со стулом, на котором сидела Адель, он спросил, может ли она рассказать, где скрываются другие христиане.

— Нет, я не могу, — ответила женщина. Ей стало страшно, и она расплакалась. Сабар встал и, обратившись к командиру, сказал:

— Этой женщине лучше пойти со мной. Если она останется здесь, её убьют.

Когда Адель вели к дому Сабара, жители села продолжали кричать, что они убьют её. Они угрожали, что дождутся удобного момента, чтобы отправить её на тот свет. Но Сабар успокаивал Адель:

— Теперь ты будешь в безопасности. Будешь спать в свободной комнате.

Войдя в бедно обставленную комнату, Адель быстро закрыла за собой дверь, а затем опустилась на кровать — травяную циновку — и, вспомнив своего любимого Анто, дала волю слезам.

«ДУМАЕШЬ, ХРИСТОС *СПАСЁТ* ТЕБЯ?»

На следующий день в село приехали солдаты в форме. Их сразу же привели в дом Сабара, они хотели видеть Адель. Солдаты задали ей тот же вопрос: «Где скрываются другие христиане?» И снова Адель отказывалась отвечать. Ей разрешили вернуться в комнату. Сквозь тонкие стены к ней доносился разговор мужчин.

Целью солдат было отыскать христиан. Они решили, что Адель пойдёт с ними как проводник. Адель такая перспектива ужасала. Она решила, что скорее умрёт, чем пойдёт с ними.

Ближе к вечеру три женщины из деревни принесли Адель пищу. Но она снова отказалась есть. Присмотревшись к ним, Адель узнала их. Они были из соседней деревни и когда-то тоже были христианками, однако вышли замуж за мусульман и приняли ислам. Одна из женщин, Уме, начала злобно упрекать Адель:

— Ты отказалась принять ислам, а теперь пожинай плоды этого. Ты хочешь верить во Христа? Думаешь, Он может *спасти* тебя?

— Замолчи, Умэ! Прекрати! — прервала её другая женщина. — Неужели ты думаешь, что Мохаммед *спасёт* нас?

Адель увидела в глазах этой женщины нежность и обняла её, когда женщины собирались уходить. На глаза женщины навернулись слезы, и она прошептала:

— Может быть, я тоже когда-нибудь вернусь к Христу...

Адель не знала, приняла ли эта женщина решение вернуться к Христу, или просто предполагала такую возможность. Она посмотрела на её печальное лицо и тихо ответила:

— Если ты действительно хочешь вернуться к Господу, Он обязательно укажет тебе путь.

Наступил вечер, и солдаты вернулись. Было решено окружить христиан острова, а Адель должна была показывать дорогу. Как только их найдут, их всех сожгут, всех до одного. Никого не оставят в живых. Адель знала, что она ничего не может сделать, чтобы изменить чудовищные планы мусульман. Она была заперта в комнате и только молила Бога дать ей сил. Если её заставят быть проводником, она знала, что отказ будет означать верную смерть.

Адель услышала на улице крики и подползла к стене, чтобы в щель посмотреть, что происходит. Солдаты поймали ещё одну семью христиан. Мужчину убили, а жену и троих детей привели в Дахмы. Адель услышала, что женщину зовут Роза. Адель вновь вернулась на свою циновку. Она хорошо знала эту семью. Их сын был сверстником Анто и почти ежедневно играл в их доме.

Ближе к полуночи в комнату вошёл Сабар.

— Адель, что нам делать? Солдаты настаивают, чтобы ты шла с ними.

Адель была удивлена тем, что этот человек сказал «нам». Он будто разделял её страдания. Доброта Сабара была для Адели островком спокойствия в море ненависти. Адель знала, что у неё нет выбора.

— Скажи им, что они могут пристрелить меня на месте, я не пойду с ними.

— Почему ты так боишься? — удивился Сабар.

— Потому что я знаю их планы. Я слышала их разговоры и отказываюсь помогать им убивать людей, — отрезала Адель.

Сабар ушёл. Ещё одна бессонная ночь. Адель всё ещё ничего не ела. Перед рассветом, одна за другой, поступили но-

вости: ...убили ещё одну семью, ...взяли в плен много женщин и детей, ...нашли молодую девушку... Адель надеялась, что ей удастся узнать что-либо о Кристине. Она даже подумала, что, если дочь убили, это, может, даже и лучше. Какая страшная мысль! Адель боялась того, что эти безжалостные люди могли сделать с её любимой, невинной девочкой.

КРИСТИНА

В четыре часа утра Адель обратилась к Господу: «Почему Ты не даёшь мне умереть?» Слезы лились по её щекам, когда женщина повторяла вопрос, так мучивший её: «Почему?»

Жестокие угрозы со стороны жителей деревни звучали на полную силу. Один мужчина почти проткнул Адель мачете через стену комнаты. Две женщины, которые приходили раньше, пришли снова и просили её поесть. Но она снова отказалась. По ночам Адель сидела на полу, прислонившись к стене, и плакала, а засыпала только под утро. Она непрестанно молилась о Мэту и своих односельчанах, однако наиболее страстно она молилась о Кристине.

Однажды Сабар принёс новость.

— Адель! Адель! — кричал он, влетев в комнату. — Пришли какие-то люди. Они утверждают, что взяли твою дочь Кристину!

Оставлять дом Сабара было рискованно, чрезвычайно рискованно, но Адель должна была узнать, правда ли это. А может, Кристина действительно жива?! Хотя возможно и то, что это — хитрые происки врагов, может быть, её хотят выманить из дома Сабара? Существовал только один способ узнать правду.

В деревню Салуби на лодке отправились шесть солдат джихада, Адель, Сабар (который по просьбе Адель согласился сопровождать её) и девочка-пленница по имени Макси. Макси было всего семь лет, она также когда-то дружила с Анто.

Адель крепко обнимала девочку. Она плакала, глядя на Макси и поправляя её взъерошенные волосы. Она давно знала эту девочку, которая была другом их семьи.

На протяжении всей непродолжительной поездки в Салуби Адель не выпускала Макси из своих объятий. Девочка напоминала ей Анто. Впрочем, минуты покоя пролетели быстро, и вскоре на берегу Адель увидела солдат, ожидавших её. Они за волосы вытащили женщину из лодки, жестоко напомнив ей, что она находится в плену.

Макси очень испугалась, увидев такое жестокое отношение солдат к Адели. Она начала громко кричать, её тело сотрясали судороги. Услышав крики девчушки, Адель снова громко произнесла:

— Кровь Христа всесильна!

Теперь она заподозрила, что поездка в Салуби не имела ничего общего с Кристиной. Надежда на встречу с дочерью неумолимо таяла. Солдаты продолжали бить женщину. Сабар начал просить мужчин прекратить издевательство. Ему удалось вырвать Адель из их рук, и он отвёл её в большой дом на берегу реки, где держали других пленников. Он сказал:

— Больше я ничего не могу для тебя сделать, прости меня. Если я буду вмешиваться и дальше, они убьют и меня.

В доме находились другие женщины, которых ужасали угрожающие возгласы мужчин, звучащие со двора. Адель заплакала и закрыла лицо руками. Вдруг она услышала родной голос. Подняв глаза, женщина увидела свою дочь. Да, это была Кристина!

Девочка бросилась в объятия матери и зарыдала.

— Мама, мамочка!

Они обнялись.

— Мамочка, мне так жаль! Они убили бабушку, и я видела его тело, мама. Я видела тело Анто, его тоже убили! Ах, мама!...

— Я знаю, Кристина... Я знаю, что их убили...

Адель тоже зарыдала. Кристина не знала, что сказать, она лишь снова и снова целовала мать.

НА ПОРОГЕ ВЫБОРА

Вечером шестого дня плена Адель и шестьдесят других заключённых собрали вместе и объявили им, что на следующее утро они должны будут принять ислам.

— Я никогда не стану мусульманкой, — ответила Адель.

— Ладно. И не нужно. Однако в таком случае, мы убьём всех, — спокойно ответил командир. — И их кровь будет на тебе.

Наконец, впервые со времени нападения, пленным христианам разрешили собраться вместе. Они обнимались и плакали. Христиане знали: им нужно решить, что делать — согласиться принять ислам или пополнить ряды христианских мучеников.

— Мы можем повторить слова, мы можем сказать их молитвы. Но Бог знает наши сердца. Он нас не осудит, — прервал затянувшееся молчание какой-то человек.

— Как же мы можем? Мы же так долго сопротивлялись. И все напрасно?

— А как же наши дети? Разве мы хотим, чтобы наших детей казнили у нас на глазах?!

— Неужели Бог хочет, чтобы все мы погибли?

Спор продолжался. Адель, размышляя о страшном положении, в котором они оказались, почти перестала слушать. Сама она с лёгкой душой отказалась бы принимать ислам. Она знала, что её вера даст ей силы стоять до конца. Но справедливо ли то, что от неё будет зависеть судьба других людей, включая и её родной дочери Кристины? Эта дилемма мучила Адель, и она просила ответа у Бога. Однако ответа не было.

На следующее утро христиан собрали во дворе.

— Итак, решили? Будете принимать ислам или умрёте? — спросили их.

Никто не решался ответить первым. Даже маленькие дети притихли, замерев от страха. В каждом сердце продолжалась внутренняя борьба за то, чтобы остаться верными своим убе-

ждениям. Командира всё больше злило их молчание. Он отрывисто и резко начал отдавать команды на своём языке. Солдаты вернулись с десятком ложек и начали смешивать землю с водой и заставляли христиан есть грязь. Когда Адель выплюнула ком месива, командир ударил её по лицу.

— Ешь! Немедленно ешь! — яростно кричал он.

Адель отказывалась.

Потом принесли шланг и каждого пленника облили водой, осуществляя обряд обращения в ислам, после чего мусульмане спели стихи из Корана. А закончив, начали танцевать и стрелять в воздух, празднуя свою «победу» над христианами и их «обращение» в ислам. Христиане молча наблюдали за празднованием солдат.

Вскоре солдаты начали сносить канистры с бензином. Пленные замерли от ужаса. К толпе с важным видом направлялся хорошо одетый офицер. Адель узнала его — это был командир с острова Ява. Он спокойно приказал офицерам запереть христиан в одном из домов и облить бензином.

Когда христиан заталкивали внутрь, они кричали от ужаса и прижимали к себе детей. Они не боялись умереть за Христа. Каждый из них за последние несколько дней доказал это не раз. Однако мысль о том, что их сожгут живьём и они увидят, как их маленькие дети погибают в огне, была невыносимой. Все как один упали на колени, моля Бога спасти их от такой ужасной смерти.

Пока христиане молились, солдаты спорили о том, стоит ли тратить бензин на христиан. Один из них подметил, что теперь они обращены в ислам и могут быть полезными для дела джихада. Большинство согласилось. Если пленные согласятся участвовать в джихаде, это подтвердит их верность Аллаху и их помилуют.

ПЛАТА ЗА РЕШИМОСТЬ

Пока солдаты спорили, Адель и другие пленные всё ещё находились в состоянии шока. Такого развития событий не мог предвидеть никто. Однако решение всё же придётся принять. Если взрослые пленники согласятся пойти с солдатами на джихад, все будут спасены. Иначе хижину обольют бензином и сожгут всех христиан вместе. Дрожа, пленники стояли на коленях, смотрели друг на друга и ждали, пока кто-нибудь наберётся мужества заговорить первым. В дом вбежал командир и воскликнул:

— Если вы достаточно взрослые, чтобы держать в руках мачете, присоединяйтесь к джихаду. Будет весело!

Когда Адель слушала издевательства солдат, в её душе закипал гнев. Почувствовав прилив мужества, она поднялась на ноги. Командир самодовольно улыбнулся, приняв её за первого добровольца. Однако женщина смело обратилась к пленным.

— Не ходите с ними. Если они собираются убить нас, то пусть лучше убьют здесь. По крайней мере, мы будем все вместе.

Командир, разъярённый дерзостью Адели, схватил её за руку:

— Что ты сказала?!

Адель повторила:

— Мы не будем участвовать в джихаде, а теперь, пожалуйста, убирайтесь вон!

Командир ещё крепче сжал руку Адели. Ему не нужно было ничего говорить, его глаза горели яростью. Однако Адель верила, что Бог защитит их, хотя и знала, что открытое неповиновение будет дорого ей стоить. Когда командир вышел из комнаты, другие пленные начали выражать восхищение мужеством женщины и говорить о том, каким образом её слова повлияют на их будущее.

Солдаты вышли, и пленников начали выводить из помещения.

Прошло две недели, в течение которых Адели постоянно угрожали. Мусульмане знали, что она влияет на других пленных, и считали, что от неё необходимо избавиться. Когда, поддавшись на уговоры Кристины, Адель начала понемногу есть, к ней стали возвращаться силы.

Военные командиры приезжали в маленькую деревню почти каждый день, чтобы решить, что делать с пленными. Они сомневались, что обращение христиан в ислам было искренним, и считали, что их надо было сжечь, как и планировалось ранее, чтобы не осквернять свою деревню. Чтобы выявить искренность обращения пленных в ислам, было решено над всеми женщинами провести обряд обрезания.

Узнав об этом, некоторые из женщин начали плакать. Это подтвердило подозрение командира, и он снова начал настаивать на целесообразности смертной казни. Другие солдаты убеждали его, что христиане пригодятся, если им сохранить жизнь. Поэтому мусульмане снова решили оставить их живыми. Они собрали всех девочек-подростков, в их числе и Кристину, и обрезали их вместе с женщинами. Боль была невыносимой, и Кристина плакала, не переставая. В душе Адели закипала злость, которую она пыталась сдержать внутри. Её собственные испытания были несказанно тяжёлыми, однако наблюдать за мучениями дочери было просто невыносимо. Адель ненавидела всех мусульман, кроме Сабара. Она знала, что ненависть — это рак души и избавиться от неё можно только через прощение. А прощение в тот момент казалось Адели невозможным. Всё, что она могла делать, — это молиться.

Прошло шесть недель. Угрозы пленникам прекратились. Это очень беспокоило Адель. Она начала чувствовать на себе взгляды мужчин-мусульман. Местные мужчины уже неоднократно пытались изнасиловать её. Она чувствовала, что их похоть усиливалась с каждым днём, и думала, как долго ей

ещё удастся защищаться от них. Даже командир пытался заигрывать с ней. Адель тосковала по Мэту, по его утешению и всё время думала о том, жив ли он.

МЭТУ

Однажды утром в Салуби лодкой приплыла группа правительственных чиновников. Они проверяли заявление о том, что в селе держат заложников-христиан. Солдаты-исламисты наотрез отрицали это. Однако Нахор, владелец лодки и христианин, слышал, что женщину по имени Адель держат в плену. Высадив пассажиров, он сразу же отправился на её поиски.

— Ты Адель? — прошептал Нахор, наконец найдя женщину.

— А ты кто? — с подозрением ответила вопросом на вопрос Адель.

Узнав, что женщина на самом деле Адель, Нахор обнял её и заплакал.

— Я много слышал о тебе и о твоих страданиях, — сказал он.

— Что? Откуда ты меня знаешь?

— Мне рассказывал о тебе Мэту.

Адель не могла поверить своим ушам. Её Мэту жив! Впервые за шесть недель она почувствовала безграничную радость и улыбнулась.

— Мэту жив? — спросила она, чтобы удостовериться, что всё услышала правильно.

— Да, он жив! Хочешь написать ему письмо? — спросил Нахор.

Мысль о том, чтобы написать Мэту, очень обрадовала Адель. Как ей хотелось написать ему! Однако она знала, что есть дела поважнее.

— Да, мне очень хотелось бы написать Мэту, но сначала мне нужно написать что-то другое. Скорее дай мне бумагу и ручку.

Адель села и стала быстро записывать имена всех пленников. Она всё ещё писала, когда заметила, что к ним приближается командир.

— Скорее, возьми это с собой, Нахор. И, прошу тебя, будь осторожен!

Адель быстро обняла Нахора и убежала, жалея, что не успела написать записку Мэту. Как ей хотелось всё ему рассказать! О том, как она его любит, как ей не хватает его присутствия, какая храбрая у них Кристина. Однако времени было мало, и ей нужно было сообщить о других пленниках. Их семьи, несомненно, тоже скучают. Она надеялась, что никто не заметил, как она говорила с Нахором.

— Что ты писала? — угрожающе воскликнул командир, увидев, что Адель не только разговаривала с владельцем лодки, но и передала ему записку. — Ты писала письмо?!

— Нет, я не писала письмо, — спокойно ответила Адель.

— А что ты писала? — командир был разгневан. Он приставил к её шее нож.

Адель ответила уверенно:

— Я написала имена тех, кого вы держите в плену.

— Что? — яростно заорал командир. Адель была уверена, что он перережет ей горло, но впервые заметила, что совсем не испытывает страха. Она сделала то, что, по её мнению, она должна была сделать. К тому же теперь она точно знала, что Мэту жив. Какой чудесный день! Радость этого дня не мог омрачить даже бессердечный командир.

— Я только что заверил представителей правительства в том, что здесь никого не держат против их воли. Я подписал соглашение. А ты передала им список пленников! Ты — свинья! Ты заплатишь за это!

И командир сдержал слово, данное женщине. В тот день Адель жестоко избили и продолжали бить ещё много дней подряд.

Менее чем через два месяца в деревню Солуби снова приехали с проверкой. Список, составленный Аделью, передали

представителям власти и распространили среди семей пленных. До Адели дошли слухи, что Мэту будет сопровождать представителей власти, чтобы забрать её и Кристину.

Как же Адель радовалась! Они с дочерью пережили ужасы, которые даже трудно себе представить. Но теперь они поедут домой. Настроение женщины улучшилось, она даже заметила, что начала улыбаться. А вот Кристина до конца не верила в это.

— Неужели мы действительно поедем домой, мама? — снова и снова спрашивала она. — Мы поедем с папой? А если нам не позволят поехать?

Адель слышала в голосе Кристины беспокойство и знала, что её сомнения совершенно обоснованы. Мать обняла свою храбрую дочь и задумалась над тем, какой предлог могут придумать мусульмане, чтобы не отпустить их. На следующий день она узнала об этом.

«Я НЕ МОГУ ПОЕХАТЬ С ТОБОЙ!»

Адель и Кристину поставили перед пленниками. Командир сообщил присутствующим:

— Скоро мы отпустим Кристину и Адель на остров Дахма к её мужу-христианину.

Новость о приезде Мэту уже облетела деревню. Они знали Адель. Если бы ей разрешили выехать, она не успокоилась бы, пока не добилась бы освобождения остальных заключённых. Адель стала бы их надеждой на спасение.

— Адель и Кристину спросят, хотят ли они остаться здесь с вами или поедут с Мэту, — продолжал командир. — И если хоть одна из них захочет уехать, мы всех вас убьём.

Командир подошёл к маленькой девочке лет пяти и наклонился к ней. Вытащив из ножен острый нож, он прижал его к горлу дрожащего от страха ребёнка и злобно произнёс:

— Даже тебя.

Христиане стояли, поглядывая на Адель. «Какое решение она примет? — думали они. — Какое решение принял бы я, если бы оказался на её месте?...» Адель знала, что никто не осудит её и Кристину, если они решат уехать с Мэту. Её размышления прервал возглас командира:

— Пошли!

— *Уже?* — в тот момент Адель не знала, что Мэту уже ждёт их. Всё происходило слишком быстро. Ей нужно было время, чтобы помолиться и подумать, действительно ли командир убьёт остальных пленных, или он просто блефует. Как можно отказаться от возможности уехать с Мэту? А как согласиться и обречь оставшихся на верную смерть?

Не успела Адель обдумать ситуацию, как их втолкнули в комнату, где вместе с офицерами сидел Мэту. Командир прошипел на ухо Адели:

— Помни, если кто-то из вас согласится ехать, я убью всех пленных. И не только их. Я убью и Мэту. Клянусь, его я тоже убью!

От этих жестоких слов по спине Адели побежали мурашки, и она поняла, что командир обязательно выполнит своё обещание.

В глазах Мэту Адель видела страдания. Как бы он хотел быть со своей женой и дочерью! Последние три месяца, видимо, казались ему вечностью, а теперь у него появилась надежда. Он был настроен решительно. Он не собирался покинуть комнату без них. Всё, что Адель могла сделать, — это молиться, чтобы Бог дал ей сил.

Мужчина, сопровождавший Мэту, представился как офицер Саид и сразу же спросил:

— Адель, ты хочешь уехать с Мэту или остаться в Салуби?

Адель знала, что вопрос будет именно таким, слово в слово. И её предупредили, как на него отвечать. Женщина пыталась что-то сказать, но её губы двигались беззвучно.

— Адель, ты хочешь уехать с Мэту или остаться в Салуби?

Адель посмотрела на Мэту, не понимающего, почему она так долго колеблется.

— Мэту... — слезы покатились по её лицу, когда она выдавила из себя: — Я не могу поехать с тобой...

Мэту чуть не соскочил со стула, чтобы подбежать к жене и спросить почему, но Саид сдержал его и сразу же задал тот же вопрос Кристине. Адель все ещё всхлипывала и смотрела на дочь, не зная, что она ответит. Она не имела времени посоветоваться с Кристиной и теперь была уверена, что и пленники, и Мэту погибнут. Как девятилетняя девочка может понять, что её желание поехать с отцом может привести к смерти стольких людей?

— Я не могу поехать с тобой, папа, мне очень жаль... — тихо произнесла Кристина.

Офицер Саид вскочил:

— Ладно. На этом и закончим. Всем понятно? Больше эту тему не поднимать.

Адели и Кристине позволили поговорить с Мэту на протяжении пяти минут под строгим присмотром и запретом разговаривать шёпотом. Нарушая приказ, Адель прошептала, молясь, чтобы её не услышали:

— Мэту, мне пришлось так ответить. Они угрожали убить других людей, если мы уедем с тобой. Пожалуйста, не осуждай меня. До последнего дня своей жизни я буду надеяться. Я знаю, что когда-нибудь мы снова будем вместе.

Мэту с грустью посмотрел на жену. В её глазах было столько боли. Он восхищался её мужеством. Любые слова казались лишними. Он только произнёс:

— Я понимаю.

В ТИСКАХ БЕЗЫСХОДНОСТИ

Не успев начаться, встреча закончилась, и Адель с Кристиной снова вывели из комнаты. Адель хотела повернуться,

чтобы ещё хоть раз взглянуть на Мэту, но командир ударил её кулаком в спину:

— Не оглядывайся на него, — прошипел он. — Он верит в Иисуса. Он — свинья!

Теперь Адель могла только плакать и думать о том, что принесёт ей будущее.

На протяжении следующих нескольких недель Адель держалась за надежду когда-нибудь быть рядом с Мэту. Эта надежда помогала ей облегчить боль и страдания и поддерживала её.

Пока однажды, 10 апреля, её жизнь не превратилась ещё в больший ужас...

— Адель, — сказал командир, — я решил, как с тобой поступить. Ты принесла мне немало неприятностей. Ты — возмутитель спокойствия. Я решил позволить одному из моих людей жениться на тебе. Возможно, ему удастся тебя обуздать.

Адель не могла поверить в это.

— Я не могу выйти замуж. Я замужем за Мэту!

— Я уже говорил тебе, что Мэту — не человек. Он — свинья, и я не признаю этого замужества. Если ты откажешься выйти за человека, которого я выбрал для тебя, я позволю *всем* владеть тобою.

Больше командир ничего не хотел слушать, и Адель знала, что именно так он и поступит. Выхода не было.

Адель обратилась к другим пленным, умоляя о помощи. Она знала, что они мало что могут сделать, но надеялась, что они вместе с ней будут протестовать против этого насильственного брака. Однако они молчали, боясь за свои жизни. Наконец, одна из них сказала:

— Если ты не выйдешь замуж, они могут изнасиловать и убить нас всех.

Эти слова поразили Адель в самое сердце. Адель пыталась защитить этих женщин и ради них отказалась от собственной свободы, теперь она чувствовала себя преданной. От безысходности женщина зарыдала:

— Как вы можете так предать меня, чтобы спасти себя?!

Женщины только просили прощения и плакали. Они знали, что их также могут заставить выйти замуж за мусульман.

Когда Адель и Кристину привезли в дом Алмина, нового мужа Адели, она подумала, что хуже быть не могло. Впрочем, ситуация осложнилась ещё больше, когда несколько месяцев спустя Адель забеременела.

НЕВИННОЕ ДИТЯ

До октября эмоциональное состояние Адели сильно ухудшилось. Ей часто казалось, что она летит вниз в бездонную яму. Мусульмане убили её сына и мать. Они издевались над ней бесчисленное количество раз, а теперь лишили её последней надежды на воссоединение с Мэту. Ненависть, которая появилась в тот страшный день, когда мусульмане разорили её деревню, росла быстрее, чем новая жизнь внутри неё. Адель плакала, пытаясь найти хоть какую-то радость, однако не находила никакой. Она даже не могла любить невинного ребёнка, которого носила под сердцем. Для Адели он был лишь напоминанием обо всём, чего её лишили.

— Я больше не позволю им ничего забрать у меня, — решила она.

Она дождалась, пока останется одна и взяла с кухонного стола нож. Трудно было поверить, что всё зашло так далеко. Адель спрашивала себя, для чего она выжила, чтобы сейчас переживать такое отчаяние. Она знала, что Бог спас её, однако больше не имела сил продолжать жить. Медленно она поднесла нож к животу, закрыла глаза и попросила у Бога прощения.

— Мама, остановись! — завизжала Кристина, которая в тот момент вошла на кухню, и выхватила из её руки нож. Адель зарыдала и упала на пол. Кристина плакала рядом с ней.

— Мама, что ты делаешь?! Ты не можешь убить себя!... И этот ребёнок не сделал ничего плохого. Он невиновен!

Что-то в сердце Адели надорвалось. Она часами плакала, а слова Кристины непрерывно звучали в её ушах, сердце и душе. Она молила Бога простить её, признаваясь в лютой ненависти к тем, кто держит её в плену. Она начала понимать, как её ярость почти разрушила невинную жизнь, так же как солдаты джихада разрушили её собственную. Эта мысль словно отрезвила её. Она знала, что милость Божия пребывает с ней, а ненависть не даёт ощутить целебную Божью любовь.

Адель стала ласково поглаживать свой живот и разговаривать с новой жизнью внутри себя. Надеясь, что это девочка, она называла ребёнка Сарой:

— Сара, прошу, прости меня. Прости грех своей матери. Ты ничего плохого не сделала. Ты — единственное хорошее, что я имею в этой ситуации. Я люблю тебя.

Казалось, чёрная туча отступала, когда Адель молилась и говорила с Сарой. Ранее женщина считала нарождённого ребёнка врагом, ребёнком убийцы её сына. Но теперь она осознала, что он — её ребёнок и Божье творение. Она обняла своих обеих дочерей.

На следующий день Адель взяла лист бумаги. Она знала, что должна каким-то образом связаться с Мэту. Она должна рассказать ему всё, что произошло, и попросить у него прощения. Даже если он больше не будет считать её своей женой, она поймёт и не будет осуждать его. Она любит его и всё ещё надеется, что когда-нибудь они будут вместе. Адель писала письмо, а её слезы, смешиваясь с чернилами, растекались по листу. Сможет ли он прочитать это письмо? Она исписала шесть страниц. Для Адели это было самое болезненное, важное и полное любви письмо в жизни. Она тщательно свернула его и спрятала, молясь, чтобы ей представилась возможность передать его Мэту.

24 декабря пленников заставили работать на кокосовой плантации. Это была тяжёлая работа, особенно для Адели,

которая была на шестом месяце беременности. Был канун Рождества, и каждый из пленных вспоминал, как когда-то они праздновали этот праздник дома со своими семьями. В тот вечер, когда Адель начала тихонько напевать «Тихую ночь», другие пленные подхватили её. Вскоре пели все. Каждый знал, как опасно петь традиционную рождественскую песню о Христе. Их, наверное, побьют — впрочем, всем было безразлично. Им так радостно пелось!

Все снова вспомнили свои семьи и дома. Их тела были в плену, однако души их были свободны, и они обращали своё пение к Богу. На следующее утро все снова лили слезы печали, оплакивая свой тяжкий плен, и надеялись на более счастливые времена. Ни один из них никогда не забудет Рождество, которое они вместе встречали на поле.

18 марта на свет появилась Сара.

Теперь, когда ребёнок родился, Кристина чувствовала, что пришло время поделиться с матерью своими сокровенными мыслями.

— Мама, вы должны попытаться бежать, ты и Сара. Если вы не убежите, мы здесь все умрём.

— Я не могу оставить тебя, Кристина. Я никогда не оставлю тебя, — отрезала Адель.

— Мама, послушай меня. Ты *должна* бежать, — настаивала десятилетняя дочь. — Алмин никогда не позволит нам уйти всем вместе. Но если уйдёшь ты и Сара, он подумает, что ты обязательно вернёшься. Но ты не должна возвращаться. Ты должна добраться до папы. Он же приедет за мной. Это наша единственная надежда.

Адель знала, что дочь права, однако не знала, каким образом это осуществить. Она даже не знала, примет ли её Мэту, особенно теперь, когда у неё есть Сара. Не имея ответов на множество своих вопросов, Адель не осмеливалась планировать побег.

Однако в апреле она получила ответы на свои вопросы. Адель носила своё письмо более шести месяцев, молясь и на-

деясь, что ей представится возможность передать его. Однажды, когда в их деревне гостили несколько детей, такая возможность появилась. Адель знала одну из девочек и подошла к группе детей, когда они играли. Она незаметно передала девочке письмо и попросила отдать его своему мужу, Мэту. Девочка взяла письмо и кивнула.

Адель шла домой и молилась, чтобы письмо попало к мужу... Молилась, чтобы он простил её... Молилась, чтобы он все ещё любил её. Ежедневно глаза Адель искали по деревне знакомую девочку. Женщина надеялась, что она снова придёт. Через несколько дней она действительно появилась снова.

— Ты видела Мэту? Отдала ему моё письмо? — волнуясь, спросила Адель.

— Да, я отдала письмо Мэту, а он сразу же дал мне вот это.

Адель очень удивилась, когда девочка протянула ей сложенный во много раз лист бумаги. Мэту написал ей письмо ещё до того, как получил от неё известие. Она видела по выцветшему конверту и его смятым краям, что он долго носил его, так же как и она долго-долго ждала возможности передать своё письмо.

Адель хотела сразу же прочитать его, но быстро передумала. Может, Мэту ненавидит её? А может, он женился на другой? Адель побежала домой. Её сердце вырывалось из груди, когда она читала письмо:

«Адель, ты можешь иметь десять детей от десяти мужчин, и всё же ты — моя жена. Помнишь, что сказал нам пастор? Только Бог может разлучить нас. Я люблю тебя!

Твой Мэту».

Сомнения Адель развеялись, и она начала планировать побег.

ПОБЕГ И СПАСЕНИЕ

Два месяца спустя, 18 июня, Алмин позволил Адель посетить родственников на соседнем острове. Прижимая к себе Сару, Адель потянулась за Кристиной, чтобы помочь ей сесть в маленькую лодку. Но Алмин задержал девочку:

— Она останется здесь.

Адель просила Алмина позволить Кристине поехать, но он ничего не хотел слышать.

— Я не поеду без Кристины, — настаивала Адель. Но Алмин был неумолим. Он знал, что его «жена» убежит, как только он отпустит Кристину.

Всё произошло так, как спланировала Кристина. Она обняла мать и прошептала ей на ухо: «Пожалуйста, мама! Пообещай, что ты и Сара поедете к папе. Пожалуйста, я тебя очень прошу. Со мной всё будет в порядке». Адель крепко обняла Кристину. Восхищаясь храбростью своей дочери, мать поцеловала её и попрощалась. Она знала, что, может быть, она ещё долго не увидит её, а может, не увидит никогда...

Адель стояла в лодке, наблюдая за тем, как вдали исчезает фигура Кристины. Она забавляла Сару и плакала, спрашивая себя, верное ли решение она приняла. Она не собиралась посещать родственников. Она планировала быстро добраться до Мэту, скорее, чем Алмин поймёт, что она сбежала. А потом они каким-то образом должны освободить Кристину.

Адель понадобилась неделя, чтобы добраться до Мэту. Путешествие было долгим и трудным. Адель не решалась сообщить мужу о своём приезде, опасаясь, что Алмин раскроет её замысел. Адель сидела на кровати в домике для гостей и с беспокойством ожидала. «*Захочет ли Мэту принять меня?* — снова и снова спрашивала она себя. — *А Сару?*»

Даже теперь, когда Адель была свободной, она все ещё чувствовала себя пленницей. Хуже того, она чувствовала себя предательницей. Она вышла замуж за другого мужчину и оста-

вила в плену Кристину, свою дочь. Как сможет Мэту простить её? Снова и снова она сомневалась в правильности своего решения, долго плакала и, наконец, уснула.

Услышав шаги Мэту, Адель сразу же проснулась. Дрожащими от волнения руками она схватила Сару и встала. От страха, что она допустила ужасную ошибку, Адель хотелось быстро убежать. Она не думала о том, куда пойдёт, ей просто хотелось бежать прочь. Всё равно куда. Ей не хватало смелости посмотреть в глаза Мэту.

Мэту встретил её в дверях. Ни минуты не колеблясь, он радостно обнял жену, а затем посмотрел на девочку, которую Адель держала на руках, и улыбнулся.

— Это наша маленькая дочь, — произнёс он. Адель снова заплакала. Теперь уже от радости. Она наслаждалась долгожданным воссоединением с мужем. Адель хотелось постоянно держаться за него, наслаждаться безопасностью, которую давали его объятия. Однако она знала, что теперь снова должна отпустить Мэту, ведь они не успокоятся, пока не спасут Кристину.

Не находя себе места от волнения, день за днём Адель ждала вестей от Мэту или от Кристины. «*Может, они уже убили Кристину? Может, убили Мэту? Во всём этом моя вина*». Адель постоянно боролась с чёрными мыслями, моля Бога о защите для себя, Сары, Кристины и Мэту.

Женщина находила утешение в знакомых текстах из Евангелия, которых ей так не хватало во время восемнадцатимесячного плена. Она хорошо помнила, как в джунглях солдаты джихада изрубили её Библию на куски. Адель вновь открыла Послание святого апостола Павла к филиппийцам, 4:13, как делала это всегда, и прочитала вслух: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе». Она вспомнила, когда в последний раз читала эти слова. Это было на холме за деревней в день нападения мусульман. С тех пор, казалось, прошла вечность, она побывала в аду и вернулась. Адель знала, что кошмар ещё

не закончился, поскольку не переставала думать о Кристине и спрашивать себя, не предала ли она свою дочь.

Мэту не было уже более двух недель, когда, наконец, Адель получила известие о том, что он — с Кристиной, а она должна как можно быстрее приехать к ним. Наконец они снова будут все вместе! Слезы радости катились по щекам женщины, и она поблагодарила Бога, что Мэту удалось спасти Кристину. Теперь она со страхом думала о том, на что способен Алмин, чтобы вернуть их.

ЭПИЛОГ

Когда мы разговаривали с Аделью, она и Мэту учились в подпольной библейской школе и готовились стать миссионерами. И хотя от времени бегства женщины из плена прошло уже несколько месяцев, семья продолжала регулярно менять место жительства, скрываясь от Алмина, который с помощью других мусульман продолжал искать их. Дважды женщина едва не попала в их руки.

После освобождения Адели предстояло выполнить две важные задачи. Первая была настолько тяжёлой, что, казалось, она никогда с ней не справится. Она, христианка, знала, что должна простить солдат джихада. Этот трудный процесс начался ещё во время беременности, когда Кристина напомнила матери, что ребёнок, которого она ждала, не сделал ничего плохого и что Сара невиновна. Адель знала, что может сказать «я прощаю», но эти слова должны быть сказаны от души, ведь именно там начинается настоящее прощение. После побега Адель много молится. Она молится о спасении тех, кто мучил её, и за свою семью. Она верит, что молитва — это ключ к способности простить.

Вторая задача также была чрезвычайно тяжела. Адели нужно было простить себя за брак с Алмином, хотя это и произо-

шло против её воли. Она часто чувствовала себя предательницей. К большому сожалению, другие христиане поддерживали сомнения, которые с возрастающей силой мучили душу женщины. Иногда ей казалось, что Мэту и друзья-христиане откажутся от неё из-за того, что она была женой Алмина. А, как известно, часто с внутренним смятением труднее справиться, чем даже с физическим насилием.

Когда Адель освободилась из плена, её поддерживала семья христианских миссионеров, которые дружески относились к ней, Мэту и детям и всячески пытались помочь им. Когда Адель вернулась к своему мужу, одними из первых слов, которые Господь положил ему на сердце, были: «Адель, ты — не предательница!» Эти слова помогли Адель стать на путь прощения себя.

Адель и Мэту продолжают упорно работать над тем, чтобы добиться освобождения тех, кто был в плену. Некоторые из них до сих пор находятся там. Адель просит, чтобы мы молились за них.

ПУРНИМА:

СВОБОДНАЯ ДУША

Бутан
1 марта 1993 года

В тот необычайно холодный поздний зимний вечер полиция уже в который раз окружила группу христиан и повела в помещение районной администрации. Тринадцатилетняя Пурнима дрожала от холода, поскольку задержанных заставили стоять во дворе, пока длился допрос. Офицеры, как всегда, задавали одни и те же вопросы: «Почему ты хочешь быть христианином?», «Откуда церковь получает поддержку?», «Бутан — буддистская страна, а ты бесчестишь нас, приняв чужую религию. Почему ты идёшь против своего народа?»

Тридцать пять христиан, одного за другим, допрашивали в течение долгой ночи. Офицеров было около двадцати, большинство из них — крепкие и жестокие. Пурнима съёжилась, когда один из них ударил брата-христианина, стоящего рядом с ней. Кто-то плакал, кто-то пытался проповедовать. Тринадцатилетняя Пурнима, стоя перед громадным офицером, молилась о том, чтобы ей хватило мужества ответить на его вопросы.

— Кто позволил вам праздновать Рождество в деревне Пурта? Это Бутан. В Бутане не позволено праздновать Рождество. Это ваш последний шанс: или вы вернётесь в буддизм, или вынуждены будете оставить Бутан.

Офицер обратился к Пурниме:

— Понятно? Тебе не позволено жить здесь и исповедовать эту чуждую религию. Что ты выбираешь?

Пурнима ни на минуту не сомневалась, что офицер не шутит. Для него делом чести было заставить христиан отречься от христианства или публично разоблачить их как предателей и изгнать из страны. Девушку уже выгнали из дома и из родной деревни. Она не знала, куда ей идти, однако знала, что должна сделать.

— Я не отрекусь от Христа. Я не хочу покидать свою страну, но я не отрекусь от Христа. Он единственный может дать мне и вам спасение.

Смело отвечая покрасневшему от ярости офицеру, Пурнима чувствовала, что всё её тело дрожит. В сердце своём она решила, что не отречётся от Христа, чего бы это ни стоило. Выбор сделан. Пурниме и другим задержанным дали пять дней, по истечении которых они должны были покинуть Бутан. Им приказали ехать в Непал.

Пять дней.

У Пурнимы осталось всего пять дней жизни, которую она так хорошо знала. Преследования быстро распространялись по их местности. Сестре Пурнимы и её мужу уже пришлось уехать, поскольку их жизням грозила опасность. Теперь, когда на христиан официально повесили клеймо «предатели», жители деревни восприняли это как разрешение преследовать их.

Перед отъездом Пурнима решила, что она обязана сделать ещё одно — увидеться с мамой. Прошло чуть больше года с тех пор, как родители выгнали девушку из дома. Теперь она хочет вернуться, хоть даже и тайно. Будучи уверена, что до родителей уже дошли слухи о том, что скоро она будет вынуждена покинуть страну, Пурнима долго молилась, чтобы они согласились в последний раз встретиться с ней. Под покровом ночи девушка пробралась в дом, в котором она выросла и с которого её изгнали в двенадцать лет...

БОЖЕСТВЕННОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Пурнима выросла в маленькой буддийской деревне, расположенной среди зелёных холмов восточного Бутана. Её отец был местным знахарем и часто проводил различные буддийские ритуалы и приносил в жертву животных, чтобы изгнать злых духов. По местным меркам их семья из восьми человек не была ни богатой, ни бедной, но у них был большой дом, и жили они очень дружно. Сивал, муж старшей сестры Пурнимы, Майи, также жил с ними. Возможно, Пурнима выросла бы такой же, как и другие дети из её деревни, если бы благодаря чуду больная Майя не получила исцеления.

В течение трёх лет Пурнима наблюдала за тем, как её отец снова и снова приносил на своём алтаре в жертву цыплят, бил в собственноручно изготовленный барабан и заклинал духов, чтобы они исцелили его дочь. Снова и снова Пурнима сидела у кровати Майи, надеясь, что ей вот-вот станет лучше. Однако Майя не выздоравливала. Ей будто становилось получше, а потом опять хуже, и бесконечные боли в желудке и голове часто и надолго приковывали её к постели. Видя, как страдает сестра, Пурнима часто спрашивала маму:

— Почему духи сердятся на нас? Почему жертвы не помогают?

Впрочем, она ни разу не получила ответ на свои вопросы.

А теперь, после долгих лет страданий от болезни, Майя была здорова. Больше не было болей в желудке, не шумело в голове. Мать и отец были рады, что их дочь хорошо себя чувствует, но им не нравилось, что Майя утверждала, что её исцелил Иисус.

— Как ты можешь такое говорить? Как ты можешь позорить свою семью и всё наше общество? — стыдил её отец. — Мы — буддисты, и я не хочу ни слова больше слышать об этом чужом Боге. Понятно? Ни слова.

Он злился. Кроме того, он боялся, что скажут жители деревни, если узнают об обращении Майи. Он боялся за свою жизнь.

Однако Майя и Сивал не желали отказываться от своей новообретённой веры. Один из друзей Сивала, христианин, узнав о болезни Майи, дал им Библию. Он сказал, что верит в то, что Иисус исцелит Майю. И Он исцелил. После этого они вместе читали Библию.

— Если вы настаиваете на том, что вы — христиане, вы не можете здесь больше оставаться, — однажды сказал отец Сивалу и Майе. — Односельчане никогда этого не позволят. Они и нас выгонят вместе с вами. Ваша новая религия опорочит нас и навлечёт беду на всю нашу семью.

Пурнима страдала, наблюдая за тем, как её сестру с мужем выгоняют из родного дома. Однако даже в свои десять лет она хорошо понимала, что отец прав. Она знала, что жители деревни никогда не смирятся с тем, что Майя и Сивал обратились в чужую религию. Всё же она не могла не удивляться улучшению здоровья Майи и сияющему радостью и спокойствием лицу сестры, когда та собирала свои скудные пожитки, готовясь оставить единственный в своей жизни дом. Ей становилось ещё больнее, когда она вспоминала о том, что Майя находится на шестом месяце беременности.

После их ухода все в доме чувствовали себя так, будто кого-то похоронили. Мама впала в депрессию, а отец всё никак не мог понять, что произошло с его семьёй. Пурнима хотела поговорить о Майе с матерью, однако отец запретил даже упоминать её имя и посещать её в маленькой бамбуковой хижине в нескольких километрах от соседней деревни, где они с мужем поселились.

Когда Пурнима узнала, что Майя родила мальчика, она не могла больше выдержать разлуку. Она удивлялась и радовалась тому, что сестра родила здорового ребёнка, и все ещё продолжала размышлять о её чудесном исцелении. Пурнима пыталась представить, как выглядит её ребёнок.

Девочку постоянно волновали серьёзные вопросы: *«Что это за Бог, который исцеляет и не требует ничего вза-*

мен? Что нашли в своей только что обретённой вере Майя и Сивал, что дало им мужества пойти против семьи и общества — вплоть до изгнания из деревни?»

Эти вопросы заставили Пурниму набраться храбрости и украдкой посетить дом своей сестры. Она шла полями, держась в тени деревьев, и быстро преодолела расстояние, которое разделяло её с сестрой в течение многих месяцев. Когда Майя открыла дверь своей маленькой жалкой хижины и увидела на пороге Пурниму, которая дрожала от волнения, она бросилась обнимать сестру и залилась слезами.

Пурнима начала регулярно украдкой вырываться к Майе. Она не могла оставаться долго, иногда приходила только на пятнадцать минут. Но каждый раз, когда она приходила, сестра читала ей отрывки из Библии, а Пурнима внимательно слушала, стараясь запомнить всё, до наименьших подробностей. Ей очень нравились рассказы о Моисее, не столько потому, что Бог проявлял через него удивительную силу, сколько потому, что Моисею пришлось уйти из дома, и впоследствии он стал голосом Бога, несмотря на то, что сам был далеко не красноречивым человеком. Если бы она была христианкой, думала девочка, она хотела бы быть похожей на Моисея.

В следующем году Майя родила ещё одного ребёнка, девочку Эстер, и Пурнима стала посещать её ещё чаще. Для маленькой Пурнимы это было захватывающее приключение: тайно пробираться забытыми тропами к дому своих изгнанных сестры и маленьких племянников. Даже если её поймают, думала она, ничего страшного не произойдёт. В конце концов, она же ребёнок.

Однако у матери Пурнимы было другое мнение:

— Пурнима, мы знаем, что ты делаешь, — однажды сказала она. — Я уже потеряла одну дочь и не хочу потерять другую. Понимаешь?

Пурнима кивнула. Мать начала объяснять ей, что христианство — это чужая религия, оно — для людей низшей касты.

— Христианство — не для нашей деревни и не для нашей страны. Майю обманули Сивал и его друг, — закончила она своё наставление.

ПРИТЯЖЕНИЕ К БОГУ

Несмотря на родительский запрет, Пурниме нравилось проводить время с сестрой, и тайные посещения продолжались. На Рождество Майя и Сивал пригласили Пурниму присоединиться к их небольшой дружной общине, которая образовалась в последние восемнадцать месяцев. Время, проведённое с Майей и Сивалом, посеяло семена веры в сердце Пурнимы, и, когда она слушала проповедь о рождении Христа, о том, что Он родился от непорочной Девы и пришёл на землю, чтобы принести спасение людям, она почувствовала, что её душа стремительно тянется к Богу.

Прошло немало времени с того момента, когда девочка объявила о своём решении принять христианство, и до того момента, когда она пришла к Майе и сообщила, что хочет принять крещение. Майя была очень рада за сестру, однако в душе она беспокоилась, как Пурнима сообщит эту новость родителям. Три недели спустя, в яркий солнечный день, Пурнима приняла крещение. Утвердившись в своём убеждении, она сказала:

— Я знаю, что теперь должна делать. Я должна сообщить маме и папе. Я больше не могу этого скрывать. Я хочу, чтобы все знали, что отныне я живу ради Иисуса Христа, и мне всё равно, что мне скажут или сделают.

— Пурнима, ты такая молодая, тебе только двенадцать лет. Ты же знаешь, что с тобой сделают. Ты действительно готова к этому? Со мной был Сивал, поэтому мне легче было покинуть дом. Может, стоит подождать с этой новостью и продолжать молиться?

Однако Пурнима твёрдо настаивала на своём.

— Я не могу, Майя. Теперь я понимаю всё, что слышала и что ты читала мне из Библии. Я никогда раньше не чувствовала себя так уверенно и знаю, что Бог — это реальность, как ты и говорила. Как я могу скрывать это и не сказать маме и папе? Кроме того, у меня есть ты...

От слов Пурнимы Майя заплакала и обняла сестру.

— Конечно же, у тебя есть я. Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, — ответила Пурнима, — тебе опасно даже подходить к деревне. Не бойся, со мной всё будет в порядке.

Едва сдерживая слезы, Майя смотрела, как Пурнима бежит домой. Она не могла поверить, что её младшая сестра такая храбрая, и, хотя Майя боялась реакции родителей, она чувствовала, как гордость за храбрость Пурнимы наполняет её сердце.

«У Бога есть особый план для неё», — подумала Майя.

Наивная двенадцатилетняя Пурнима прибежала домой и выпалила, едва открыв дверь дома:

— Мама, я — христианка.

Услышав слова дочери, мать замерла.

— Ты, конечно же, шутишь! — отмахнулась она, боясь даже предположить, что дочь говорит серьёзно. — Ты ещё слишком молода, чтобы быть христианкой. Кроме того, я уже говорила тебе, что не хочу потерять вторую дочку.

Однако Пурнима настаивала:

— Мама, я не хочу уходить, как Майя. Я хочу оставаться дома. Но я решила стать христианкой, и ничто не изменит моего решения.

Пурниму выгнали в тот же вечер. Идя со своими скудными пожитками в руках по уже знакомой тропинке, ведущей к дому Майи, девочка слышала, как плачет мама. Она знала, что мать любит обеих дочерей, но родители боятся того, что сделают с ними односельчане. Ранее Пурнима тоже боялась. Но теперь, шагая в темноте к дому сестры, она решила, что больше не будет бояться.

С тех пор Пурнима жила у Майи и Сивала, и хотя в семье сестры ей было очень хорошо, их жизнь была слишком тяжёлой, и Пурнима постоянно чувствовала себя обузой. На Рождество следующего, 1992 года, начались аресты. Это происходило как раз через год после того, как Пурнима обратилась ко Христу.

Власти деревни были очень напуганы стремительным ростом христианской общины в их местности, и они усилили преследования верующих. За десять дней христиан допрашивали десять раз, и каждый раз представители власти пытались убедить или хитростью заставить их отречься от Христа и вернуться к своим буддийским корням. Мужчин избивали, некоторых из них держали в камерах предварительного заключения в течение недели или даже дольше, где над ними издевались ещё сильнее. Задержанных женщин унижали и обвиняли в проституции. Некоторые из их знакомых согласились отречься от Христа, однако маленькая Пурнима ещё больше держалась за Него.

Теперь Пурниме, её сестре Майе с мужем и их друзьям из соседних деревень было приказано: «Убирайтесь из Бутана».

«КАК ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ ТАКОЙ СМЕЛОЙ?»

Идя полем, Пурнима, наконец, увидела свет в окнах родительского дома, который когда-то был и её домом. Она думала о том, что сказать маме, впустит она её или нет. Они не говорили и даже не виделись с тех пор, как Пурниму выгнали. Теперь, вынуждена покинуть Бутан, дочь больше всего на свете желала ещё хоть раз увидеть маму.

Пурнима тихо подошла к двери дома и постучала.

— Мама, мама, это я.

— Пурнима? — мать крепко обняла её. — Прошу, скажи, что ты пришла домой, чтобы остаться. Скажи, что ты больше не христианка.

Пурнима мгновение помолчала. Она видела, как расстроена её мать, и не хотела причинять ей ещё больше страданий, однако не могла больше молчать.

— Мама, я должна уехать из Бутана. Полиция не позволяет мне жить здесь. Прости меня.

Мать смотрела на свою маленькую дочь и завидовала её мужеству. Какая же она ещё маленькая, какая беззащитная!

— Пурнима, тебе нет ещё и четырнадцати. Как ты можешь быть такой смелой? Как ты можешь покинуть свою страну и ехать, куда глаза глядят?

Пурнима плакала вместе с матерью.

— Это не я покидаю свою страну, мама, — всхлипывала она. — Это моя страна бросает меня.

Она знала, что мама любит её и никогда не хотела выгонять её из дома. Но все очень боялись. Боялись христиан, боялись Рождества, боялись Христа. Пурнима не знала, что их всех так пугает.

На пороге появился отец:

— Вот, возьми это, — он протянул ей небольшой свёрток с деньгами. — И, пожалуйста, будь осторожна.

Он ещё раз взглянул на дочь, обнял её и быстро пошёл обратно в дом.

Пурнима пристально вглядывалась в мамино лицо, пытаясь запомнить каждую её черту, тембр голоса, то, как блестели её глаза, когда она улыбалась. Мама казалась такой красивой, а девочка не знала, когда снова увидит её и увидит ли вообще. Последние объятия — и Пурнима исчезла в темноте.

На следующий день её вместе с восемью другими христианами выслали из Бутана. Их посадили в правительственный автобус, чтобы вывезти из деревни Пурта к границе с Индией. Далее они будут добираться сами.

— Кто будет нашим проводником? — шутили христиане, пытаясь развеять тревогу. Никто из них не путешествовал дальше своей деревни и не знал, куда именно их везут.

Автобус пересёк границу и остановился. Всем приказали выходить. С ужасом они наблюдали за тем, как автобус развернулся и уехал. Он был последней нитью, которая связывала их с Бутаном, а теперь исчезла и она. Им сказали идти «вот в том направлении», через горы Индии в Непал.

НЕСКОНЧАЕМЫЕ СНЫ

Христиане шли пешком в течение трёх дней, однако с каждым новым днём они чувствовали себя всё более усталыми, поскольку местность была гористой. Когда на своём пути путешествующие увидели огромное дерево, Джон — человек, который стал их лидером, — предложил разбить под ним лагерь на день-два, чтобы восстановить силы. Спешить было некуда. Все начинали понимать, в каком положении они оказались, и Пурнима волновалась всё больше и больше. Каждый вечер, прежде чем уснуть, она тайком от других плакала, пока не засыпала. С тех пор, как она покинула свою деревню, ей постоянно снилась мама. Эта ночь будет похожа на все остальные...

Восьмое марта. *День рождения Пурнимы. Пурнима прижимается к маме, вглядываясь в звёздную ночь. Им нравилось вместе смотреть на звезды, рассказывая друг другу, что каждый из них видит на небе.*

Будучи младшей дочерью, Пурнима могла больше времени проводить со своей матерью, и когда они были вместе, она чувствовала себя в наибольшей безопасности.

— Итак, именинница, что ты будешь делать теперь, когда ты стала такой взрослой? — спрашивала мама.

— Я — взрослая? Что ты имеешь в виду — взрослая? Мне всего лишь четырнадцать, — ответила, улыбаясь, Пурнима. Она так радовалась, что снова может быть маленькой маминой дочкой.

Однако радость Пурнимы длилась недолго. Вдруг она увидела четырёх офицеров, которые направлялись к ним. Девочка испугалась, зная, что они идут за ней. Однако мама, казалось, этого не замечает. Четыре офицера подошли к Пуриме. Один из них крепко схватил её за руку. Его ногти так глубоко вонзились ей в кожу, что кровь перестала циркулировать как обычно и её пальцы онемели.

— Отпустите меня! Мне больно! — умоляла Пурнима.

Но офицеры были глухи к её мольбам. Пурниму оттащили от матери и куда-то повели.

— Мама! Мамочка! — кричала Пурнима. — Помоги мне, прошу тебя! Пусть меня отпустят.

Однако всё было напрасно. Мама молча сидела на скамейке, будто ничего не произошло...

Пурнима проснулась, тяжело дыша, и вздрогнула, медленно возвращаясь к реальности. Её глаза были мокрыми от слез. Девушка думала о том, привыкнет ли она когда-нибудь к одиночеству.

Сквозь кромешную ночную тьму виднелся только край месяца, освещающий бледным светом огромные ветви дерева прямо у неё над головой. Тело её дрожало, и она выше застегнула свою лёгкую курточку. Поправив свитер, который служил подушкой, Пурнима всмотрелась в темноту. Она была поражена тем, сколько ужаса может внушить тьма ночи.

«*Неужели сегодня и впрямь мой день рождения?*» — подумала Пурнима. Она пыталась сосчитать дни, но тщетно. События последних недель происходили так быстро, что она потеряла счёт дням. Но теперь это уже не имело значения.

Пурнима думала о том, как она сможет выжить в последующие дни, недели, даже годы. Одно знала наверняка — она ужасно тосковала по дому. Вновь постепенно погружаясь в сон, Пурнима опять вспоминала милое лицо матери и тепло её прикосновения.

В СИНЯКАХ, В КРОВИ... И СЛОМЛЕНА

— Вставайте! Вставайте и отдавайте все деньги, иначе мы вас убьём!

Грубые громкие голоса разбудили Пурниму. Тяжёлый ботинок ударил её в бок.

— Я сказал: поднимайся!

Боль от первого удара пронзила всё её тело, но за ним последовал ещё один. Трудно было сказать, сколько людей напало на путников, но бандитов было немало. Маленькой группе христиан нечего было и думать о самозащите.

Крики и стоны спутников Пурнимы свидетельствовали о том, что их тоже били. На голову девочки продолжали один за другим сыпаться удары. Страх сковал её тело. Но вдруг она вспомнила стих из Библии, из Евангелия от Матфея: «И не бойтесь убивающих тело»[1].

«Убивающих тело», — повторила она про себя, молясь, чтобы это не стало и её участием. Девушка замерла, вспомнив о деньгах, которые дал ей отец. Нападающие продолжали неистовствовать и грабить наскоро устроенный лагерь, забирая все их скудные пожитки. Пурнима пыталась схватить деньги, спрятанные в вещах. Наконец рука нашла то, что искала, но как раз в тот момент девушка получила такой сильный удар в спину, что у неё перехватило дыхание. Она возопила к Богу, одновременно пытаясь защититься руками от безжалостных ударов грубым ботинком, который впивался в её тело.

До смерти напугав утомлённых и обессиленных беженцев и отобрав все, что у них было, нападавшие выстроили четырёх из них (в их числе и Пурниму) в ряд. Никто из беженцев не смел сказать ни слова, все стояли молча. Лица нападавших были наполовину закрыты покрывалами. Пурнима тайком посмотрела на своих спутников. Все словно застыли от страха. Она знала, что бандитам ничего не мешает убить их на месте.

[1] Евангелие от Матфея 10:28.

— И не думайте обращаться в полицию, — предупредил один из них, угрожая пистолетом. — Если пойдёте в полицию, мы убьём вас.

Он держал палец на спусковом крючке, тыкая пистолетом каждому в лицо. Пурнима закрыла глаза и ждала звука выстрела. Когда, наконец, она осмелилась открыть глаза, грабителей уже не было.

Израненные жертвы нападения были благодарны Богу за спасение своих жизней, хотя все были в крови, ссадинах и царапинах. Они осознали, что потеряли все свои пожитки. Нападающие забрали всё, даже одежду. Христиане и не подозревали, что их путешествие в Непал будет таким опасным.

На следующее утро Джону удалось остановить большой грузовик фермера с высокими самодельными деревянными бортами. Узнав, что грузовик едет в Непал, он начал уговаривать водителя:

— Возьмите нас с собой! Мы не можем здесь оставаться. Это чрезвычайно опасно.

— А у вас есть деньги? — поинтересовался пожилой водитель, выйдя из кабины и оценивая, сколько можно на них заработать.

Джон объяснил, что вчера вечером их ограбили, и они потеряли всё своё имущество.

— Прошу вас, — продолжал умолять он, — некоторые из нас такие слабые, едва могут идти.

Однако, даже увидев их раны, водитель грузовика отказался подвезти их: ему хотелось что-то заработать.

Джон и другие решили продолжать путь, жалея об упущенной возможности подъехать. Вдруг Пурнима сказала, обращаясь к своим спутникам:

— У меня есть деньги.

Все с удивлением посмотрели на неё. Как после такого нападения у неё могут быть деньги, ведь грабители тщательно обыскали каждого?

— А я их хорошо спрятала, — улыбнулась Пурнима, отдавая деньги водителю. Таким образом, самая молодая из беженцев стала героиней группы. На радостях все начали обнимать спасительницу. Беженцы взобрались на грузовик. Они и не подозревали, что добрая и щедрая Пурнима ещё не раз им пригодится.

Начало восходить солнце. Оно согрело небольшую группу христиан, которые жались друг ко другу в кузове грузовика, и они перестали дрожать от холода. Когда все успокоились и уснули, Пурнима снова начала думать о маме и впервые усомнилась в том, правильное ли решение она приняла. Может, ей следовало скрывать свою веру, как когда-то советовала Майя. Пурнима открыла Библию, которую после крещения подарил ей Сивал, и поблагодарила Бога за то, что воры не забрали её.

Листая страницы Библии, девушка быстро находила свои любимые стихи. Она читала их сотни раз и обозначила, чтобы легче было находить. Она была в восторге от библейских историй ещё во время первых тайных походов к сестре. Она представляла, как Мария и Иосиф бежали в Египет, как Давид спасался от царя Саула. Она вспомнила своего любимого библейского героя, Моисея, покинувшего Египет. Эти истории добавляли Пурниме мужества. Прижимая к сердцу Библию, она знала, что имеет надёжного спутника.

СНОВА В ЛАГЕРЕ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ

Наступил вечер. Грузовик наконец остановился в индийском городе Азоп, и водитель сказал пассажирам, что ему нужно заправиться и купить в дорогу продовольствия и что до отъезда у них есть несколько часов. Воспользовавшись возможностью размяться, Пурнима и другие христиане пошли прогуляться по городу и встретили местного пастора.

Пастор был родом из Бутана. Его поразила готовность верующих оставить всё и идти путём, указанным Иисусом Хри-

стом. Особенно его поразил поступок Пурнимы. Он отвёл Джона в сторону и спросил, сколько девушке лет.

— Я не уверен, — ответил Джон, — лет тринадцать-четырнадцать.

— Она здесь с семьёй? — поинтересовался пастор.

— Нет. Семья её сестры тоже направляется в Непал, однако они отправились раньше нас, и мы не знаем, где они сейчас.

Пастор пожал Пурниму. Он спросил Джона, может ли он пригласить девушку пожить в его семье. Джону эта идея очень понравилась, поскольку он тоже беспокоился о Пурниме. Он сказал пастору, чтобы тот, не откладывая, поговорил с Пурнимой.

Пурнима согласилась пожить с пастором и его женой. Ей очень нравилось жить в семье, хотя это и не была её семья. Девушка постоянно молилась, чтобы Бог помог ей отыскать Майю и быть вместе с ней. Она не знала, как это может случиться, поэтому просто молилась.

Прошло три месяца. Однажды пастор сообщил Пурниме о том, что они с женой собираются принять участие в христианской конференции неподалёку от Азопа, и пригласил её поехать с ними. Девушка с радостью согласилась, даже не подозревая, что муж её сестры, Сивал, тоже будет на конференции.

Пурнима была чрезвычайно счастлива снова увидеть Сивала. Она сразу же решила ехать с ним в Непал. Это решение очень расстроило пастора и его жену.

— Ты уверена, что хочешь ехать, Пурнима? — спросил пастор. — Знаешь ли ты, как там, в Непале, будет трудно? Тебе придётся жить в лагере для беженцев.

Пурнима слушала его и знала, что он прав. Пастор и его жена относились к ней как к собственной дочери, и ей *трудно* было оставлять их. Однако она приняла решение ехать к сестре.

— Да, я уверена, — мягко ответила Пурнима. — Я хочу быть со своей семьёй. Я очень ценю вашу доброту, но знаю, что это — воля Господа.

Пурнима и Сивал добрались до лагеря беженцев на северной границе Непала поздно вечером, поэтому девушка не сразу разглядела своё новое жилье. Единственное, что в ту минуту было для неё важно, — снова увидеть Майю. С криками радости сестры бросились в объятия друг к другу. А через час Пурнима крепко спала на одной из тонких бамбуковых циновок.

— Пурнима, вставай! Вставай! — не унималась маленькая Эстер, бегая вокруг Пурнимы, хлопая в ладоши и громко смеясь. Когда Пурнима открыла глаза, первое, что она увидела, была шаткая бамбуковая рама с натянутым толстым пластиком — крыша их хижины. Она села и прислушалась. Казалось, сотни людей суетились прямо у входа в хижину. Пурнима быстро поняла, в какой нищете здесь жили тысячи семей. Чем больше она видела, тем большее отчаяние охватывало её.

Майя, счастлива, что они снова вместе, пыталась ободрить Пурниму.

— Послушай, Пурнима, — сказала она, — я знаю, что это ужасное место, но рука Господа всегда над нами, независимо от того, где мы находимся. Подумай обо всех людях, которые никогда не слышали об Иисусе Христе. А ты знаешь, как люди всегда тянутся к тебе. Они с радостью слушают, когда ты рассказываешь им о Боге — может, потому, что они не привыкли видеть такого молодого и красивого проповедника.

Пурнима покраснела и улыбнулась:

— Возможно. Но как долго нам придётся жить здесь, как ты думаешь? Неужели Бог не планирует, что мы когда-нибудь сможем вернуться домой?

Майя не знала, что ответить, она лишь крепко обняла Пурниму. Она хотела, чтобы её младшая сестра видела её сильной, однако и сама часто задавала себе этот вопрос.

Шли недели. Пурнима постепенно открывала для себя новые правила жизни в лагере. Если хочешь выйти из лагеря в соседние деревни, *необходимо* получить «пропуск». *Нельзя* говорить, что идёшь проповедовать Евангелие. В лагере *не сто-*

ит собирать большие собрания христиан; собираться *надо* в малых «домашних» группах. В лагере *можно* заниматься изучением языка и т. д. В лагере беженцев была своя жизнь, к сожалению, совсем не похожа на ту, на какую надеялась Пурнима.

НЕУДЕРЖИМОЕ СТРЕМЛЕНИЕ БЛАГОВЕСТВОВАТЬ

Важнейшим в жизни лагеря для Пурнимы был быстрый рост общины верующих. Она наслаждалась безопасностью Христовой семьи. У неё появилось много друзей. Много раз Пурнима вместе с друзьями маленькими группами незаметно выбирались из лагеря, чтобы посещать христиан в соседних лагерях и деревнях. Они использовали эту возможность, чтобы проповедовать на новом для себя языке. Пурнима испытывала удовольствие от этих приключений, она открыла в себе музыкальное дарование, а её сердце пронизывала всё возрастающая боль за неспасённых. Восторженная призванием к проповеди Евангелия, девушка почти забыла об однообразии и серости убогой лагерной жизни.

В течение года Пурнима с друзьями продолжали проповедовать Евангелие в других лагерях и деревнях, но их поймали. На рассвете одного августовского воскресного утра группа христиан отправилась в двухчасовую поездку в дом Хоны. Хона слышала о пылких христианах из лагеря беженцев и пригласила нескольких из них к себе домой, а также проповедовать Евангелие на местной рыночной площади. Пурнима и другие с радостью согласились.

Незаметно, группами из двух-трёх человек, одиннадцать христиан выбрались из лагеря беженцев и встретились на дороге в полутора километрах от лагеря. Они несли Библии, несколько евангелизационных брошюр, гитару и были окрылены тем, что смогут проповедовать в новой для себя деревне людям, которые, возможно, никогда не слышали Еван-

гелия. Они знали, что надо идти быстро, чтобы к вечеру вернуться в лагерь.

В полдень благовестники добрались к дому Хоны и после многочасового общения отправились на рыночную площадь. Едва они приготовились петь, как к ним подошли пятеро полицейских.

— Следуйте за нами, — приказали они.

Напуганные христиане не могли сделать ничего, кроме как последовать за офицерами, и уже через несколько минут они стояли перед строгим капитаном.

— Откуда вы? — грозно спросил он. — Кто позволил вам выйти из лагеря? Кто позволил проповедовать вашу религию в Непале?!

«ЗДЕСЬ У ВАС НЕТ НИКАКИХ ПРАВ!»

Они прождали целый день в тёмной, грязной тюремной камере, пока их, наконец, начали по одному вызывать на допрос к капитану. Сначала мужчин, а потом женщин. Пурниме надоело ждать, она думала, что всё это просто недоразумение, и обратилась к капитану:

— Мы не сделали ничего плохого. Почему вы держите нас здесь? Пожалуйста, отпустите нас. Нам надо вернуться в лагерь до наступления сумерек.

— Нет! — крикнул капитан. — Сегодня вы останетесь здесь, а завтра пойдёте в районный отдел полиции.

Пурнима заметила, что капитан был доволен тем, что арестовал их. Девушку и ещё трёх женщин заперли в крохотной грязной камере, где они, прижавшись друг к другу, страстно молили Господа о защите. Они знали, что в Непале опасно проповедовать Евангелие, но так много людей, которые никогда не слышали его, стремились узнать о Спасителе, что ради этого стоило рисковать.

На следующее утро одиннадцать христиан снова собрали вместе.

— Если у вас есть деньги, можете купить себе что-нибудь на обед, — обратился к ним один из офицеров. — Впереди долгий путь.

Пурнима удивлённо посмотрела на друзей, однако решила заранее не волноваться. Всё, конечно же, выяснится в районном отделении.

Целый день они устало брели по джунглям — одиннадцать христиан и девять полицейских, вооружённых автоматами. Глядя на оружие, Пурнима думала: «*У нас, наверное, довольно опасный вид*». Ни у девушки, ни в других христиан денег не было, поэтому не было ни еды, ни воды. Они напились из ручья, когда переходили его.

Когда группа наконец добралась до районного отделения, было уже темно. Пурнима была утомлена, замёрзла и изголодалась, но мысль о том, что Бог — с ними, укрепляла её, а ещё она была убеждена, что скоро они вернутся в лагерь. Однако только начался допрос, всякая надежда на благополучный исход исчезла. В мрачной комнате для допросов за огромным деревянным столом сидели пять офицеров. Они разъярённо кричали:

— Кто позволил вам проповедовать на рыночной площади в Йапи? Кто вас финансирует? Где вы взяли книги? Вы — грязные беженцы! У вас здесь нет никаких прав!

Каждого, кто пытался что-либо ответить, били и пинали ногами. Хотя такая же участь постигала и тех, кто ничего *не* отвечал. Допрос и избиения продолжались на протяжении многих часов, пока один из офицеров сказал:

— На сегодня достаточно. Дайте им поесть, завтра продолжим.

На этот раз камера оказалась значительно хуже, чем в предыдущей тюрьме. Пурнима едва сдерживала отчаяние и страх. Вонь в камере была неописуемо отвратительной, а цементный

пол — холодным. Там не было даже ведра, которое можно было бы использовать как туалет.

Утром Пурнима и другие женщины со страхом ждали появления в камере солдат. Когда же они пришли, то начали по одному выводить арестованных на допрос. Командир округа сообщил Пурниме, что у него есть доказательства того, что они с друзьями разрушили буддистский храм и насмехались над их богами.

— Нет, это неправда! — запротестовала Пурнима. Офицер ударил её по лицу.

— Ты — дерзкая маленькая лгунья! — неистово закричал он. — Скажи нам правду и получишь небольшой срок. Если же будешь продолжать врать, попадёшь в федеральную тюрьму надолго.

Пурнима очень испугалась, но продолжала настаивать на своём. Её снова и снова били по лицу и пинали ногами, и через некоторое время от жестоких побоев она потеряла сознание. Той ужасной ночью в Индии она даже и не подозревала, что люди могут быть такими жестокими. А следующие двадцать восемь дней, проведённые в тюрьме, в полной мере показали ей, какими безжалостными они могут быть. Это был очень тяжёлый урок для пятнадцатилетней девушки.

Многочисленные дни допросов тянулись, казалось, бесконечно. Полиция продолжала добиваться своей цели: сломить дух Пурнимы и её друзей. Дневная рутина всегда повторялась с точностью. Арестованные только не знали, кого сегодня вызовут на допрос первым. *Вопрос, ответ, удар. Ещё вопрос, ещё ответ, ещё удар*. И так далее, и так до бесконечности.

В камере Пурнима и другие женщины тихонько напевали христианские гимны и долго, до полуночи, молились, пытаясь подбодрить друг друга. «Держись, — слышался шёпот в темноте, — скоро всё закончится и нас отпустят домой».

«*Дом,* — иронично думала Пурнима, — *какое относительное понятие*».

МИР БОЖИЙ

В грязной маленькой хижине в перенаселённом лагере для беженцев Пурнима постоянно думала о своих родителях и о том, как она скучает по ним и по Бутану. А сейчас она тосковала ещё и по своей сестре и даже не думала, что может так скучать по всем им. Она думала о том, что сейчас делают её племянница и племянник, и беспокоилась, получит ли Майя хоть какую-то весть о том, где сейчас находится Пурнима.

«Майя, мне так жаль, что я навлекаю на тебя так много проблем. От отчаяния ты, наверное, теряешь рассудок», — думала Пурнима.

Некоторые из христиан в лагере беженцев, а также пастор братства слышали об аресте группы. Они даже ходили в тюрьму, где держали Пурниму и других христиан, но солдаты их жестоко избили и выгнали. Одиннадцати узникам-христианам сообщили о том, что произошло, и их очень огорчило известие, что их друзей избили.

На двадцать пятый день заключения рано утром конвоир пришёл за Пурнимой. В знакомой ей комнате для допросов уже ждал офицер.

— Кто сказал тебе, чтобы ты проповедовала? Ты такая молодая. Может, это не твоя вина. Возможно, кто-то заставил тебя принять эту религию силой или пообещал денег? Кто присылает вам книги? Кто вас финансирует? Если ты скажешь мне, кто это, мы перестанем бить тебя, и ты даже сможешь вернуться в лагерь.

Несколько следующих минут показались Пурниме вечностью. Измученная и истощённая от нехватки пищи (заключённых кормили два раза в день), грязная (помыться было негде), во время допросов она чувствовала, что внутри неё живёт мир Божий. Ей очень помогало, когда она полагала свою судьбу на Бога, когда молилась, чтобы Бог простил её мучителей и дал ей силы выдержать муки.

— Отвечай на мои вопросы! — кричал офицер.

Пурнима собрала всё своё мужество, чтобы перенести ещё один удар. Она знала, что офицеру не понравится её ответ.

— Я приняла христианство не ради денег, помощи или чего-либо другого! Я приняла Христа, потому что в течение трёх лет моя сестра болела, а затем уверовала во Христа и чудесным образом получила исцеление. Я видела много чудес. Я испытываю покой и радость. Другой причины нет!

Взбешённый офицер бросился к ней. Почувствовав его дыхание и увидев ярость в его глазах, Пурнима испугалась, но старалась не отшатнуться.

— Ты лжёшь! — закричал он ей прямо в лицо. — Я знаю, что ты что-то скрываешь. Ты не говоришь правды. Теперь ты попадёшь в тюрьму надолго. Ты готова к этому?!

И прежде, чем Пурнима смогла ответить, он ударил её так сильно, что она упала со стула.

— Отведите её в камеру! — рявкнул он.

Сокамерницы Пурнимы ужаснулись, когда увидели, как её личико, всё покрытое синяками и кровью, начало распухать на глазах.

— Не волнуйтесь, — пыталась утешить их Пурнима со слезами на глазах, — это не так больно, как кажется.

Женщины знали, что это неправда, ведь они сами переживали такие же побои и издевательства. Полицейские не верили, что Пурнима и её друзья не получали посторонней помощи. Они были убеждены, что Библии и брошюры поступали из других стран, поскольку христианство — это чужая для Непала религия. Они отказывались верить, что их распространяют в стране без всякого принуждения или обещаний личной выгоды.

Несколько следующих дней прошли спокойно. Пурнима и её друзья много думали о своём будущем. Молитвы и тихое пение помогали облегчить их страдания и скоротать время. Всё это время Пурнима беспокоилась. «*Почему,* — думала она, —

нас не вызывают на допросы? Что они делают? Почему нас не отпускают?»

«БЛАЖЕННА Я!»

Наконец, 20 сентября, рано утром во вторник, всех снова собрали в комнате для допросов. Пурнима знала, что что-то происходит, поскольку до сих пор женщин и мужчин держали отдельно. Беженцев бесцеремонно выстроили, одели им на запястья наручники и повели по центральной площади до здания суда под жестяной крышей. Пурнима была очень счастлива побыть на солнце хоть несколько минут и даже забыла о том, что их ждёт.

В комнате было людно. Группу беженцев провели вперёд и посадили рядом с адвокатом, назначенным судом. В противоположном углу комнаты сидел государственный прокурор. Он зачитал, в чём обвиняют этих одиннадцать людей. Когда он зачитывал список вымышленных обвинений — ложь о разрушении буддистских храмов и убийство священных коров, — Пурнима надеялась, что их оправдают и освободят. Судья, конечно же, поймёт, что они невиновны.

Адвокат приводил достаточно убедительные аргументы в защиту христиан, но прокурор действовал по заранее составленному сценарию. Его целью было на их примере проучить всех других христиан. Наступил вечер. Почти в десять часов судья наконец принял решение, и обессиленным подсудимым зачитали приговор. Пурнима встала, когда вместе с другими прозвучало её имя. А когда судья объявил, что их возьмут под стражу и на три года отправят в федеральную тюрьму, девушка вздрогнула от неожиданности.

«Три года». Эти слова непрестанно пульсировали в мозгу Пурнимы.

Когда-то Пурнима обещала Богу, что останется верной Ему, куда бы Он ни послал её: далеко от дома... из Бутана... в ла-

герь беженцев. Но в тюрьму? Это уже, казалось, было свыше сил пятнадцатилетней девушки. Она закрыла глаза и снова попыталась найти утешение в библейских стихах и отрывках, которые знала наизусть. Она представила, как Иисус сидит на вершине горы, обучая Своих учеников, и почувствовала, как крепнет её дух при упоминании знакомых слов: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны изгнанные за правду... Блаженны...». Она замолчала, потому что поняла важную истину: «*Блаженна я...*»[2].

Трудно было думать о заключении как о благословении. Дух и душа Пурнимы приняли этот факт раньше, чем её ум. В течение последующих дней этот стих оставался для заключённых источником силы, и они часто вместе вслух повторяли его.

Теперь их сковали по двое, вывели из здания суда и снова повели непроходимыми джунглями. Тюрьма находилась на вершине горы, на расстоянии нескольких километров от места, где они были. Пурнима снова и снова вспоминала заседание суда и всё больше убеждалась в Божьем провидении среди всего, что с ними происходило. Их ложно обвинили и посадили за дело Христово. Осознание этого утешало Пурниму, и она считала большой честью быть призванной страдать за Христа. Оглянувшись на десять своих спутников, которые устало брели непроходимыми джунглями, она знала, что находится в хорошем обществе.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!»

В три часа ночи они, наконец, добрались до ворот тюрьмы. При свете луны Пурнима смогла различить высокую стену, окружавшую тюрьму, и огромные ворота, которые со страшным скрипом открылись, чтобы поглотить их. Строение имело мрачный, но грозный вид. Когда-то, видимо, это была велич-

[2] Евангелие от Матфея 5:10.

ственная крепость, но сейчас здание было очень старым. Идя открытым двором к зданиям, стоявшим посередине, Пурнима оглянулась на огромные ворота, которые захлопнулись за их спинами с такой силой, что громкий звон эхом пронёсся по территории тюрьмы — её нового «дома».

Пурниме и другим женщинам выдали по тоненькой соломенной циновке и отвели в камеру. Там было темным-темно, но постепенно они смогли различить силуэты людей, которые спали на полу. Оттуда, с пола, раздался голос:

— Добро пожаловать. Добро пожаловать в ад!

Пурнима с беспокойством думала о том, кто будут её сокамерницы. Какие преступления они совершили? Насколько жестоки они? Как они отнесутся к ней? Эти вопросы, на которые она не знала ответов, не давали ей покоя. Она нашла свободное место у наружной стены и села, опершись подбородком о колени. Она очень устала, но не могла спать, поскольку была слишком испугана.

Через несколько часов в зарешеченных проёмах высоко в стене появился свет, и Пурнима и её подруги смогли разглядеть всё вокруг. Комната была небольшая, но переполненная. В камере было пятеро заключённых. Каждая женщина, очевидно, имела своё место, и скудные пожитки лежали на полу возле них. Ванну, если её можно так назвать, заменяло цементное возвышение, прилегающее к наружной стене. На нём была ржавая раковина, но мыла не было. Не было ни горячей воды, ни дверей. В цементе была дырка и яма, от которой в камере стоял невыносимый смрад и которую, видимо, никогда не чистили.

Бетонные стены тюрьмы были окрашены краской, которая теперь покрылась многолетней грязью. Пол был холодным, сырым и очень грязным. Небольшое окно, размещённое на уровне глаз, позволяло заключённым видеть двор и гораздо большую камеру для мужчин на противоположной стороне двора. Высоко над зданиями возвышалась сторожевая башня,

с которой охранники могли наблюдать за заключёнными, хотя их там пока не было.

Туласи была самозваным лидером камеры.

— Почему ты здесь? — грубо спросила она, с вызовом разглядывая Пурниму. — Ты слишком молода, чтобы сидеть в тюрьме.

— Не знаю, слишком ли я молода, — ответила Пурнима, — но мы здесь потому, что мы — христиане.

— Христиане? — Туласи выругалась. — Вас посадили за то, что вы — христиане? Глупость ведь не является противозаконной.

Она расхохоталась, а за ней и все остальные. Она назвала своё имя.

— Говорят, я убила свою свекровь, — сказала она. — Поэтому я немного здесь задержусь и буду благодарна, если вы будете держать свои убеждения при себе.

Пурнима продолжала внимательно всматриваться в глаза Туласи. Хотя её и напугали резкие слова женщины, девушка знала, что за холодной внешностью скрывается добрая, нежная душа, и начала молиться, чтобы Бог дал ей возможность привести эту душу к Нему.

Туласи, ещё раз выругавшись, вернулась в свой угол камеры. Пурнима заметила, что у неё много одеял и личных вещей, что свидетельствовало о том, что Туласи находилась здесь уже довольно давно и получала передачи от родных и друзей. Новоприбывшие не имели ничего, кроме одежды, в которую были одеты. В то утро они молились, собравшись вместе, и решили начинать каждый день с молитвы, а по пятницам поститься. Новым узникам выдали тарелки и ложки. Кормили их два раза в день, обычно рисом и картофелем. Иногда им выдавали немного денег на личные нужды.

Вскоре христиане поняли, что к жизни в тюрьме можно привыкнуть, как ранее к жизни в лагере беженцев. Стоило только выучить правила, стараться избегать неприятностей и

всегда быть настороже. А когда между заключёнными случаются конфликты, вмешиваться не стоит.

«*По крайней мере*, — думала Пурнима, — *здесь нет ежедневных допросов и пыток*». И христиане радовались тому, что могли молиться вместе, несмотря на бесконечные насмешки других заключённых и постоянные ругательства. Больше всего Пурнима боялась сексуальных домогательств охраны, которые начались вскоре после их прибытия.

Первые несколько месяцев тянулись невыносимо долго. Пурнима мало спала. Она быстро поняла, почему другие заключённые не устраивались вдоль внешней стены: там было очень холодно. С наступлением зимы здоровье девушки ухудшилось. У неё не было ни тёплой одежды, ни одеяла. Постепенно её оптимизм уступил внутреннему отчаянию. Хорошо осознавая, что с ней происходит, Пурнима беспокоилась о своей незащищённости и угасании веры. Она снова начала думать, что допустила ужасную ошибку, и снова видела во сне свой дом, маму, и её ночи стали ещё более невыносимыми. Она была готова сдаться.

Однажды днём Пурнима услышала крики, доносившиеся из мужской камеры, и разъярённые голоса, кричавшие:

— Так ему! Так ему и надо! Прикончите!

В мужской камере часто возникали драки, но на этот раз у неё по спине побежали мурашки, когда она услышала возглас:

— Убить его! Мёртвый христианин не сможет молиться и петь!

Пурнима знала, что угрозы были реальными. Туласи рассказала ей, что незадолго до их прибытия в мужской камере уже кого-то убили. Зная, что один из её братьев-христиан может погибнуть от рук других заключённых, Пурнима начала отчаянно звать охранников, но никто не обращал внимания на её причитания. Плача, девушка упала на свою циновку и начала молиться. В этот момент она осознала, насколько труднее её братьям в камере, где живут более двухсот других мужчин, многие из которых злостные преступники.

— Дорогой Господь! — умоляла Пурнима. — Прошу, не дай ему умереть, не дай им убить его!

Как оказалось, жертвой нападения в мужской камере был брат по имени Ашот. Он едва выжил. Благодарная за его выздоровление, Пурнима начала думать о том, как нести Слово Божье женщинам в своей камере. Девушка знала, что она должна быть активной, если надеется пережить трёхлетнее заключение. За последние недели она позволила заключить не только своё тело, но и дух, и душу. Так не должно быть. «*Подскажи мне, Господи, что мне делать?* — молилась она. — *Я готова служить Тебе, какими бы ни были обстоятельства*».

И тут Пурнима вспомнила, что скоро Рождество.

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

Человек по прозвищу «Дядюшка» был старожилом федеральной тюрьмы. Он жил здесь так долго и передвигался ею так свободно, что новоприбывшие обычно принимали его за одного из персонала. Каждую неделю он обходил камеры, спрашивая заключённых, что им купить на рынке.

— Привет, Пурнима, — поздоровался Дядюшка. — Что тебе купить? Или ты будешь собирать деньги, пока тебя не выпустят? Зачем ты их собираешь? Какая польза от денег, если их не тратить?

После этих слов Дядюшки на ум Пурнимы пришла замечательная идея. «*Вот что я сделаю. Спасибо, Дядюшка!*»

Она поспешно сунула ему все деньги, которые собрала, и тихо прошептала, что ей нужно. Наблюдая за тем, как Дядюшка неторопливо удаляется от женской камеры, Пурнима молилась, чтобы он смог купить то, что она попросила. Выслушав просьбу девушки, Дядюшка было подумал, что она сошла с ума, но тихим голосом произнёс:

— Как я могу отказать этому невинному личику?

Вернувшись, Дядюшка протянул Пурниме пакет.

— Всё там, — заверил он, — но я всё же думаю, что ты сошла с ума. В тюрьме это нередко бывает.

Пурнима, улыбнувшись, поблагодарила его и через решётку пожала руку. Затем, под пристальным наблюдением удивлённых сокамерниц, она принялась за дело. Неспособные больше скрывать своё любопытство, женщины, наконец, подошли и поинтересовались, что она делает. Однако Пурнима не обращала ни на кого внимания и продолжала возиться. Всю вторую половину дня Пурнима была занята. Наконец, когда всё было готово, она объявила, обратившись к женщинам:

— С тех пор, как я здесь, Бог подсказал мне, чтобы я не тратила свои деньги. До сегодняшнего утра я не знала, зачем Он так сказал, но сегодня я поняла. Я попросила Дядюшку купить на эти деньги лучших цыплят и овощей. И я приготовила их для вас.

Удивлённо уставившись на Пурниму, заключённые молчали. Туласи смотрела на неё с подозрением, ожидая какого-либо «подвоха» и диву даваясь, почему Пурнима, которой она не сказала ни единого доброго слова, приготовила для неё такой обед.

— Что это? Что за хитрости? — насмешливо спросила она.

— Я хочу разделить эту еду с тобой, Туласи, и со всеми вами, и никаких хитростей в этом нет. Это — мой подарок вам. Идите есть.

В тот вечер заключённые в женской камере впервые ели вкусный обед за всё время их заключения. Даже охранники, проходя мимо, заглядывали в окошко. Тюрьмой быстро распространилась новость: Пурнима приготовила пир!

На следующий вечер Туласи вышла из своего угла и села возле Пурнимы.

— Почему ты сделала это для нас? — спросила она, впервые приветливо и вежливо обращаясь к девушке. — Мы всегда смеялись над тобой и другими христианами с тех пор, как

вы здесь оказались. Это твои личные деньги. Ты могла использовать их для себя, почему ты потратила их на нас?

Туласи не могла понять подобной доброты. Она думала, что Пурнима или очень глупая, или очень мудрая, и хотела понять её.

— Туласи, — улыбаясь, ответила Пурнима, — ты когда-нибудь слышала, что такое *Рождество*?

Так возникла дружба между осуждённой за убийство женщиной и молодой христианкой. Пурнима рассказала Туласи о том, как во время рождественской службы три года назад она приняла в своё сердце Христа. В течение последующих нескольких месяцев девушка не раз тихо рассказывала Туласи о Нём, и вскоре они стали близкими подругами. Туласи немного напоминала Пурниме маму, и девушку утешало дружеское общение со старшей женщиной. И хотя Пурнима не знала, что ожидает её в будущем, она решила встретить его мужественно. Девушка знала свои слабости и пыталась исправить их. Она упорно преодолевала трудности, а остальное отдавала в руки Господа так, как это когда-то делал Моисей.

ЭПИЛОГ

Пурниму вместе с другими христианами освободили через четырнадцать месяцев и шесть дней. Об их аресте узнали в лагере беженцев и во всём мире. Христианские руководители из разных стран, объединившись, обратились к правительству Непала с ходатайством об их освобождении. «Мы знаем, что в федеральной тюрьме вы держите одиннадцать христиан, — говорилось в обращении к королю Непала. — А одна из заключённых — ещё ребёнок».

Пурниме и её товарищам сообщили, что их досрочное освобождение — даже большее благо, чем они осознают, поскольку тюремные власти собирались продлить срок их заключения

до семи лет (срок заключения для тех, кто убеждал других принять христианство).

К удивлению тюремных властей, освободившись, христиане не ушли, а попросили встречи со своими бывшими соседями по камере. После трёхмесячного заключения христиане начали получать помощь от своих семей. Теперь они отдали вещи, которые получили от родных, тем, кто остались в тюрьме. Пурнима отдала и деньги, которые хранила для особого случая. Они напомнили заключённым, что их преследовали за веру в Иисуса Христа. Благодаря их свидетельству некоторые заключённые стали христианами. Одиннадцать бывших узников пообещали молиться о них и о других заключённых.

Человек, инициировавший избиение Ашока, сказал: «Яркий свет вошёл в нашу тюрьму, а теперь он исчезает».

Перед отъездом Пурнима ещё раз обняла Туласи, которая обратилась к Господу. Впоследствии с Туласи сняли обвинения и освободили. Теперь она — пламенный руководитель церкви.

С тех пор, как Майя впервые прочитала Пурниме библейскую историю, девушка восхищалась Моисеем. Его изгнали из родной страны, и, хотя ему было трудно говорить, Бог с большой силой использовал его. Также и Пурнима, которая в силу своего возраста часто чувствовала себя бессильной, стала знаменитой в Непале. Теперь её часто приглашают поделиться своим свидетельством в церквях неподалёку от лагеря беженцев, где она продолжает жить с Майей, Сивалом и своими племянниками.

Она молится и надеется, что когда-нибудь вернётся в Бутан, свою родину, чтобы увидеть маму и проповедовать Евангелие.

АИДА:

ГОЛОС, КОТОРЫЙ НЕ СМОГЛИ ЗАСТАВИТЬ УМОЛКНУТЬ

Россия
Июль 1968 года

Ей не нужен был адвокат. Аида Михайловна Скрипникова не хотела, чтобы за неё говорил кто-то другой, а тем более назначенный советским правительством. Она хотела говорить сама за себя, самостоятельно представлять в суде своё дело. Сидя за столом защитника в советском суде, в комнате с деревянными панелями, она смотрела мимо судьи на портрет Ленина, «отца» системы, узником которой она была.

Прокурор была против такой идеи, она не хотела, чтобы подсудимая защищала себя сама; предоставить ей такую возможность означало дать ей слишком много свободы. Она постоянно подчёркивала, что подсудимая прошла курс лечения в психиатрической больнице. Как она могла вести защиту уголовного преступления? Однако, в конце концов, судья удовлетворила требование Аиды, и государственный защитник покинул зал судебного заседания, предоставив обвиняемой возможность самостоятельно защищать себя. Отныне изложение дела и вынесенный судом приговор полностью зависели от Аиды. Это было уже не первое пребывание Аиды в зале суда и не первое обвинение в том, что она верит в Бога и исповедует христианскую веру. Если судья признает

её виновной и её отправят в трудовой лагерь, она попадёт туда тоже уже не впервые... Да, всё это она уже переживала. Но этот судебный процесс отличался для подсудимой тем, что у неё впервые не будет пассивного адвоката, назначенного правительством. Впервые она будет защищать себя сама, смело представлять своё дело и выступать от имени верующих своей страны.

Обвинений было много. Судья зачитывала каждое громко и с осуждением, так, что от её голоса кровь стыла в жилах. Кроме всего остального, Аиду обвиняли в том, что она живёт в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) без прописки (поскольку её прописка была аннулирована местными властями), а также в том, что она — член незарегистрированной церковной общины и она нелегально распространяет печатную религиозную литературу.

ИСТИНА ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ

Для весомых обвинений против Аиды основанием было одно — *клевета*. Прокурор пытался доказать, что Аида собирала и распространяла «заведомо ложные измышления» о том, что в Советском Союзе христиан арестовывают, судят и приговаривают к тюремному заключению. По мнению правительства, самое серьёзное обвинение заключалось в том, что подсудимая передавала иностранцам эту «клеветническую» информацию, «порочащую государственный и общественный строй» Советского Союза.

В то время как прокурор постоянно подкреплял свои обвинения словом «клевета», Аида строила свою защиту на слове «*истина*». Если передаваемая мной информация истинная, рассуждала Аида, значит, она не может быть клеветнической, а потому необходимо доказать суду, что она, несомненно, является правдивой.

Когда Аида услышала предъявленный ей список обвинений, она была поражена тем, насколько тщательно правоохранительные органы следили за ней. Они знали о Шарлотт Юрсмар, симпатичной шведке, приезжавшей в Советский Союз, чтобы получить от Аиды информацию. Они были осведомлены и о том, где и когда Аида и гражданка Юрсмар встречались. Они конфисковали записную книжку гражданки Юрсмар с записями о встрече с Аидой. Судья даже с сарказмом и презрением перечитала каждую записку, которую Аида передала гражданке Юрсмар.

— Юрсмар пыталась вывезти из страны полученные материалы, — продолжала судья, — но во время таможенного досмотра вышеупомянутые материалы были обнаружены и конфискованы.

Она оторвала взгляд от своих записей и с торжествующей улыбкой посмотрела на подсудимую.

Они знали также и о ещё одном иностранном христианине, Дэвиде, и об экземплярах христианского журнала «*Вестник спасения*», который Аида передала ему для отправки за границу. Они знали, что Аида навещала в Магнитогорске свою сестру и оставила ей журналы, позже переданные христианам из подпольной церкви. Правоохранительным органам было известно обо всех, с кем она встречалась, и обо всех материалах, которые она распространяла.

Аиде хотелось знать, какую ещё информацию они перехватили и о ком из заключённых христиан так и не стало известно на Западе.

Снова и снова судья повторяла пункт из перечня выдвинутых против Аиды обвинений: она распространяла «заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй СССР».

В ПРИСУТСТВИИ ГОСПОДА

Аида спокойно сидела на твёрдом деревянном стуле на скамье защиты. Она думала, что будет нервничать и волноваться, однако чувствовала себя спокойно и уверенно. Она чувствовала присутствие в зале Иисуса Христа. Иисус учил Своих последователей не волноваться о том, что говорить, стоя перед царями и судьями, и она не беспокоилась.

— Во время допроса в милиции, — продолжала зачитывать обвинения судья, — она не признала своей вины, хотя и сказала, что передавала и распространяла христианские книги и брошюры. Экземпляры многих документов, которые она передала, были найдены в её квартире. Органами правопорядка против неё было возбуждено дело. Во время одного из допросов в милиции подсудимая заявила, что в материалах, которые она распространяла, нет клеветы, и они «точно отображают положение церкви в нашей стране».

Наконец, закончив читать обвинения, выдвинутые против Аиды Скрипниковой, судья строго обратилась к Аиде:

— Подсудимая, понимаете ли вы суть обвинений, выдвинутых против вас?

Аида смело выдержала взгляд её темных глаз и уверенно ответила:

— Да.

— Вы признаете себя виновной, полностью или частично?

— Нет, я не признаю себя виновной ни полностью, ни частично, — её голос звучал спокойно и твёрдо.

Судья пересмотрела свои записи и объявила, что суд начнётся незамедлительно.

— Первым свидетелем, — заявила она, — будет сама Аида Скрипникова.

БЕЗ ОТЦА И МАТЕРИ

Когда в возрасте двадцати одного года Аида стала верующей, она и не подозревала, что путь, которым поведёт её Иисус Христос, приведёт в зал суда. Аида родилась в христианской семье и с детства знала, кто такой Иисус Христос. В 1942 году её семью постиг тяжёлый удар: за отказ от военной службы был арестован её отец, Михаил. В военное время всех мужчин забирали на фронт. Однако, будучи христианином, Михаил считал, что брать в руки оружие противоречит христианскому вероучению. Его обещали освободить от военной службы как нужного работника, однако приказ об освобождении так и не поступил. Вместо этого отца арестовали, а вскоре семья узнала, что его расстреляли. Таким образом, двухлетняя Аида была лишена каких-либо воспоминаний об отце.

Мать одна поднимала многодетную семью. Они жили в небольшом городке в Сибири. Ей приходилось много работать, но она всегда находила время для молитвы и для того, чтобы читать детям Библию, и, несмотря на угрозу ареста и преследований, водила детей на собрания христиан, проводимые тайно в частных домах. Иногда дядя Аиды оставался дежурить у дома, чтобы предупредить христиан о приближении милиции. Аида ясно помнила то воскресенье, когда во время собрания в их дом нагрянула милиция. Они схватили дядю и ещё двоих мужчин-христиан, надев на них наручники, и обвинили их в уголовном преступлении.

Когда Аиде было одиннадцать лет, умерла её мать. Больше всего Аиде запомнилось, как мама беспокоилась о том, чтобы дети, когда вырастут, не отказались от веры в Иисуса Христа. И действительно, оставшись без матери, дети оказались поглощёнными житейскими заботами. Старшая сестра, к тому времени уже жившая в большом городе, Челябинске, забрала младших детей к себе. Вскоре семья перестала посещать богослужения. А в школе развёртывалась мощная антихристиан-

ская пропаганда. Детей учили, что Бога нет. Духовно незрелой личности в одиночку противостоять этому было очень трудно.

БЕЗ БРАТА, НО С ВЕРОЙ

Когда Аиде исполнилось девятнадцать лет, она переехала в Ленинград. Её брат Виктор, на пять лет старше неё, закончил мореходное училище и поселился в Ленинграде, а Аида переехала туда, чтобы быть поближе к брату. Однажды Виктор и Аида заговорили о религии.

— Я не знаю, существует Бог или нет, — сказала девушка.

Её удивило то, с какой твёрдостью прозвучал ответ брата:

— Что на тебя нашло? — удивлялся он. — Я никогда не сомневался в этом! Я знаю, что Бог есть!

Этот разговор заставил Аиду задуматься. Старший брат, такой умный и интеллигентный молодой человек, к мнению которого она всегда прислушивалась и на которого смотрела с восхищением, так твёрдо говорил о своей вере.

Вскоре после этого разговора с Виктором, Аида, проходя мимо антикварного магазина, вспомнила, как кто-то сказал ей, что иногда здесь можно купить Библию. Ради интереса она решила зайти и спросить, есть ли у них Библии. Продавец в это время разговаривал с человеком, стоявшим по другую сторону прилавка. Оба очень внимательно посмотрели на Аиду, и продавец ответил:

— Нет, девушка, это очень редкая и дорогая книга.

Аида вышла из магазина, а вслед за ней вышел человек, разговаривавший с продавцом, и предложил ей купить Евангелие за пятнадцать рублей.

Это было очень дорого, к тому же это были почти все деньги, которые имела Аида, однако она, не задумываясь, отдала их незнакомцу за старую книгу. И хотя ещё полчаса назад Аида и не думала о покупке Евангелия, это приобрете-

ние очень обрадовало её. Брат Аиды также был несказанно осчастливлен покупкой. Он сам очень хотел иметь эту книгу и попросил Аиду оставить Евангелие у него, хотя бы на некоторое время.

Некоторое время Аида находилась под впечатлением от этой покупки. Однако её увлекала и жизнь в большом городе. Музеи, парки... Да и просто гулять по красивому городу было очень интересно. В общежитии, где Аида жила, её пригласили участвовать в кружке художественной самодеятельности. И снова не было времени подумать о Боге.

Но неожиданно заболел Виктор. Диагноз прозвучал как приговор: рак желудка на неизлечимой стадии. Это был страшный удар. Виктор, однако, принял его мужественно. Он попросил Аиду сходить в дом молитвы и рассказать его друзьям о состоянии его здоровья.

Аида выполнила просьбу брата, и друзья начали регулярно посещать и поддерживать Виктора. Девушка видела, что дух брата был живым в то время, как болезнь одолевала его тело. Её удивляло то, что вера брата во Христа крепла, несмотря на то, что его тело ослабевало. Ей хотелось иметь такую же веру, как у брата. Виктор смотрел в глаза смерти не со страхом и беспокойством, а с глубокой уверенностью в вечной жизни.

Через четыре месяца после того, как Виктору поставили диагноз, он умер. Стоя у его смертного одра, Аида чувствовала, что он хотел бы, чтобы она знала, что он не прощается с ней, а лишь говорит: «До встречи».

Аиде хотелось бы иметь такую же уверенность, которую имел брат. Жизнь Виктора, а также его смерть дала много ответов на вопросы Аиды. Она нередко обсуждала темы, которые её интересовали, с друзьями Виктора из дома молитвы. Наконец у неё исчезли все сомнения: она будет следовать за Иисусом Христом.

Позже за это решение девушка заплатит дорогую цену, но никогда об этом не пожалеет.

СЛУЖЕНИЕ СЛОВОМ И ЛИТЕРАТУРОЙ

— Подсудимая, вам понятна суть предъявленных против вас обвинений? — спросила судья.

— Да, — ответила Аида.

— Хотите ли вы дать суду объяснения по выдвинутым против вас обвинениям? — спросила судья.

— Да, хочу, — ответила Аида, зная, что судья сама будет задавать вопросы. На этом процессе она будет и прокурором, и судьёй. — Я признаю обвинения в распространении христианской литературы и в том, что передавала её упомянутым вами людям.

«Она признает факты. Это дело пойдёт даже быстрее, чем я ожидала. Ей стоило бы согласиться на адвоката», — подумала прокурор.

Судья настаивала, чтобы Аида назвала всех, кому она передавала литературу, как было сказано в обвинении. Она не согласилась с тем, что брошюры из двух-трёх страниц обвинение называло журналом, однако признала, что передавала их в числе других и иностранцам.

— Что ещё, по вашему мнению, неправильно указано в обвинении? — спросила судья.

— Все факты о том, что я распространяла литературу, изложены правильно, — ответила Аида. — Впрочем, материалы, которые я распространяла, не содержат «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а, значит, мои действия не являются преступлением, предусмотренным статьёй 190/1 Уголовного Кодекса РСФСР, поскольку распространение литературы само по себе не является преступлением. Поэтому я не признаю себя виновной.

Вместо того чтобы сразу разобраться в её заявлении, судья перевела разговор на шведку Шарлотту Юрсмар, которой Аида передавала материалы, а в их числе и копии протоколов двух судебных процессов над христианами, проходивших в совет-

ских судах. Аида отказалась ответить на вопрос о том, каким образом она познакомилась с гражданкой Юрсмар, объяснив, что это её «личное дело».

Наблюдая за тем, как Аида ведёт своё дело, прокурор оживилась:

— Эта молодая христианка защищается лучше, чем я думала.

Аида неохотно рассказывала подробности. У неё и гражданки Юрсмар в Швеции был общий друг, который и организовал их встречу. Гражданка Юрсмар купила ей пятьдесят экземпляров Нового Завета, которые Аида хотела передать членам подпольной церкви. Однако милиция конфисковала их. В обмен на книги Аида передала гражданке Юрсмар материалы, среди которых были письма заключённых и расшифровки судебных заседаний для того, чтобы она, в свою очередь, передала их в «Славянскую миссию», где их должны были напечатать и распространить по всему миру.

— Зачем вы передали Юрсмар экземпляры «*Вестника спасения*» и «*Братского вестника*»[1], расшифровки судебных заседаний в Москве и Рязани, а также письма Хорева и Маховицкого? — строго спросила судья.

— Для того чтобы она прочитала их и узнала о жизни нашей церкви, — спокойно ответила Аида. — «*Вестник спасения*» — мой любимый журнал, а «*Братский вестник*» рассказывает о событиях из жизни нашей церкви. Суды стали частью жизни нашей церкви, поэтому, чтобы узнать о церкви России, необходимо знать и о судебных процессах.

И действительно, для верующих в Советском Союзе суды были частью жизни. Аресты, избиения и тюремное заключе-

---

[1] Эти христианские журналы нелегально издавались подпольными баптистскими церквями в Советском Союзе. Коммунисты позволяли публиковать только один «разрешённый» христианский журнал. В нём печатали статьи, восхваляющие советское правительство. Христиане, которые хотели рассказать правду о состоянии церкви, рисковали попасть в тюрьму за издание и распространение своих журналов.

ние ожидали всех истинных христиан, а подпольные церковные журналы публиковали эти факты.

Судья не могла поверить, что Аида доверила столь секретную и важную информацию едва знакомой женщине.

— Между христианами дружба завязывается быстро, — попыталась объяснить Аида. — Я могу поехать в незнакомый город, встретить верующих, которых раньше не знала, и через несколько минут мы станем близкими друзьями. Верующие — это одна большая семья, и мы всегда готовы прийти на помощь друг другу.

Прокурор и судья задавали вопросы по очереди. Они интересовались зарубежными адресами в её записной книжке. Они хотели знать, со всеми ли она переписывалась.

— С некоторыми переписывалась, — ответила Аида. — Мне не известно ни об одном законе, запрещающем советским гражданам переписываться со своими друзьями за рубежом.

Верующие, собравшиеся в зале суда, украдкой улыбнулись, когда прокурор с яростью посмотрела на Аиду. Затем она начала поочерёдно зачитывать каждое имя из её записной книжки.

БЛАГОВЕСТИЕ ВОПРЕКИ СТРАХУ

Аида и не подозревала, что станет корреспондентом, работающим на передовой церкви Советского Союза. Когда она уверовала во Христа, она была красивой девушкой. Ей шёл двадцать первый год. Она радовалась своему новому лучшему Другу и хотела рассказывать о Нём всем, кого встречала.

Аида приняла решение следовать за Христом, когда в Советском Союзе начали возрождаться баптистские церкви. «В течение определённого времени вера постепенно ослабевала, — рассказывала она позже, — и вдруг наступило пробуждение. То, что я видела, было чудом. Я была свидетелем того, как мёртвые, духовно мёртвые, снова поднимались, а слабые

доказывали, что способны на великие дела. Я познала величие смирения и терпения, величие духовной борьбы Церкви. Это возрождение укрепило мой дух, и я присоединилась к нему».

Друзья из дома молитвы Виктора призывали Аиду свидетельствовать о Христе. Она видела, как они печатали открытки со стихами из Евангелия и брошюры, призывающие «покаяться и принять Благую Весть». Они бросали листовки в почтовые ящики, о чём говорил весь Ленинград. Власти воспринимали это как подлость. «Трусливо и нечестно исподтишка подсовывать листовки в почтовые ящики советских граждан», — кричали газеты.

Обвинение в трусости сильно задело Аиду: «Атеистическая власть боится и не допускает любого упоминания о Боге, в стране разрешена только антирелигиозная пропаганда, на верующих постоянно клевещут, не позволяя им публично опровергнуть ложь. А теперь верующих обвиняют в трусости и подлости!»

С первых дней своей христианской жизни Аида отличалась особой храбростью и стремлением поделиться своей верой с другими людьми. *«А что, если открыто раздать людям что-нибудь?»* — подумала Аида. Через месяц после обращения к Иисусу как своему личному Спасителю девушка решила, что встретит первый день 1962 года особым образом. Она приобрела много открыток с репродукцией картины Клода Лорана, изображавшей рассвет в гавани. Много дней подряд она усердно трудилась, от руки подписывая каждую открытку:

С НОВЫМ 1962 ГОДОМ!
Новогоднее пожелание

Наши годы пролетают
Незаметной чередой,
Скорбь и горе исчезают,
Их уносит жизнь с собой.

Мир земной так скоротечен,
Всё приходит в нём к концу.
Жизнь важна — не будь беспечен,
Как ответишь ты Творцу?

Что ждёт тебя, мой друг, за гробом?
Реши вопрос, пока есть свет.
Быть может, завтра перед Богом
Предстанешь дать за всё ответ.

Подумай глубоко об этом,
Ведь ты не вечно здесь живёшь.
Быть может, завтра с этим светом
Ты связи навсегда порвёшь!

ИЩИ БОГА, ПОКА ЕГО МОЖНО НАЙТИ!

Послание на открытке заканчивалось простым призывом, таким же, который она раньше видела на открытках, напечатанных её друзьями: «Покайся и прими Благую Весть!»

Закончив подписывать последнюю открытку, Аида тепло оделась и вышла на улицу. У Казанского собора, в котором был расположен Музей истории религии и атеизма, на Невском проспекте темноволосая молодая девушка начала раздавать листовки. Она специально выбрала это место. Может быть, площадь перед собором показалась ей наиболее удобной. Девушка подбегала к прохожим, улыбаясь, поздравляла их с наступающим Новым годом и протягивала открытку.

С удивлением, но охотно прохожие брали открытки. Аида раздала уже почти всё, как вдруг кто-то крепко схватил её за руку.

— Безобразие! Религиозные открытки! — рассержено воскликнул незнакомец, размахивая одной из открыток Аиды перед её лицом.

— Это новогодняя открытка, — ответила девушка, пытаясь освободиться от схватившего её мужчины. Рядом с ним она казалась очень маленькой. Мужчина схватил её ещё крепче, оглянулся и начал звать проходящего мимо милиционера.

— Нам этого здесь не нужно, — процедил он сквозь зубы, не отпуская руку девушки, пока милиционер схватил её за другую руку и повёл в отделение милиции. Работник милиции позвонил в КГБ. Пришёл человек в штатском, и начался длительный допрос. Потом был составлен протокол.

ПРЕДВЕСТИЕ БУДУЩЕГО

Это был первый вынужденный визит Аиды в отделение милиции. Её задержали на несколько часов, а затем отпустили, открыв на неё дело по факту «антиобщественного поведения». Аида сидела спокойно, отвечая на все вопросы, и сама себе удивлялась, что чувствовала себя так уверенно. Она знала, что Бог с ней и ей не нужно бояться представителей власти. Она думала о том, рассказывал ли кто-нибудь офицеру милиции о любви Христа к нему?

О задержании Аиды правоохранители сообщили директору учреждения, где она работала, и коменданту общежития, в котором жила. А её дело передали на рассмотрение «товарищеского суда». В то время часто практиковалась такая форма воздействия на гражданина. «Товарищеский суд» имел право вынести «общественное порицание», назначить какое-либо административное наказание, например понизить в должности, перевести на худшую работу или принять решение о передачи дела в уголовный суд.

В апреле 1962 года состоялся такой суд над Аидой. Он проходил в огромном зале дома культуры. Аида сидела на скамейке перед тремя «товарищами», решающими её судьбу. «Обвинителей», местных жителей, привели, чтобы они сви-

детельствовали против неё. Аиду поразило, что люди были настроены так враждебно. Ей почти не давали говорить. Стоило ей произнести слово, как тут же в зале поднимался крик. Один пожилой мужчина трясся от гнева и кричал:

— Вон из Ленинграда! Я не хочу дышать с ней одним воздухом! Я не хочу ходить рядом с ней по нашей земле!

Тон такому настроению задавали, конечно же, «товарищи» за судейским столом. Они, например, заявили, что Виктор умер потому, что баптисты не позволяли ему обращаться к врачам (странные утверждения, особенно принимая во внимание тот факт, что Виктор умер в больнице). Заявления обвинителей поразили Аиду. Разве её обвиняли не в том, что она раздавала рождественские открытки? А при чём здесь её брат?

Аида пыталась что-то сказать в свою защиту, даже вдова Виктора хотела выступить, но собравшиеся в зале не давали им произнести ни слова. К концу судебного заседания присутствующие начали требовать, чтобы дело Аиды было передано в высшую судебную инстанцию, которая должна наказать её значительно строже.

— В народный суд! В народный суд! — скандировал зал.

Аиду удивляло, что несколько открыток вызвали такую ненависть общественности. Приговор товарищеского суда, однако, не был столь суровым. Суд постановил перевести Аиду на более тяжёлую работу, из лаборатории на стройку, и вынести ей общественное порицание с публикацией в местной печати. Всё же присутствующие считали, что приговор недостаточно суров. Люди начали вскакивать со своих мест, топать ногами, некоторые бросились к сцене, где находился судейский стол и скамья подсудимых.

— Эти баптисты не только ведут идеологическую диверсионную работу, по их вине умер молодой человек! — кричали они. В целях безопасности Аиду пришлось вывести из помещения чёрным ходом под усиленной охраной.

Однако решение суда не выполнялось в течение многих месяцев, и Аида продолжала работать на прежнем месте. Что же касается публикаций в прессе, то они были. Милиция следила за девушкой и собирала на неё компромат. Жить становилось всё труднее, хотя те ранние сложности были лишь началом того, что ожидало молодую христианку в будущем.

ОБВИНЕНИЯ В НЕУВАЖЕНИИ К ЗАКОНУ

Теперь вопросы продолжали задавать прокурор и судья, интересуясь каждым иностранцем, с которым была знакома Аида, каждой долей информации, переданной ею за границу.

Затем перешли к христианским изданиям, которые распространяла Аида. Судья взяла один из журналов и начала медленно листать страницы в поисках абзацев, отмеченных заранее. Найдя, по её мнению, опасные разделы, она начала читать вслух предложение за предложением. В конце каждого предложения она бросала на Аиду злобные взгляды.

Затем судья начала говорить о разных вероисповеданиях, отмечая, что некоторые из них правительство не преследует.

— Мне не известно о преследовании верующих других деноминаций, — ответила Аида, — мы пишем только о преследовании евангельских христиан-баптистов.

Прокурор заявил, что любой человек, живущий за границей, прочитав литературу, распространяемую Аидой, может подумать, что в Советском Союзе преследуют всех христиан. Он продолжил цитировать с того места, где остановилась судья, и придирался к каждой мелочи. В одном из журналов он указал на отрывок, в котором говорилось о том, что в советских школах детей верующих родителей притесняют и унижают.

— Школы, — подчеркнул он, — только пытаются исправить вред, причиняемый родителями-фанатиками, которые травят своих детей глупыми предрассудками.

— Закон запрещает навязывать веру молодым, — продолжал прокурор, глядя на судью и ожидая поддержки с её стороны.

— Но закон не запрещает навязывать атеизм, — смело парировала Аида.

— Атеизм — не религия. Ребёнок вырастет и потом сам определит своё отношение к религии. Атеизм не навязывают.

— Что же тогда получается, — недоумевала Аида, глядя то на прокурора, то на судью. — Законом запрещено говорить, что Бог существует, но разрешено говорить, что Бога нет?

Все молчали. Не зная, что ответить, судья сменила тему. Она потребовала, чтобы подсудимая не отклонялась от главного предмета разговора.

Прокурор снова начал зачитывать отрывки из журнала.

— Знаете ли вы, что религиозная община должна быть зарегистрирована, — спросила она подсудимую.

— Знаю. — Аида также знала, что, регистрируясь, церковь ставила себя под контроль коммунистического правительства — правительства, отрицающего само существование Бога, которому служит церковь.

— Ваша община не зарегистрирована, вот почему вам не разрешено проводить собрания, а не потому, что в нашей стране верующих преследуют, — продолжал прокурор.

— Наша община обращалась с просьбой о регистрации, — ответила Аида. — Мы подавали заявление, но нам отказали.

— Вам отказали, потому что вы не соблюдаете закон.

— Какой закон мы не соблюдаем?

— Вы хотите организовать воскресную школу и вести пропаганду религии среди несовершеннолетних.

— Я не припомню, чтобы наша община требовала создания воскресной школы, — ответила Аида. — Кроме того, в соответствии с законодательством, родители имеют право воспитывать своих детей так, как они считают нужным.

— Нет, *не могут,* — раздражённо прервал Аиду прокурор. — Закон запрещает приобщать несовершеннолет-

них к религиозной деятельности! Но вы *отказываетесь* уважать закон.

— Согласно Конституции советскому человеку гарантирована свобода совести и вероисповедания. А это значит, что гражданин имеет право публично свидетельствовать о своей вере, — ответила Аида. — Следовательно, о Боге можно говорить любому человеку, то есть свободно исповедовать свою веру. Не так ли?

Аида говорила по сути дела. В советской Конституции отмечалось, что человек имеет право на свободу вероисповедания и может пользоваться этой свободой на практике. Однако советское руководство боялось христианской веры, оно стремилось поставить людей в зависимость от коммунистической партии. Коммунисты считали, что, искоренив религиозные убеждения, они заставят людей преданно служить коммунистической партии.

Опять суд не способен был дать ответы на вопросы Аиды. Поэтому прокурор снова сменил тему и начал спрашивать обвиняемую, почему та распространяла литературу тайно, если там написана правда.

— Потому что тем, кто преследует нас, не нравится, когда факты преследования становятся известными, — ответила Аида. Её слова всё больше и больше напоминали язык образованного юриста, а не простой рабочей фабрики.

— Я знаю, что в материалах, которые я передала гражданке Юрсмар, не было заведомо ложных фактов. В «*Вестнике спасения»,* как и в «*Братском вестнике»,* положение верующих описано таким, каково оно есть. Я согласна с вами, что положение это — неприглядное, однако это — реальная жизнь, и о нём *необходимо* говорить. Когда я передавала гражданке Юрсмар материалы, то знала, что за это могу попасть в тюрьму. Я отдавала себе в этом отчёт. Однако это никоим образом не влияло на правду, написанную в них.

Прокурор ещё раз просмотрела свои записи и села. Наконец допрос Аиды закончился. Однако судебное слушание продолжалось. Начали вызывать свидетелей. Первыми в списке были соседи Аиды — Анатолий и Алла Лаврентьевы. Судья и прокурор забросали их вопросами: «Она рассказывала вам о своей вере?», «Давала ли вам какую-либо литературу?», «Есть ли у неё радиоприёмник?», «Как она одевалась?», «Что готовила?».

И Анатолий, и Алла единодушно заявили, что Аида не похожа на преступницу.

— Аида со всеми поддерживала дружеские отношения, — сказал Анатолий. — О ней можно сказать только хорошее.

Потом вызвали другого свидетеля, которого тоже расспрашивали об одежде Аиды, её поведении, работе.

Следует отметить, что все свидетели были настроены очень доброжелательно по отношению к Аиде. Становясь на место для свидетелей, они, в первую очередь, улыбались Аиде и приветливо здоровались с ней. Судье это не нравилось, и она каждый раз говорила:

— Повернитесь лицом к суду, а не к подсудимой.

Наконец, вызвали Марфу Акимовну Скурлову, верующую. Она, можно сказать, была главным свидетелем по делу, поскольку именно к ней на квартиру впервые пришла Шарлотта Юрсмар. Марфа Акимовна знала Аиду уже пять лет. Вдвоём они ходили на богослужения и молились. Когда же Аида вышла из тюрьмы, отсидев свой первый год, именно Марфа Акимовна предоставила ей убежище.

Марфа Акимовна не отрицала, что помогала обвиняемой, и подтвердила, что в комнату, где она жила с Аидой, приходили иностранцы.

— Вы говорите, что Аиду уволили с работы, потому что она верующая? — спросила судья. — Почему вас не уволили с работы? Вы, конечно же, работаете?

— Мой черед ещё не пришёл, — просто ответила Марфа Акимовна. — Но вы не знаете, сколько раз ко мне приходили из КГБ.

Когда Аиде разрешили задать вопросы свидетелю, она спросила Марфу Акимовну, известно ли ей о преследовании верующих христиан. Женщина начала рассказывать о том, что верующих арестовывают, допрашивают, в их домах проводят обыски, их штрафуют.

— Я знаю, что верующих штрафуют. На Суковицина наложили штраф, — рассказывала Марфа Акимовна.

— За что его оштрафовали? — вмешался прокурор.

— Потому, что он молился.

— Где он молился?!

— Он проводил молитву в доме Лукаса. Там было собрание.

— Правильно! — торжествующе закричал прокурор. — Собрание происходило в неположенном месте. У вас есть молитвенный дом — идите туда и молитесь!

Позже, когда Марфа Акимовна рассказала о том, что её оштрафовали за посещение христианского богослужения, прокурор снова вмешался:

— Где проходило богослужение?

— В лесу.

— В общественных местах запрещается проводить собрания. Вот почему вас оштрафовали, — с самодовольной улыбкой заключил он и кивнул судье.

— Но в лесу больше никого не было. Мы были там одни. Мы провели собрание и начали расходиться, но нас арестовали на железнодорожной платформе, когда мы уже собирались ехать домой.

Марфа Акимовна перечислила ещё и другие случаи, когда в жизни христиан вмешивалась милиция. Затем её отпустили.

Последним свидетелем по делу Аиды была Екатерина Андреевна Бойко, верующая и её подруга. Она назвала Аиду своей подругой и показала, что она — «хороший и добрый человек».

Екатерина рассказала, как милиция пришла к ней в квартиру, разыскивая Аиду. Работники милиции заявили соседям, что Аида — шпионка, и просили, чтобы Екатерина и другие соседи сообщили им, если у них появится Аида.

Екатерина была свидетелем явно не в пользу прокурора. Иногда она отвечала односложно, иногда, выслушав вопрос, молчала.

— Что вам было известно о визите к Скрипниковой шведской туристки? — спросила прокурор.

— Сначала мне ничего не было об этом известно. Я узнала о нём на следующий день. Сотрудник КГБ пришёл к Аиде в тот момент, когда я была у неё. Он сказал, что у какой-то иностранки изъяли литературу, и эту литературу передала ей Аида.

Прокурор спросил, какое у неё образование. Она ответила, что закончила десять классов.

— Почему вы не учились дальше?

— Я хотела поступить в медицинский институт, — ответила Екатерина, — но в моей школьной характеристике было написано, что я принадлежу к секте баптистов-раскольников. Поэтому я и не поступала в мединститут. Даже если бы я и поступила, меня все равно исключили бы.

— И вы даже не попытались? — в голосе судьи послышались издевательские нотки.

— По опыту других я знала, что мне всё равно не позволят учиться.

Когда наступила очередь Аиды задавать вопросы, она посмотрела на подругу и начала с общих вопросов, а затем перешла к вопросам о том, как советское государство относится к верующим христианам. Аида спрашивала о конкретных верующих, которых штрафовали, и Екатерина перечислила их имена, в некоторых случаях рассказывая более подробно.

— Почему вы проводите молитвенные собрания в лесу? — прервала её судья. — У вас же есть молитвенный дом на Поклонной горе. Почему вы не собираетесь там? Ваша община

не зарегистрирована. Вы проводите собрания в недозволенных местах и нарушаете общественный порядок. Вот поэтому вас и штрафуют.

— Мы подавали заявление на регистрацию. И наше собрание в лесу никому не мешало.

Прокурор спросил Екатерину, считает ли она себя гражданкой своей страны, обязанной подчиняться её законам.

— Я подчиняюсь законам страны, — ответила Екатерина.

— Вы проводите собрания в лесу и на квартирах, и ваша община не зарегистрирована, — настаивал прокурор, — это означает, что вы *не* соблюдаете законы.

— Молитвенные собрания не является противозаконными.

Она смело процитировала Ленина, который назвал законы, направленные против веры граждан, «самыми позорными».

Не желая спорить с вождём, прокурор отпустил подругу Аиды.

СЛУЖЕНИЕ В ПОДПОЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

Аида пыталась держать свою христианскую веру в рамках советского законодательства. В течение первых месяцев после того, как девушка стала христианкой, она регулярно посещала молитвенный дом, который был зарегистрирован и получил «добро» советского правительства. Девушка была счастлива и довольна возможности молиться вместе с верующими братьями и сёстрами — и ещё не понимала политических игр, которые велись в зарегистрированной церкви.

Она участвовала в богослужениях, молитвенных собраниях, но вскоре её начали раздражать ограничения. Она изучала Библию вместе с молодёжью своей общины, но её предупредили, чтобы она не говорила об этом руководству церкви. Коммунистический закон запрещал распространять «религиозные предрассудки» среди молодёжи, не достигшей восемнадцати

лет, и руководителей церкви больше заботили коммунистические законы, чем заблудшие души.

Аида помнила домашнюю церковь, которую она посещала со своей мамой. Она помнила ощущение присутствия Бога и то, что дети и молодёжь были там желанными и их там учили. Аида считала, что это неправильно — не давать возможности молодым людям слышать Евангелие, это не соответствовало Писанию.

Переломный момент наступил, когда Аида начала помогать христианам, попавшим в тюрьму за веру. Она хотела распространять информацию о них и организовать им молитвенную поддержку во многих церквях.

У руководителей зарегистрированных церквей были списки тех, кто сидели в тюрьме, однако они считались государственной тайной, информацией, не предназначенной для глаз членов церкви.

Аида же считала, что это — именно та информация, которую должны знать многие люди. Как могут христиане в Советском Союзе и во всем мире молиться и поддерживать своих братьев и сестёр во Христе, если они даже не подозревают об их мучениях?

Аида пыталась сделать так, чтобы о них узнали, и именно это привело к конфликту с руководством зарегистрированных церквей.

«Дело в том, что власти пытались вести агитацию внутри церкви, через её руководителей, — позже рассказывала Аида. — Они хотели ограничить, а затем и подавить духовную жизнь церкви, и до 1960 года достигли в этом значительных успехов».

Аида пыталась распространять информацию о заключённых верующих, что противоречило желанию руководства церкви.

Таким образом, она оказалась перед выбором: остаться в зарегистрированной церкви и продолжать бороться за свои убеждения или присоединиться к подпольной церкви и бороть-

ся за свободу своих братьев и сестёр, отбывающих заключение за веру. Её тянуло к зарегистрированной церкви, ведь это были люди, среди которых жил её брат, да и сама она имела среди них много друзей.

Однако Аида не могла смириться с пассивностью этой церкви. Она не могла следовать за пасторами, которые старались заслужить одобрение властей, а не служить своим заключённым братьям-христианам. Она с головой погрузилась в служение подпольной церкви, зная, что за это решение придётся дорого заплатить.

4 июня 1962 года в газете *«Смена»,* которая была рупором советского правительства, появилась статья под заголовком «Не будь живым трупом». Она была направлена на дискредитацию верующих вообще и подпольной церкви в частности. Политика правительства заключалась в отрицании существования Бога, и статья высмеивала тех, кто верит в «выдуманного Мессию».

Прочитав статью, Аида написала на неё ответ, став на защиту верующих и своей веры. Она отнесла его в редакцию *«Смены»,* где, к её большому удивлению, его приняли, с интересом прочитали, однако, как и следовало ожидать, опубликовать отказались. Этим всё могло и закончиться, если бы Аида не показала статью в *«Смене»* и свой ответ на неё братьям по вере. Ответ Аиды им очень понравился, и они попросили у неё копию. Затем к девушке приехали гости с Украины и тоже попросили копию, чтобы отвезти к себе домой.

Вскоре было сделано сотни копий, которые верующие по всему Советскому Союзу передавали друг другу. Членов подпольной церкви возмущала статья с нападками на церковь, а смелый и хорошо обоснованный ответ одной из сестёр вдохновлял. Таким образом, Аида оказалась на передовой *самиздата* — новой практики обмена информацией.

Правительство не могло уследить за каждым ротатором, фотокопировальным аппаратом и печатным станком в стране.

Благодаря своей статье, Аида Скрипникова стала известной тысячам верующих, с которыми она никогда не встречалась. Однако она стала известной и КГБ.

ПОДГОТОВКА К ПРЕНИЯМ

На судебное слушание были вызваны и другие свидетели, однако они не явились. Несмотря на это, судья решила, что судебное заседание продолжится.

Расстроившись, Аида отметила, что суд потратил больше времени на то, чтобы узнать, что она носила и что ела, чем на рассмотрение сути её дела.

— Прошу суд обратить больше внимания на суть моего дела, — настаивала она. — Например, я хочу объяснить, почему наша община не зарегистрирована. А вы объясните мне, пожалуйста, из-за нарушений каких законов нам отказали в регистрации.

— Подсудимая, — раздражённо воскликнула судья, — суд задаёт вопросы вам, а не вы — суду.

Поддерживая судью, в разговор вмешался прокурор:

— Я даже не понимаю, о чём она спрашивает.

Аида глубоко вздохнула, стараясь держать себя в руках:

— А ещё прошу суд обратить больше внимания на главные пункты обвинения, я прошу не замалчивать существенные стороны дела, представленного на рассмотрение суда. Это моя первая просьба. Во-вторых, я прошу суд установить точную дату моей прописки.

Судья спросила, почему Аида считает эту информацию важной.

Аида объяснила, что на суде выяснилось, что милиция собирала о ней сведения задолго до того, как закончился срок её прописки.

— Если меня судят за просроченную прописку, а не за мою христианскую деятельность, то почему за мной начали следить *раньше, чем моя прописка была аннулирована?* — спросила Аида. — Я могу сказать, почему против меня завели дело, — продолжала она. — В нашем доме молитвы я дважды подходила к иностранцам и просила у них Библии. Об этих моих просьбах стало известно властям.

— Вопрос о прописке не имеет ничего общего с вашим делом, — ответила судья. — Вы обвиняетесь в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

— Однако во время судебного процесса вопросу о моей работе и прописке было уделено много внимания, — ответила Аида.

— Эти вопросы интересовали суд не потому, что они являются частью обвинения, а потому что они помогают суду составить мнение о вас. Вам кажется странным, что суд задаёт вопросы о вашем характере, но суд должен знать, что вы за человек. При вынесении приговора суд принимает во внимание личность обвиняемого.

Аида сказала, что в таком случае ещё более важно установить подлинные факты из её жизни.

Прокурор снова и снова возвращался к записям из записной книжки Шарлотт Юрсмар, изъятой на таможне, требуя от Аиды объяснить ту или иную запись.

— Я не знаю, мне трудно разбираться в чужой записной книжке, — ответила подсудимая, — поэтому я прошу вызвать в суд саму гражданку Юрсмар, чтобы она объяснила свои записи.

Судья сделала вид, будто обдумывает её просьбу, поинтересовалась, не против ли прокурор, а затем объявила:

— Приняв во внимание просьбу обвиняемой, суд решил отклонить её.

С тех пор вопросов относительно книжки Юрсмар больше не задавали.

Рассмотрев ещё несколько вопросов, заседание перенесли на следующий день. Предстояли прения сторон. Для прокурора это будет шанс ещё раз превознести советскую систему и подчеркнуть, что христиане имеют свободу вероисповедания, если они повинуются закону.

А для Аиды это будет последний шанс, последняя возможность высказаться в свою защиту и выступить от имени братьев и сестёр церкви Божьей. Она чувствовала груз ответственности, знала, что рискует снова попасть в тюрьму, но Отец Небесный вдохновлял и успокаивал её.

РЕЗУЛЬТАТЫ «ПЕРЕВОСПИТАНИЯ»

Угроза попасть в тюрьму не была безосновательной. Аида уже отбывала наказание, когда в 1963 году товарищеский суд аннулировал её ленинградскую прописку. Долгое время она жила у своей сестры в Украине, где её вдохновляла храбрость и упорство верующих.

Она вернулась в Ленинград, полна решимости продолжать служение. Милиция всё ещё следила за ней. И теперь, когда Аида снова приехала в город, её могли арестовать в любой момент. Однако она не прекращала христианскую деятельность.

Аида и её друзья продолжали собираться в лесу за городом, чтобы скрыться от милиции. Иронично, но именно там, в лесу, в 1965 году её впервые официально арестовали. Аиде тогда было 25 лет.

«Прибыли работники милиции и начали нас разгонять, — позже рассказывал один из свидетелей этого события, — они тянули нас, хватали за волосы. Нескольких забрали. Одних оштрафовали, других задержали на две недели».

Аида была одной из тех, кого арестовали, и милиция передала её дело в суд. Официальные обвинения, выдвинутые против неё, не касались религии. Хотя Аиду и арестовали вместе

с другими верующими, её обвинили в отсутствии ленинградской прописки.

Во время судебного заседания в небольшом зале районного суда Аиде не позволили сказать ни слова. Процесс был лишь видимостью суда, попыткой создать иллюзию существования справедливости там, где на самом деле её не было. Когда всё закончилось, Аиде зачитали приговор — один год тюремного заключения. Приговор не сломил её. Она регулярно общалась с верующими, отбывающими наказание в тюрьме, и с теми, кто пока находились на свободе, но были готовы ко всему, если на то воля Господа. Теперь настал её черед.

По мнению советского руководства, тюрьма должна была перевоспитывать заключённых. «Этих несчастных ввели в заблуждение, теперь им нужно показать правду и продемонстрировать силу советской системы — гордость нашей Родины».

Когда заканчивались монотонные занятия по промыванию мозгов, Аида проводила холодные ночи на твёрдом цементном полу. Еды всегда не хватало, а пища, которой кормили заключённых, не была пригодна даже для свиней. Во время отбывания наказания Аиду поместили в психиатрическое отделение. После тридцати дней обследования врачи пришли к выводу, что у неё нет психических отклонений, и вернули её в камеру. Месяцы, проведённые в тюрьме жестокой коммунистической системы, оставили незабываемые впечатления в жизни мужественной молодой девушки.

Аида не поддалась «перевоспитанию» советской системы. Её вера во Христа стала ещё крепче. Заключение не смогло заставить её прекратить распространять Слово Божие, она вышла из тюрьмы ещё более страстным проповедником истины об Иисусе Христе, чем была раньше. Теперь она хорошо знала цену следования за Христом, и всё же не колебалась. Она стала ещё более решительной.

ПРИГОВОР: ЗА ВЕРУ ИЛИ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА?

Судья объявила о начале прений сторон. Первым выступил прокурор. Он начал с краткого обзора истории церкви в России:

— После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране церковь была отделена от государства, и верующие всех религий получили право на свободу вероисповедания, — гордо провозгласил он, а затем перешёл к обвинению евангельских христиан-баптистов, в частности Совета церквей, — в том, что они подстрекают верующих к несоблюдению государственного законодательства.

— Общины, поддерживающие Совет церквей, — не зарегистрированы, — говорила прокурор. — Их противозаконные собрания проходят в частных домах и в общественных местах. Некоторые верующие осуждены за нарушение закона о религиозной деятельности. Совет церквей же называет это преследованием за веру. В течение семи лет Совет церквей ведёт борьбу против властей.

От «истории церкви» и «освещения общей ситуации», сложившейся в жизни верующих, прокурор, наконец, перешёл к делу Аиды.

— У гражданки Скрипниковой были связи по всей стране, но её первоочередной задачей было установление контактов с иностранцами. И следует признать, что с этой задачей она справилась хорошо, — добавил он насмешливо.

А затем произнёс более снисходительно:

— Аиде Михайловне выпало несчастье родиться в семье баптистов. Конечно, очень печально, что мы не смогли удержать её на верном пути. Однако ей уделялось достаточно много внимания, и мы пытались раскрыть ей глаза на антиобщественный характер её действий.

Заканчивал своё выступление прокурор громким и грозным голосом. Он зачитал перечень литературы, найденной у Аиды дома.

— В одной из статей приведена цитата гражданина по фамилии Крючков, который во время одного из судебных заседаний в Москве сказал: «Те братья, находящиеся в тюрьмах и лагерях, страдают не потому, что они нарушили советские законы, они страдают потому, что остались верными Господу», — прокурор строго покачал головой. Это — заведомо ложное измышление, порочащее советское государство и его общественный строй. В Советском Союзе существуют разные вероисповедания, церкви открыты для верующих и *никого* не преследуют за веру. Государство *не* вмешивается в деятельность религиозных общин, если они не нарушают законодательство.

Вина подсудимой Скрипниковой, заключающаяся в систематическом распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, *полностью доказана*. Её действия регулируются статьёй 190/1 Уголовного кодекса РСФСР. Поэтому я прошу суд приговорить обвиняемую Аиду Скрипникову к двум с половиной годам лишения свободы.

«Я НЕ МОГУ ПОСТУПАТЬ ИНАЧЕ!»

Судья повернулась к Аиде, давая ей понять, что теперь её очередь заключительного слова в свою защиту.

— Я собиралась говорить по существу предъявленных мне обвинений, — спокойно произнесла Аида, вставая. — Однако, поскольку прокурором были затронуты и другие вопросы, я также считаю необходимым осветить их, хотя, как было правильно отмечено, они не имеют непосредственного отношения к моему делу.

Она опровергала второстепенные обвинения прокурора, начиная от письма, которое написала в газету «*Правда*» в 1958 году, — ещё до того, как начала работать в конструкторском бюро. А потом перешла к более существенным вопросам.

— Когда я утверждаю, что меня уволили с работы за мои религиозные убеждения, меня обвиняют в том, что «это — заведомо ложное измышление». Поэтому послушайте, что произошло после моего освобождения из тюрьмы. Я устроилась на работу в типографии. Однако через неделю после того, как я приступила к работе, на молитвенное собрание, на котором я присутствовала, пришла милиция и записала моё имя вместе с именами других присутствующих. Об этом сообщили на место моей работы. В типографии разволновались, когда узнали, что я — верующая. Начальство сразу же предупредило меня, что, если я не изменю своих взглядов, буду уволена. Мне прямо сказали: «Типография — это политическое учреждение. Не каждому разрешено здесь работать». Эта типография принадлежала управлению железных дорог, и там не печатали ничего секретного, только расписание поездов и различные бланки, поэтому я не понимала, что там было такого, чего мне нельзя было доверить? — продолжала она.

— Через три недели меня вызвали в кабинет начальника и сообщили, что я уволена. Конечно, мне не сказали, что меня увольняют из-за моей веры, поскольку нет такого закона, согласно которому человека можно уволить с работы за его убеждения.

Поэтому меня уволили под предлогом сокращения штатов. Когда я спустилась в цех и сказала, что меня уволили в связи с сокращением штатов, у коллег глаза на лоб полезли. Один из станков в нашем цехе простаивал, поскольку на нём некому было работать.

Начальник сказал мне: «Мы не можем позволить вам работать в типографии, поскольку ваша прописка действительна только за пределами города». Будто он не видел моих документов, когда принимал меня на работу!

Аида сказала судье, что как только милиция начала допрашивать её, она знала, что вскоре её снова арестуют.

— Прошло всего шесть месяцев с момента моего увольнения, и я хотела сделать что-то полезное, прежде чем снова попаду в тюрьму. У меня были дела, которые надо было завершить.

Она глубоко вздохнула. Защищать себя было чрезвычайно трудно. Ей необходимо было собрать все свои эмоциональные и духовные силы на длительный период времени, а это было сложно. Она попросила судью сделать перерыв на десять минут, и та согласилась.

После перерыва Аида говорила уже непосредственно о том, в чём её обвиняли.

— Само по себе распространение любых изданий не является преступлением, и если бы обвинение не нашло в журналах «*Вестник спасения*» и «*Братский вестник*» заведомо ложных измышлений, не было бы никаких оснований судить меня. Поэтому я должна говорить о содержании этих изданий.

Затем Аида рассказала о запрещённом конгрессе христианских руководителей, о котором рассказывалось в распространяемой ею литературе.

— Закон гарантирует верующим право собираться на собрания, конгрессы и другое, — отметила Аида. — Однако вместо того, чтобы дать разрешение организовать конгресс христианских руководителей, власти начали преследовать тех, кто просил выдать разрешение на его проведение. Следователь прокуратуры отметил в распространяемых мной изданиях семнадцать фраз, в которых, по его мнению, содержатся заведомо ложные измышления.

И Аида начала подробно анализировать каждую из этих фраз, приводя доказательства, что в них изложены факты, а не «ложные измышления».

Аида обратилась к судье:

— Давая показания, свидетель Бойко начала цитировать Ленина, а я закончу эту цитату: «Только в России и Турции ещё действуют позорные законы против религиозных людей. Эти законы либо прямо запрещают вероисповедания, либо

запрещают пропаганду веры. Эти законы — несправедливые, позорные и угнетающие». Позвольте мне привлечь внимание суда к слову «пропаганда». Сам Ленин назвал запрет пропаганды веры несправедливой и позорной.

Она ещё раз перевела дыхание и продолжила:

— Я расскажу вам о том, как меня арестовали. 11 апреля я пришла на молитвенное собрание. Я заметила, что за мной следят, но не придала этому значения. В домах других верующих уже были проведены обыски. Мы говорим об обысках в домах верующих. Это факты. Только по моему делу было произведено 11 обысков: три в Ленинграде, четыре в Перми, три в Кировограде и один в доме моей сестры в Магнитогорске. Можно понять причину обыска в моей квартире и в квартире моей сестры. Но зачем проводить обыски в домах других верующих? Они были проведены лишь потому, что адреса этих людей были записаны в моей записной книжке. Ни в одном из этих домов не найдено ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к моему делу. Зато у них изъяли всю духовную литературу.

Затем Аида коснулась вопроса преследований.

— Мы говорим, что нас преследуют за веру, но нас уверяют, что это — «заведомо ложное измышление, поскольку вас судят за нарушение законов СССР». Я — член незарегистрированной общины, которая подавала заявление на регистрацию. Нами были предоставлены все документы, в их числе и наш устав. Нам не говорят: «Вы не должны делать это и это». Нам говорят: «Подпишите обязательство не нарушать закон». А под понятием «закон» потом подразумевают различные директивы. Это — нарушение процедуры регистрации.

Аида видела, что судья теряет терпение, поэтому она решила закончить свою речь.

— Верующие *не могут* обещать выполнять закон, который запрещает им говорить о Боге и воспитывать детей в соответствии со своей верой. При всей своей лояльности к властям, никто из родителей-христиан не даст обещание неуклонно со-

блюдать закон, предписывающий им воспитывать своих детей атеистами. Они готовы терпеть мучения и даже предстать перед судом, но не пообещают повиноваться такому закону.

— Иисус Христос сказал, что мы должны проповедовать Евангелие всем людям, — продолжала Аида, — поэтому верующие не могут подчиняться закону, который запрещает им говорить о Боге и о спасении.

Ни один истинный верующий не сделает этого. Даже если он — не миссионер и не проповедник, даже если он не способен произнести проповеди, он всё равно не подчинится такому закону, потому что хочет рассказывать тем, кто его окружает, о спасении. Поэтому верующие не могут пообещать властям соблюдать подобные законы, при всём уважении к властям.

Я ещё раз повторяю, что верующие не могут соблюдать закон, который заставляет их отказаться от Евангелия. Поэтому, когда нас привлекают к ответственности за нарушение подобных законов, у нас есть все основания утверждать, что нас судят за веру.

Я знаю, что «*Вестник спасения*» и «*Братский вестник*» не содержат заведомо ложных утверждений. Но я должна заявить суду, что никто не поручал мне передавать журналы и информацию за границу, потому что это опасно. Я делала это по собственной инициативе.

Аида замолчала, собираясь с силами, чтобы сказать заключительные слова. Она хотела, чтобы их запомнили те, кто будет выносить приговор.

— Когда-то люди понимали, что несправедливо запрещать пропаганду веры. Теперь они этого не понимают. Теперь они говорят: «Верь сам и молись, но не смей говорить о Боге другим». Силой заставить своего идеологического противника замолчать — это не идеологическая победа. Это всегда называлось варварством...

Судья прервала её, раздражённая тем, что эта преступница читает проповедь в зале суда:

— Вы не должны говорить о церкви, говорите только о себе.

Аида же продолжала:

— Для христианина есть лишь один путь. Христианин не может не находиться в конфронтации с миром. Познав истину, начинаешь поступать в соответствии с ней и, если необходимо, страдаешь за неё. Я не могу поступать иначе. Я люблю свободу, и мне хотелось бы быть свободной, быть со своей семьёй и друзьями. Но я не хочу идти против своей совести. Что хорошего в свободе, если я не смогу называть Бога своим Отцом? Осознание того, что моя душа и мысли свободны, ободряет меня и придаёт сил. Вот и всё, что я хотела сказать.

Аида села с чистым сердцем и чувством выполненного долга, однако её пламенная речь оставила судью равнодушной. Её аргументы не убедили её.

— О чём вы просите суд? — спросила судья.

— Ни о чём, — с некоторым удивлением ответила Аида.

ЭПИЛОГ

Аида Скрипникова была осуждена на три года лишения свободы, срок на шесть месяцев больше, чем этого требовал прокурор. Из зала суда Аиду вывели два крепких охранника.

Однако тюремное заключение не помешало служению Аиды. Стенограмма суда над ней была тщательно записана на двадцати кусках ткани, вырезанной из простыни, а затем тайно вывезена из Советского Союза. По всему миру верующие читали слова «Аиды из Ленинграда» и молились за свою сестру.

Аида была освобождена из исправительно-трудовой колонии 12 апреля 1971 года. Освобождая её, руководство колонии отметило, что заключение «так ничему её и не научило». Однако на самом деле Аида многому научилась, хотя вовсе не тому, чему хотели научить её власти. После освобождения Аида выучилась, получила степень доктора богословия и ещё глубже

пережила радость и удовольствие, которые получаешь от служения Богу. Аида стала полноправным членом сообщества, которое апостол Павел называл «участием в страданиях Его»...[2]

Сейчас Аида Скрипникова живёт в Санкт-Петербурге. Её вера пережила режим, который ставил целью уничтожить эту веру. В наше время христиане на законном основании могут собираться на молитвенные богослужения и проповедовать Слово Божие. Недавно члены церкви Аиды провели особое богослужение: они отпраздновали 40-ю годовщину служения Богу их церкви и напомнили членам церкви о верности Богу. Особая выставка была посвящена тем, кто претерпел мучения за веру[3].

---

[2] Послание к филиппийцам 3:10.

[3] Дополнительную информацию об Аиде и испытаниях, через которые ей пришлось пройти, читайте в книге Майкла Бордо *«The evidence that convicted Aida Skripnikova»* (Англия: Центр изучения религии и коммунизма, 1972 год); (Американское издание: Elgin, 111: David C. Cook Publishing Company, 1973).

САБИНА:

ВЕРНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Румыния
1945 год

Русские изгнали нацистов из Румынии и теперь пытались контролировать все аспекты деятельности румынского правительства и жизни общества. Они собрали священнослужителей из всех регионов страны на так называемый «конгресс культов». Их целью было заручиться поддержкой духовенства. Однако Сабина считала, что это — попытка контролировать религиозных лидеров и превратить их в марионеток.

Сабина была низкого роста, почти на сорок сантиметров ниже Ричарда, своего мужа. Она страстно любила Христа. Сидя рядом с Ричардом на конгрессе и слушая, как очередной пастор клянётся в верности коммунистам, которые вторглись на её родину, Сабина потянула мужа за рукав.

— Ричард, встань и сотри этот позор с лица Христова! Они плюют Ему прямо в лицо.

Ричард посмотрел на делегатов парламента, присутствующих в зале. Это было настоящее представление. «Полная свобода религии», — таким был девиз коммунистов. Они провозглашали мирное сосуществование Бога и коммунизма — или, скорее, Бога и почётного президента конгресса Иосифа Сталина. «Как легко обмануть мир», — покачал головой Ричард.

Ричард и Сабина сидели среди четырёх тысяч епископов, пасторов, священников, раввинов и мулл, которые заполнили зал и балконы. Мусульмане и евреи, протестанты и православные — представители всех вероисповеданий присутствовали здесь.

Перед началом конгресса даже состоялось богослужение. Коммунистические руководители крестились и целовали икону и руку патриарха. Потом начали произносить речи. Петру Гроза, марионетка Москвы, объявил, что новое румынское правительство полностью поддерживает религию, все вероисповедания и продолжит платить духовенству, как и раньше. Они даже повысят заработную плату! Эту новость приветствовали горячими аплодисментами.

После выступления Грозы с ответными речами выступили священники и пасторы. Один за другим они говорили о том, как они счастливы, что государство поддерживает религию. Поэтому, если церковь может рассчитывать на государство, то и государство может рассчитывать на церковь. Епископ отметил, что за период истории церкви к ней присоединились различные политические цвета, а теперь будет ещё и красный, и он рад этому. Все были рады, и эту «радость» радио транслировало по всему миру прямо из зала конгресса.

— Хорошо, — сказал Ричард жене. — Я выступлю, но в таком случае ты потеряешь мужа.

Сабина знала, что он прав и что другие религиозные руководители говорят так из страха за свои семьи, свою работу, свою заработную плату.

Но она знала и то, что кто-то должен отважиться разоблачить коммунистов, вместо того чтобы им льстить. Глядя прямо в глаза Ричарду, она ответила:

— Я не хочу быть замужем за трусом.

Ричард молча кивнул. Он заполнил карточку с просьбой предоставить ему слово и передал в президиум. Коммунисты

были довольны. Пастор Ричард Вурмбранд, лютеранский священник, хорошо известный в стране, официальный представитель Всемирного Совета церквей, хотел обратиться к конгрессу. Вот это удача!

ЧАС МУЖЕСТВА И ПРАВДЫ

Зал замер в напряжённом молчании, пока Ричард поднимался на подиум. Сабина размышляла, о чём сейчас думает зал, и молилась за своего мужа.

— Я благодарен за возможность собраться и свободно высказаться, — начал свою речь Ричард. — Когда встречаются дети Божьи, ангелы тоже собираются, чтобы услышать мудрость Бога. Поэтому обязанность каждого верующего не восхвалять всуе людей и руководителей, которые приходят и уходят, а славить Бога Творца и Христа Спасителя, Который умер за нас на кресте.

Атмосфера в зале изменилась, и сердце Сабины наполнилось радостью. Наконец внимание будет сосредоточено не на коммунистической пропаганде, а на Христе.

— Мы не позволяем вам говорить! — вскочив на ноги, закричал Бурдуча, министр по делам религии. Не обращая на него внимания, Ричард говорил, призывая своих братьев, руководителей церкви, верить и поклоняться Богу. Аудитория взорвалась аплодисментами. Все хорошо знали, что Ричард был прав, хотя он единственный осмелился сказать то, что следовало сказать.

— Выключите микрофон! — требовал Бурдуча. — Уберите этого человека со сцены. Немедленно!

Ричард замолчал, а толпа начала ритмично скандировать: «*Пасторул! Пасторул!*»[1].

---

[1] «Пастор! Пастор!» — *румын.*

Обращение Ричарда превратило собрание в хаос. Он вышел, прежде чем его успели задержать. Сабина сидела спокойно, наблюдая за происходящим. Она гордилась своим мужем. Гордилась его мужеством и тем, что он решился выступить в защиту Христа. Хотя к её гордости прибавились и переживания, когда она начала думать, какую цену он заплатит за то, что выступил против русских.

...Сабина и Ричард всегда хорошо относились к русским.

Они нередко обсуждали возможность послать румынских миссионеров в Россию проповедовать Евангелие.

— Теперь Бог привёл русских к нам, — сказал Ричард Сабине.

Когда русские впервые появились в Румынии летом 1944 года, Ричард и тридцатилетняя Сабина вышли приветствовать их с цветами и евангелизационными брошюрами. Они были румынскими евреями и во времена фашистского режима потеряли многих родных.

Вся семья Сабины погибла в концлагерях, а Ричарда трижды арестовывали. Обратившись к Христу, Ричард и Сабина посвятили себя проповеди христианской веры и работали со всеми грешниками, независимо от их грехов. В 1944 году они, следуя своим убеждениям, помогали и побеждённым фашистам, и победителям-коммунистам.

Во время фашистской оккупации Ричард и Сабина у себя дома прятали многих евреев. Затем, когда нацисты бежали, они прятали и их. Один из нацистских солдат спросил Сабину, почему она, еврейка, прячет своего врага, нациста. Сабина ответила, что у неё нет врагов и что Бог любит всех грешников.

Поблагодарив, он пообещал посадить её в тюрьму, если нацисты вновь придут к власти.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДЫШКА

Летом 1944 года Сабина и Ричард наслаждались временной религиозной свободой. Бывшего румынского диктатора Иона Антонеску забрали в Москву, а потом привезли в Румынию и расстреляли. Прелаты православной церкви, которые терроризировали евреев и протестантов, утратили своё абсолютное доминирование.

Большинство румын думали, что, наконец, у них появилось демократическое правительство, хотя Сабина знала, что на самом деле это не так.

После конгресса духовенства Ричарда не трогали, но вскоре коммунисты начали проводить регулярные налёты на его церковь во время богослужений. Воскресенье за воскресеньем молодчики врывались в церковь, свистели, насмехались и мешали проводить богослужения.

— Мы должны радоваться, — сказал как-то старший пастор церкви Солхайм. — Лучше громкая аудитория, которая слушает, чем молчаливая, которая только притворяется, что внимательно слушает.

Затем они получили первое предупреждение. Однажды, когда Сабина была в церкви вместе с Ричардом, вошёл человек в гражданской одежде и спросил пастора.

— Инспектор Риосану, — представился. — Вы Вурмбранд? Вы — человек, которого я больше всего ненавижу!

Ричард и Сабина удивлённо переглянулись.

— Чтобы доказать, что я не держу на вас зла, — продолжал он, — я пришёл дать вам совет. Тайная полиция завела на вас дело, у них большая толстая папка материалов. Я видел её. В течение последнего времени кто-то регулярно доносит на вас. Вы разговариваете со многими русскими?

Риосану потёр свои бледные руки.

— Но я подумал, что мы могли бы прийти к соглашению. За определённое вознаграждение я уничтожу эту папку.

К разговору присоединилась Сабина, и они договорились о сумме. Засовывая деньги в карман, Риосану сказал:

— Договорились. Имя информатора...

— Постойте! — остановила его Сабина. — Мы не хотим знать его имени.

Инспектор удивлённо посмотрел на женщину. Сабина снова уверенно покачала головой. Они не хотели знать, кто доносит на них. Если они будут знать, то будут сердиться на этого человека, тогда согрешат.

Ричард и Сабина знали, что за деньги невозможно купить себе безопасность. Всё в руках Божьих. Но, может, удастся выиграть хоть немного времени, чтобы укрепить подпольную церковь.

К концу 1947 году христиан арестовывали всё чаще и чаще, и многие друзья Ричарда и Сабины уже были в тюрьмах. В холодный зимний день Сабина осталась дома. Она болела бронхитом. Вдруг в дверь постучали. Сабина открыла и удивилась. У дверей стояла Вера Яковлевна, русский врач, с которой они едва были знакомы. Врач пришла не лечить Сабину, а что-то ей рассказать. На её лице было видно горе.

Вера была родом с Украины, где очень многих представителей христианского духовенства, мирян (и её тоже) выслали в сибирские лагеря, из которых редко кто возвращался.

— Мы рубили лес: и мужчины, и женщины, — рассказывала Вера. — У всех нас были равные права — мы могли либо умереть от голода, либо замёрзнуть до смерти.

Врач наклонилась и взяла Сабину за руку. На руке Веры Сабина увидела большие белые шрамы. Её руки дрожали.

— Каждый день люди падали на снег от непосильного труда и умирали, — сказала она.

Однажды, когда Вера говорила о Христе с другими заключёнными, её поймали. В качестве наказания её заставили стоять босиком на снегу в течение многих часов. А потом,

поскольку из-за наказания она не выполнила свою норму, охранники избили её.

Большинство заключённых лагеря гибли от нечеловеческих условий и частых пыток, однако Вере удалось выжить. Теперь она пришла к Сабине не просто рассказать о своей трагедии, а засвидетельствовать о верности Господа к заключённым в лагерях. Среди горя и нужды Бог являл Своё могущество.

В Сабины болела голова. Она не могла думать ни о чём, кроме того, что сама может навлечь на себя такие же страдания. «*Что все это значит? Почему она пришла рассказать мне об этом?*» — спрашивала себя Сабина.

Когда Вера поднялась, чтобы идти, Сабина попросила её остаться на ночь или хотя бы до тех пор, пока придёт Ричард, чтобы он тоже мог услышать историю женщины и узнать всё, что происходит с их братьями и сёстрами в России. Но Вера уже стояла у двери. Она ненадолго остановилась и произнесла:

— Моего мужа забрала тайная полиция. Он в тюрьме уже двенадцать лет. Я не знаю, встретимся ли мы на этой земле. — И она ушла.

— Двенадцать лет, — с ужасом повторила Сабина. — Как можно так долго выдержать?!

Преследования коммунистами христиан усиливались, и надо было думать о побеге.

— Ещё не поздно, Сабина, — как-то сказал Ричард, — мы ещё можем уехать. Многие покупают себе выезд из страны.

Сабина не ответила, она знала, что Ричард не хочет ехать так же, как и она. Однако опасность была реальной, и им следует подумать о Михае — своём любимом восьмилетнем сыне, своём единственном сыне.

— Если раньше меня арестовывали нацисты, — продолжал Ричард, — меня выпускали всего за несколько недель. При коммунистах это может длиться годами. Они могут арестовать и тебя, Сабина. А что тогда произойдёт с Михаем?

Слова Ричарда затронули Сабину за живое. Она знала, что, если её и Ричарда арестуют одновременно, Михаю негде будет деваться. Он окажется на улице, и ему придётся просить милостыню. Для матери такие мысли были чрезвычайно болезненными... Однако Сабина продолжала молчать.

Наконец Ричард процитировал слова ангела Лоту:

— «Спасай душу свою. Не оглядывайся назад»[2].

А Сабина ответила:

— Спасать душу, *для чего*?

Она пошла в спальню, принесла Библию и вслух прочитала слова Иисуса:

— «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт ее»[3].

Закрывая потрёпанную Библию, она обратилась к Ричарду:

— Если сейчас ты поедешь, как ты сможешь потом проповедовать это?

На этот раз вопрос об отъезде был решён. Однако через несколько месяцев он станет снова...

ПЕРЕСТАВШИЙ СУЩЕСТВОВАТЬ

В воскресенье, 29 февраля 1945 года, Ричард, выходя из квартиры, бросил жене:

— Сабина, увидимся в церкви!

Придя в церковь минут тридцать спустя, Сабина застала там очень взволнованного пастора Солхайма.

— Ричард ещё не пришёл, — сообщил он. — А у него так много дел в церкви. Он, наверное, вспомнил о какой-то срочной встрече.

— Нет, он сказал, что мы встретимся здесь через полчаса, — испуганно ответила Сабина.

---

[2] Книга Бытие 19:17.

[3] Евангелие от Матфея 16:25.

— А может, он встретил друга, которому срочно нужна была помощь, — пытался утешить себя и Сабину Солхайм. — Он придёт.

Пастор Солхайм проводил богослужение, а Сабина обзванивала друзей. Однако Ричарда нигде не было. Её всё больше охватывал страх.

В тот день Ричард должен был венчать молодую пару.

— Не волнуйся, — подбадривал Сабину пастор Солхайм. — С Ричардом такое бывает. Помнишь, как в летнем лагере он утром пошёл купить газету, а затем в обед позвонил, что вернётся к завтраку?

Эти слова заставили Сабину улыбнуться. Тогда Ричард вспомнил о каком-то срочном деле и вернулся в Бухарест.

— Ты прав, наверное, он так же поступил и сейчас, — задумчиво произнесла она, пытаясь успокоиться.

В маленькой квартирке Вурмбрандов воскресный обед, как правило, был весёлым, на него всегда сходилось много людей. Еды никогда не было много, но христиане собирались в их доме, чтобы поговорить и попеть. Для тех, кто приходил, это было самое запоминающееся время за всю неделю.

В этот раз все сидели тихо, ожидая Ричарда. Но его всё не было. Пастору Солхайму пришлось провести вместо Ричарда и венчание. Сабина обзвонила все больницы и даже обошла пункты скорой помощи, думая, что муж попал в аварию, но нигде не могла найти его. Наконец она призналась себе, что хорошо знает, что нужно делать: надо пойти в Министерство внутренних дел. Конечно же, Ричард арестован.

Так начались часы, недели и годы поисков... оббивание порогов различных заведений... попытки стучать в любые двери, которые только могли открыться.

Сабина вспомнила о Вере, которая на протяжении 12 лет переживала разлуку с мужем. Она подумала о пытках, которые Вере пришлось пережить после того, как она рассказала о Боге другим заключённым. Ричарда, конечно же, можно

обвинить в том же. Сабина вспомнила, как они с Ричардом благодарили Бога, когда в город входили русские солдаты... те самые, которые теперь арестовали её мужа.

В городе распространились слухи о том, что Ричарда, как и многих других, увезли в Москву, но Сабина отказывалась верить, что его больше нет. Каждый вечер она готовила ужин, а затем, ожидая Ричарда у окна, думала: «*Сегодня он вернётся домой. Ричард не сделал ничего плохого. Его скоро освободят. Коммунисты не могут быть хуже нацистов, его всегда отпускали через неделю-две*». Она утешала Михая, когда тот плакал за отцом, и убеждала, что Бог позаботится и о нём, и о всех. Вместе они молились о защите Ричарда и его скорейшем возвращении домой.

Но его всё не было. Сабине каждую ночь снился их с Ричардом разговор, произошедший несколько месяцев назад: «*Когда меня арестовывали раньше, то отпускали через несколько недель. При коммунистах это может длиться годами...*»

На душе у Сабины было очень неспокойно. Их любовь пережила много трудностей, однако на этот раз она не знала, как они с Михаем смогут жить без Ричарда. Через несколько недель пастор Солхайм устроил Сабине встречу с послом Швеции, их бывшим союзником, чтобы попросить его о помощи. Посол Рейтерсверд убедил женщину, что он незамедлительно обратится к министру иностранных дел Анне Паукер.

Паукер ответила:

— Согласно нашим сведениям, пастор Вурмбранд бежал из страны с полным чемоданом денег, доверенных ему для помощи голодающим. Говорят, что он сейчас в Дании.

Затем посол спросил о Ричарде премьер-министра Грозу. Тот лишь повторил слова Паукер и, хитро улыбаясь, добавил:

— Так вы думаете, что он в одной из наших тюрем? Если сможете это доказать, я освобожу его!

Коммунисты были такие самоуверенные. Люди говорили: «Как только в Румынии человек попадает в руки тайной полиции, он тут же перестаёт существовать».

НИТОЧКА НАДЕЖДЫ

Однажды вечером, после нескольких месяцев безрезультатных поисков, Сабина сидела в церкви, когда её попросили подойти к незнакомцу, который ждал у двери. Мужчина был небрит, и от него несло сливовицей. Он хотел поговорить с Сабиной наедине.

— Я встречал вашего мужа, — сообщил он. Сердце Сабины сильно забилось, ведь сейчас она впервые слышала о своём Ричарде с момента его исчезновения. — Я — охранник, не спрашивайте какой тюрьмы, просто знайте, что я — человек, который носит ему еду. Он сказал, что вы мне хорошо заплатите за новости о нём.

— Сколько? — спросила Сабина, не будучи уверенной, действительно ли он обладает какой-либо правдивой информацией. Слишком много лжи она уже выслушала.

— Я рискую своей головой.

Сумма, которую он назвал, была огромной, и он не уступал.

Пастор Солхайм сомневался так же, как и Сабина. Он потребовал:

— Принесите мне несколько слов, написанных рукой Вурмбранда.

Солхайм дал ему плитку шоколада из запасов на случай голода:

— Отнесите это Вурмбранду и принесите от него записку с подписью.

Он проводил охранника и вернулся к Сабине:

— Это всё, что мы можем сделать, — сказал он. — Мы не имеем представления, говорит ли он правду, а денег он хочет немало.

Сабина знала, что пастор Солхайм не хотел, чтобы у неё появилась безосновательная надежда.

Через два дня охранник вернулся. Он снял кепку, покопался под подкладкой и вручил Сабине обёртку от плитки шоколада. Осторожно развернув её, она прочитала: «Моя дорогая жена! Спасибо тебе за твою доброту. Со мной всё в порядке. Ричард».

Сердце Сабины стремительно забилось от радости. Он жив! Это его почерк, чёткий и решительный. В этих строках чувствовалась надежда.

— Он чувствует себя хорошо, — сказал охранник. — Кое-кто не выдерживает одиночных камер. Они не любят свою собственную компанию, — от него веяло бренди. — Он передаёт вам привет.

Сабина согласилась дать охраннику денег, если он будет приносить записки.

— Хорошо, — сказал он. — Но я очень рискую. Некоторые получили за это двенадцать лет.

Он согласился рисковать своей свободой, потому что любил деньги и выпивку, которую за них можно было купить. Однако он уважал Ричарда и иногда давал ему лишний кусок хлеба.

Сабина была благодарна охраннику — он приносил ей записки. Подвыпивший охранник стал её спасительной ниточкой связи с Ричардом. Пока приходилось довольствоваться и этим.

НАКАЗАТЬ СЕМЬЮ ЗАКЛЮЧЁННОГО

Коммунистические законы были суровыми. Жена политического заключённого не имела права получать продовольственные карточки. Карточки предназначались только для «работающих». Жена же политзаключённого не имела права работать. Почему? Потому что она не имела трудовой книжки, а значит, её просто не существовало.

Сабина умоляла представителей власти о помощи:

— Как нам жить? Чем мне кормить ребёнка?

— Это ваша проблема, а не наша, — отвечали ей.

Сабина очень волновалась за Михая. Со времени ареста Ричарда он худел на глазах из-за нехватки пищи. Она знала, что он также скучает по своим братьям и сёстрам, шести детям-сиротам, которых Ричард и Сабина приняли в свою семью во время зверских нацистских чисток евреев в восточной Румынии.

Однако потом, услышав, что русские решили населить беженцами две свои восточные провинции, Бессарабию и Буковину, которые они только что присоединили к СССР, супруги осознавали, что рано или поздно детей у них всё равно заберут и отправят на восток, как и сотни других сирот. Сабина думала, что если им удастся отправить детей в Палестину, где вскоре должно было возникнуть новое государство, Израиль, то с ними всё будет в порядке. Поэтому однажды они, с тяжестью на сердце, посадили детей вместе с другими беженцами на турецкий корабль «*Булбул*». Трудно было с ними расставаться, но отправить их в Палестину было намного лучше, чем ждать и думать о том, что с ними сделают русские.

Шли недели, а о прибытии корабля к месту назначения не было никаких новостей. С каждым днём Сабина волновалась всё больше. Международное сообщество начало поиски корабля от Чёрного моря до восточного Средиземноморья. Однако корабль исчез. Постепенно угасала и надежда. Говорили, что «*Булбул*», скорее всего, наскочил на мину и все, бывшие на борту, утонули.

Боль утраты была ужасной. Ричард и Сабина любили этих детей, как своих собственных. А Михай считал их братьями и сёстрами. Когда Сабина поняла, что сироты погибли, она отказывалась видеться и разговаривать со всеми, кроме своих домашних. Её вера подверглась тяжёлым испытаниям. «*Как Бог мог допустить такое? Как Он мог забрать моих детей?*» — снова и снова спрашивала Сабина.

В душе она знала, что не может обвинять Бога за войну и ненависть людей, из-за которой утонул корабль. Но она

любила этих детей и, потеряв их, не могла залечить раны в своём сердце.

Страдая сама, Сабина пыталась утешить Михая, который горько рыдал при каждом упоминании о детях. Она обнимала его и снова рассказывала ему историю, когда-то рассказанную ей Ричардом.

Пока одного известного раввина не было дома, умерли двое его сыновей. Они оба были красивыми и хорошо знали Закон. Горюющая жена раввина положила их тела в своей спальне и накрыла белым покрывалом. В тот вечер раввин вернулся домой.

— Где мои сыновья? — спросил он. — Я искал их во дворе, но их там нет.

Жена принесла ему стакан воды, чтобы он утолил жажду, а он продолжал спрашивать:

— Где мои сыновья?

— Они недалеко, — ответила жена, подавая ему пищу.

Когда он поел, жена сказала:

— С твоего разрешения, я хочу задать тебе вопрос.

— Спрашивай скорее, прошу.

— Недавно моя подруга доверила мне на хранение два красивых бриллианта, и я берегла их, как свои. Теперь она требует, чтобы я вернула их. Должна ли я их вернуть?

— Что? — удивился раввин. — Ты не хочешь возвращать то, что тебе не принадлежит?

— Нет, — ответила она. — Но я подумала, что лучше их не возвращать, пока я не спрошу тебя.

Затем она завела его в комнату и сняла покрывало с мёртвых тел сыновей.

— Дети мои! Дети мои! — громко рыдал отец. — Дети мои, свет очей моих!

Мать отвернулась и тоже заплакала.

Затем она взяла мужа за руку и сказала:

— Разве ты не учил меня, что мы должны, не колеблясь, возвращать то, что было доверено нам на хранение? Господь дал, Господь взял, да будет благословенно имя Господа!

Эта история приносила Михаю мало утешения, однако он понял, что именно пыталась сказать ему мать, и черпал в её словах силу и мужество. Ему было всего десять лет. Для своего возраста он был высоким мальчиком с ясными умными глазами. В школе ему пришлось пройти тяжёлые испытания, он на собственном опыте почувствовал, что значит быть сыном человека, отвергнутого обществом, сыном «врага народа». Михай обожал своего отца, и Сабине нелегко было объяснить ему, что отца арестовали только за то, что он — пастор.

С каждым днём исчезало всё больше и больше людей.

Однажды многие известные заключённые были освобождены благодаря всеобщей амнистии. Их привезли домой каретами скорой помощи. Они показывали свои шрамы и синяки и рассказывали о том, каким пыткам их подвергали в тюрьме. Когда об этом стало известно властям, их всех снова арестовали.

Сабина пыталась не думать о тех ужасах, которые переживает её муж. Она молилась, чтобы он не сломался и не предал своих друзей. Он обещал, что скорее умрёт, однако кто знает, сколько пыток может выдержать человек. Святой апостол Пётр обещал, что не отречётся от Христа, но трижды отрёкся от Него.

СТУК В ДВЕРЬ

Сабина знала, что, если Ричард умрёт, они снова встретятся в вечной жизни, и это радовало её. Они договорились ждать друг друга у одних из двенадцати ворот рая, у ворот Вениамина. Иисус тоже договорился встретиться со Своими учениками в Галилее, после Своей смерти. И сдержал Своё обещание.

Но сейчас, в пять часов утра, Сабину разбудил стук в дверь...

Прошлым вечером она допоздна работала, помогая церкви и посещая верующих дома. Михай был у друзей в деревне, а одна из подруг Сабины ночевала с ней в её небольшой квартире. Грозный голос разбудил обеих женщин. В утренней тишине он казался особенно громким:

— Сабина Вурмбранд! Открывайте! Мы знаем, что вы дома.

Сабина направилась к двери, опасаясь, что пришедшие ворвутся в её квартиру ещё до того, как она откроет дверь.

— Сабина Вурмбранд? — спросил человек с толстой шеей, когда она открыла дверь. — Мы знаем, что вы здесь прячете оружие. Немедленно покажите, где оно!

Не дав ей возразить, они начали вытаскивать чемоданы, открывать шкафы и выворачивать всё из них на пол. Сбросили книжную полку. Подруга Сабины бросилась поднимать книги.

— Не трогайте! — крикнул один из мужчин. — Одевайтесь!

Двум женщинам пришлось одеваться в присутствии шести мужчин, рыскающих по квартире. Время от времени они переговаривались, продолжая бессмысленные поиски.

— Итак, вы отказываетесь сообщить нам, где прячете оружие? Мы перевернём весь дом вверх дном!

— Единственное оружие, которое есть в этом доме, находится здесь, — произнесла Сабина. Она опустилась на колени и осторожно вытащила из-под сапога одного из солдат Библию.

Офицер закричал:

— Вы пойдёте с нами и дадите показания!

Сабина положила Библию на стол и попросила:

— Дайте нам возможность помолиться, а потом я пойду с вами.

Когда Сабину забирали, подруга вложила ей в руки небольшой пакет — пару носков и белья. Там, куда её вели, это понадобится.

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Когда Сабину выводили из квартиры, один из охранников завязал ей глаза, чтобы она не видела, куда её ведут. Ехали они недолго. Затем Сабину провели через стоянку автомобилей, сняли повязку и затолкали в длинную узкую комнату, где уже было много женщин. Время от времени кого-то вызывали. Женщины сидели молча. «Социально опасные элементы» Румынии ждали, пока назовут их имя, чтобы узнать своё будущее.

Было 23 августа. День освобождения, как называли его коммунисты.

Вечером дали чёрный хлеб и водянистый суп. После ужина, наконец, вызвали Сабину. Ей на глаза снова надели повязку и повезли. На этот раз Сабина оказалась, как она потом узнала, в помещении тайной полиции. Её, вместе с другими женщинами, закрыли в маленькой камере.

ДОПРОС В КОНЦЕ ЛАБИРИНТА

Прошло несколько дней, и Сабину перевели в одиночную камеру. Осмотрев крохотную комнатушку, она быстро поняла, чего в ней не хватало — ведра. За короткое время своего заключения она узнала, что ведро — чрезвычайно нужная вещь. Теперь у неё не было даже ведра.

Сабина часто слышала звук тяжёлых сапог в узком коридоре и каждый раз думала, что идут за ней. Наконец настала её очередь. Дверь камеры с грохотом распахнулась, и надзиратель приказал:

— Лицом к стене!

Опять надели повязку.

— Двигайся! Скорее! Направо. Теперь налево. Ещё раз налево. Скорее!

Когда надзиратель, подталкивая, вёл Сабину лабиринтом, её вдруг охватил страх. Она подумала, что все эти повороты закончатся тем, что её расстреляют, и она, без всякого предупреждения, погибнет, так и не увидев белого света. Она все ещё пыталась справиться со своими чувствами, как вдруг лабиринт закончился, и с неё сняли повязку. Сабина оказалась перед высоким светловолосым офицером, примерно одного с ней возраста.

— Вы осознаете своё преступление против государства, или нет, Сабина Вурмбранд? — Сабина была поражена тем, насколько этот офицер был похож на мужчину, с которым она встречалась когда-то в Париже.

— А сейчас вы подробно напишете об этом, — приказал он, протягивая ей лист бумаги и ручку.

— А что я должна писать? — спросила Сабина. — Я не знаю, почему вы меня сюда привезли.

Он настаивал:

— Напишите о своём преступлении против государства.

Сабина взяла предложенную ей ручку и написала несколько слов о том, что она не знает ни о каком преступлении. Офицер, прочитав написанное, рассердился и отправил её обратно в камеру. Когда за ней закрылась дверь, надзиратель прошипел:

— Теперь сиди здесь, пока не напишешь всё, что сказал лейтенант. Если не напишешь, с тобой будут вести себя по-другому.

«*Как же со мной будут вести себя?* — подумала Сабина. — *Запугивать и издеваться? Унижать? Пытать?*» Она так много слышала о том, как обращаются с христианами в коммунистических тюрьмах, что вполне осознавала, на что они способны. Некоторые бывшие заключённые рассказывали даже о психических пытках, которые использовали, чтобы сломать заключённого и добиться от него «результативных» ответов на свои вопросы. Коммунисты проигрывали записи страшных ужасающих криков и говорили заключённому, что

это крики его или её детей во время пыток. Как мог нормальный отец или мать выдержать такое?

Во время следующего допроса лейтенант спрашивал Сабину о Ричарде.

— Вашего мужа, — сказал он, — обвиняют в антиправительственной деятельности. Его могут расстрелять. Его коллеги дали показания, подтверждающие выдвинутые против него обвинения.

Сердце Сабины замерло. Он, конечно же, врал и наблюдал за её реакцией. Она старалась не выдавать своих чувств. Лейтенант продолжал:

— Может, они просто пытаются спасти себя. Возможно, *они* — контрреволюционеры. Мы не будем знать этого, пока вы нам не расскажете обо всём, что говорили эти люди, когда работали в церкви. Расскажите всё. Помогите нам разоблачить настоящих контрреволюционеров, и вашего мужа завтра освободят.

Однако Сабина не доверяла коммунистам.

— Я ничего не знаю, — ответила, мужественно выдержав на себе взгляд лейтенанта.

В ту ночь, до крови избитая охранниками, она лежала на маленькой узкой кровати, такой короткой, что даже нельзя было разогнуть ноги.

«*Бедный мой Ричард,* — думала Сабина. — *Он такой высокий, его ноги, наверное, свисают с кровати. Что они делают с ним сейчас?*» Были мгновения, когда она готова была сказать что угодно, лишь бы снова быть с ним, быть в безопасности, однако она быстро справлялась со своим отчаянием и принимала решение молчать. Два полярно противоположных желания боролись в её душе. Она хотела, чтобы Ричард выжил, и одновременно — чтобы он не сломался.

С потолка камеры упал кусок белой штукатурки. Сабина подняла его и на своём тёмном одеяле нарисовала большой крест. Затем поблагодарила Бога.

Ей показалось, что Бог услышал её молитву и шёпотом ответил — ей в голову пришло: «семь». Сабина поняла, что она в камере номер семь. Священное число. Число дней Творения.

Она получила такое ободрение! Сабина легла на кровать и заплакала. Тело её оставалось в темноте, но дух вознёсся к свету, который она рисовала в своём воображении, свету, выходящему за пределы тюрьмы. Она погладила крест, нарисованный на одеяле, и, засыпая, прошептала: «Нас распинают как Иисуса Христа».

— Вставай! — рано утром раздался громкий голос рыжеволосого конвоира. Сабина встала и повернулась к стене, как уже привыкла. Ей на глаза надели повязку и снова повели через лабиринт.

На этот раз Сабину больше часа допрашивал Миелу — человек, намного старше её.

— С кем ты спала? Что ты делала с ним? Я хочу знать всё: с кем, как часто — всё.

Истощена физически и эмоционально, Сабина была поражена таким поворотом допроса. Однако ответила спокойно:

— Я не скажу вам того, что вы хотите от меня услышать. Аморальный поступок не помешает человеку стать святым, если Бог того пожелает, — сказала она. — Мария Магдалина была проституткой, но о ней будут вспоминать и тогда, когда о нас уже давно забудут.

Миелу пробурчал что-то неприличное и отправил Сабину обратно в камеру.

«МЕНЯ УЖЕ КУПИЛИ!»

Во время следующего допроса ей показывали фотографии разных людей. Она узнала русскую женщину, которую они тайно окрестили у себя дома.

— Знаешь кого-нибудь из них? — спросил лысый офицер, проводивший допрос. Сабина знала, что произойдёт, если она назовёт хоть одну фамилию. Офицер предложил:

— Расскажи нам то, что мы хотим знать, и мы освободим тебя и твоего мужа.

Искушение было реальным, однако таким же было и желание отдать жизнь за своих братьев.

— Я не узнаю никого, — ответила Сабина. Лысый офицер заподозрил, что она говорит неправду, и предложил ей назвать свою цену.

— Каждая женщина имеет цену. Какая твоя? Свобода? Сан пастора для твоего мужа? Деньги? Называй же!

Сабине надоели его постоянные лживые обещания и наслаждение властью над ней. Он хотел арестовать ещё больше людей, и Сабина не будет в этом участвовать.

— Меня уже купили, — ответила она. — Иисуса пытали, и Он умер за меня. Можете ли вы предложить более высокую плату?

Лицо офицера покрылось красными пятнами. Сабина была уверена, что он ударит её. Однако он только приказал вывести её.

Со временем Сабину перевели в общую камеру. Шли месяцы, наступала зима. Она очень волновалась о Михае. Кто о нём заботится? Может, он живёт на улице? Может, замерзает? Здоров ли он? А может, коммунисты забрали в тюрьму и его? Она потеряла покой, и ежеминутно сотня сомнений бередила её душу.

В ноябре в камеру, где находилась Сабина, зашёл комендант тюрьмы.

— Сейчас мы зачитаем перечень фамилий, — объявил он. — Те, кого назовут, через десять минут с вещами на выход.

Больше никакой информации. Заключённые зашевелились, когда охранник, пришедший с комендантом, начал выкрикивать фамилии. Сабинину тоже.

— Что это значит? — прошептала Сабина женщине, которая собиралась рядом с ней.

— Я думаю, нас или отпустят, или расстреляют, — мрачно ответила та.

«ПОМИЛУЙ ВАС, ГОСПОДИ, ЕСЛИ ВЫ ОКАЖЕТЕСЬ В ДЖИЛАВЕ...»

Однако их не освободили и не расстреляли, по крайней мере, пока. Сабину и других женщин отправили в Джилаву — наиболее жестокую тюрьму Румынии. Сабина вспомнила, как когда-то слышала, что другие заключённые рассказывали об этом ужасном месте. Там была одна камера, ужасы которой нельзя даже описать. «Помилуй вас, Господи, если вы окажетесь в Джилаве в камере номер четыре», — говорили друг другу заключённые.

Охранник, представившийся как сержант Аспро, вёл новоприбывших темными сводчатыми коридорами в подвальное помещение. Наконец они остановились перед огромными стальными дверями с ржавыми решётками снизу доверху.

— Добро пожаловать в камеру номер четыре, — насмешливо произнёс Аспро.

Их привезли утром, но в камере было совсем темно. Единственная лампочка слабо освещала камеру, свисая с потолка. Два яруса деревянных кроватей были расположены вдоль стены. Высоко, в дальнем углу камеры, находилось зарешеченное окно, покрашенное уже много раз.

На новоприбывших смотрела сотня глаз. Сабине, которая задыхалась от недостатка воздуха, дали последнюю кровать, прямо над парашей.

После беспокойной ночи, в пять утра, сон Сабины неожиданно прервал гудок. Пятьдесят женщин мигом выстроились перед небольшим ведром. Позже Сабина узнала, что в четы-

рёх камерах двести женщин-заключённых, а в других — три тысячи мужчин.

Тюрьма Джилава была рассчитана лишь на шестьсот заключённых.

В одиннадцать часов женщины выстроились в очередь за тарелкой супа. Сабина удивилась, как тихо вели себя женщины, пока им раздавали по тарелке супа и кусочку хлеба. Но только котёл забрали, в комнате завязалась драка. Женщины дрались друг с другом за пищу. А через минуту появились охранники и начали их бить, размахивая палками направо и налево. Они перекидали тарелки, и на полу образовались большие лужи супа. Аспро сердито прошипел, что завтра супа не будет.

В камере снова воцарилась тишина — женщины думали о завтрашнем голодном дне. Постепенно завязался тихий разговор.

Одна из заключённых спросила Сабину, за что её посадили.

— Ты выглядишь безобидной, — сказала она. Все головы мгновенно повернулись к Сабине и оценивающе осмотрели новую сокамерницу.

Сабина улыбнулась:

— Я — жена пастора.

Услышав это, некоторые заключённые выругались и отворачивались, а другие заинтересовались.

— В таком случае ты должна знать библейские истории, — сказала заключённая по имени Елена, усаживаясь на полу рядом с Сабиной.

— Да, знаю, — ответила Сабина улыбаясь. — Хотите послушать?

Несколько часов подряд заключённые слушали, а Сабина рассказывала одну историю за другой. В её церкви все знали, что никто не умеет так увлекательно рассказывать, как Сабина. Зачарованно слушая библейские истории, женщины на время забыли о том, что на протяжении следующих 36 часов они останутся голодными. Сабину ободряло то, что заключённые заинтересовались библейскими историями.

Скоро женщина начала понимать, что все слухи о тюрьме Джилава были правдивыми.

Женщины-охранницы покорно выполняли приказы. Если им приказывали побить заключённую, её безжалостно избивали дубинками. Били сильно и беспощадно, без сочувствия и угрызений совести. Били так, как выбивают ковры, которые необходимо очистить от пыли.

«ДАЙ НЕБОЛЬШУЮ НАДЕЖДУ... А ПОТОМ ОТНИМИ ЕЁ!»

— Морковный суп, уважаемые! Скорее сюда!

Однако большинство женщин даже не шевельнулись. Они были слишком слабыми, чтобы стать в очередь за едой. Тогда Сабина не знала этого. Такая голодная диета была частью подготовки к трудовым лагерям. Она исполняла своё предназначение — определяла слабых.

— Это — рабский труд, конечно, — сказала Сабине молодая учительница, — но на канале получаешь 450 граммов хлеба в день и ещё макароны.

Тюрьма полна слухами о новом трудовом лагере на Дунайском канале. Каждому новому заключённому сообщали о грандиозном проекте, который будет стоить миллиарды, хотя большей частью рабочей силы будут заключённые. Канал будет простираться на шестьдесят километров по равнинам южной Румынии и соединит Дунай с Чёрным морем.

— Тем, кто будет работать на канале, можно будет получать из дома всё, что нужно, — сообщил заключённым охранник.

— Даже шоколад? — замечталась Сабина. Теперь, когда о свободе не приходилось даже мечтать, шоколад стал вершиной её желаний.

Ходили слухи, что там даже будут выдавать тёплую одежду и оказывать медицинскую помощь. Но больше всего Сабину

радовало сообщение о том, что членам семьи позволят посещать заключённых и оставаться с ними на целый день!

Надежда вновь увидеть Михая вдохновляла Сабину и добавляла ей сил. Она ни о чём другом не могла уже думать.

— Однако знайте: не все имеют право работать на канале, — предупредила тюремный надзиратель Виорика. — Как недавно сказал мне офицер полиции, в социалистическом обществе работа — это привилегия, а не награда для бандитов.

Это было типично для руководства тюрьмы: дать немного надежды, а затем отнять её. Затем снова предложить, но при определённых условиях.

Шестого января, на двенадцатый день рождения Михая, Сабина узнала, что это за условия.

— У меня есть предложение, — однажды утром обратился к Сабине капитан Захария Ион. — Вместо того чтобы работать на строительстве канала, ты можешь остаться здесь и получить те же привилегии, что и на канале, к тому же тебе не придётся работать. Это — очень привлекательное предложение.

Сабина знала, что за все привилегии в тюрьме нужно уплатить определённую цену, поэтому она молча ждала, пока её объявят.

— Всё, что тебе нужно делать, — это время от времени докладывать мне о других заключённых. Об этом нашем маленьком договоре, конечно же, никто не будет знать.

Ни минуты не колеблясь, Сабина ответила:

— Спасибо, но в Библии можно прочитать о двух предателях. Один из них предал царя Давида, а другой — Иисуса. Оба повесились. Я не хочу такого конца, поэтому не стану информатором.

Мгновенно Ион перестал быть любезным и закричал:

— В таком случае, ты никогда не увидишь свободы.

Сабина думала, что она потеряла даже возможность попасть в трудовой лагерь. Она знала, что её имя было в списке

заключённых, которых отобрали для работы на канале, и скоро их должны были отправить. Она боялась трудового лагеря, однако готова была на всё, чтобы снова увидеть Михая. Только предательницей она стать не могла.

Несколько дней спустя Сабину перевели в Дунайский трудовой лагерь. Очень скоро она и другие заключённые поняли, что их обманули.

КАНАЛ

В своё первое утро в лагере Сабина проснулась от едкой вони крысиного помета. Она услышала, как кто-то советовал её соседке:

— Оставляй для них хлеб на ночь, тогда они не будут кусаться.

Ежедневно вместе с другими заключёнными мужчинами и женщинами Сабина ходила на работу. Они строили набережную. Целыми днями Сабина таскала большие камни на баржу, которая стояла в двухстах метрах. Ей казалось, что от такой тяжести её спина сломается. Ей было даже трудно разогнуться.

В каждой группе заключённых был бригадир, который вместе со своими помощниками проверял, сколько работы выполнили заключённые. Норма была восемь кубических метров в день. Если заключённые выполняли норму, на следующий день её увеличивали. А если не выполняли — их наказывали.

Раньше Сабина даже представить не могла условий, в которых им пришлось жить в лагере. Когда она спросила о привилегиях, обещанных им, над ней только посмеялись.

Для работы на строительстве канала привозили всё больше и больше женщин. Как и Сабине, всем хотелось увидеться со своими семьями, особенно с детьми. Осознавая, какой огромный объём работ по строительству канала придётся выполнить, многие женщины начали терять надежду. Однако

Сабина имела надежду, которая была значительно больше, чем грандиозный проект строительства канала или даже вся тюремная система, и изо всех сил держалась за неё. Вскоре это стали замечать другие заключённые. Им тоже хотелось иметь такую же надежду.

— Сабина, пожалуйста, расскажи нам библейские истории, — просили они после долгого трудового дня.

Сабина знала, как это опасно, знала, что с ней будет, если её поймают. Но она использовала каждую возможность, чтобы рассказать Евангелие своим соседкам по камере. Всё больше и больше заключённых подходили к ней, признавались в своих грехах и спрашивали, могут ли они получить прощение. Сабина уверяла, что могут, и рассказывала им Благую Весть. Она часто вспоминала слова Ричарда: «Ад — это когда ты один сидишь в темноте и вспоминаешь зло, которое совершил». В тюрьме женщины хорошо знали, что такое ад...

Хотя Сабина и откинула предложение стать доносчицей, но от такого отказались далеко на все заключённые. Иногда сокамерники знали, кто были информаторами, но не были до конца уверены. Это была бесконечная дилемма. Заключённая могла сказать Сабине, что хочет больше узнать об Иисусе Христе, но это могло быть только для того, чтобы потом сообщить руководству, что Сабина нарушает запрет, и в таком случае последствия для неё будут страшными. А может, женщина действительно хочет знать о Христе. Сабина не всегда могла определить, чьи просьбы были искренними, а чьи — ловушкой, поэтому чаще всего она говорила с людьми.

Когда на Сабину доносили, её запирали в «карцере» — узком шкафу, где она могла поместиться лишь стоя. Это делали после трудового дня, оставляя её там на всю ночь и выпуская только утром, чтобы она успела на работу. Карцер стал привычным местом для Сабины, пока она работала на строительстве канала.

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Сабина всегда расспрашивала новых заключённых, не слышали ли они о Ричарде. Никто ничего не знал. Но однажды женщина рассказала Сабине о пасторе, который отбывал заключение в Вакарешти. Сама она никогда его не видела, но слышала, как он проповедовал. Его камера была расположена вблизи туалета, и, пока заключённые ждали своей очереди, «тюремный пастор» призывал их верить в Христа и принять Его любовь. Все в тюрьме спрашивали, кто он, однако никто ничего не знал о нём точно. Теперь, услышав о «тюремном пасторе», Сабина была уверена, что это Ричард.

Лицо Сабины осветилось радостью. Её Ричард жив! «Тюремный пастор» — это он! Однако её надежда омрачилась так же быстро, как и появилась.

— Однажды мы услышали, — закончила свой рассказ женщина, — что пастор очень болен. После этого мы слышали его все реже, и, наконец, пролетел слух, что он умер. Мне очень жаль...

На глаза Сабины накатились слезы, она не хотела больше разговаривать. Женщина обратилась со своим горем к Богу. Она молилась, чтобы Бог продлил жизнь Своего верного слуги Ричарда, если он ещё жив. Она молилась также за Михая, боялась, что его тоже могут арестовать и отправить на строительство канала. Однажды её сердце облилось кровью, когда она увидела, как на строительстве канала работает мальчик такого же возраста, как её Михай. И хотя она почувствовала незначительное облегчение, увидев, что это не Михай, всё же ей так жалко было этого ребёнка и его маму, где бы она ни была. Сабина молилась за него.

Наконец появилась надежда. В воскресенье — день свиданий! Сабина не верила своим ушам. Увидеть Михая снова — какое счастье! Когда наступило воскресенье, подруги Сабины дали ей платье — её одежда была рваной, она превратилась

в клочья. Женщина с нетерпением ждала, считала минуты, когда сможет снова обнять своего сына. Однако, когда заключённых собрали в комнате для свиданий, их предупредили, что они должны стоять по другую сторону комнаты от посетителей и говорить можно будет лишь пятнадцать минут.

А потом она увидела сына и всем своим материнским сердцем обняла его. Её глаза, полные слез, светились любовью, которая через всю комнату согревала его. Какой он был худой, серьёзный! Над чувствами матери и сына время не властно. Оба едва могли говорить. И, конечно же, ничего личного сказать было нельзя. Когда время истекло, Сабина сказала на всю комнату:

— Михай! О, Михай! Веруй в Иисуса всем своим сердцем!

Это был наилучший совет, который она могла дать сыну.

Голос Сабины прервал грубый толчок надзирателя. Потом её забрала охрана. В бараке заключённые окружили её, интересуясь, что сказал Михай, как он выглядел. Сабина только качала головой. На протяжении многих часов, переполненная чувствами, она не могла говорить, и все думала о своём дорогом сыночке.

Часто случалось, что заключённые целый день ждали кого-то из родных, однако никто не приходил. И тогда они лежали, рыдая, на своих соломенных матрасах, а Сабина сидела рядом и молилась за них.

Наступила зима. Сабине и другим заключённым стало ещё хуже. Они продолжали работать на замёрзшем Дунае, нагружая на баржу тяжёлые камни. Зимой работать было ещё труднее, потому что камень нельзя было бросить на баржу, не забрызгавшись холодной водой. Через несколько минут после начала рабочего дня Сабина уже была мокрая с ног до головы. Затем её одежда промерзала и покрывалась коркой льда — твёрдой, как железо. Её пальцы, потрескавшиеся и распухшие от тяжёлой работы, немели от холода и чувствовали боль только тогда, когда на них падал тяжёлый камень.

Вечером, возвращаясь в барак, Сабина брала мокрую одежду с собой в кровать. Сушить её было негде, а если где-то повесить, то её обязательно украдут. Обычно Сабина клала своё мокрое платье под голову вместо подушки, а утром, всё ещё влажное, одевала. По дороге на работу платье немного подсыхало, чтобы снова намокнуть. Сабина стала худой, как тростинка, и, казалось, холодный ветер продувал её насквозь.

«К РАБОТЕ ПРИГОДНА!»

Со временем Сабина получила новое задание — нагружать камни на тележки. Другие женщины толкали их к баржам, стоящим на причале у берега Дуная. От работы суставы её пальцев были ободранными, ногти поломались и кровоточили. Она даже не чувствовала боли.

Однажды утром Сабина проснулась от звука капели. Наступила весна. С её наступлением замёрзлая, как камень, земля превратилась в грязь.

Охранники, которые сопровождали заключённых на работу и обратно, были единственными мужчинами, которых видели женщины, и некоторые из них обменивались по их поводу грубыми шутками.

Ани, сварливая низкорослая проститутка, и её подруга Зинаида обычно говорили о конвоирах разные неприличия.

— У этого Питера руки, как у гориллы, — как-то сказала Зинаида тихо, чтобы не услышали мужчины. — А посмотри на волосы у него на руках! Я уверена, он покрыт ими от головы до пят. Вот если бы можно было увидеть!

— О, здесь есть женщины, которые видели, — отметила Ани, хохоча во весь рот, полон золотых зубов. Некоторые женщины тоже засмеялись.

— У-у-х! — простонала Зинаида, делая вид, что ей страшно. — Хотя я не могу себе представить, что привлекательного

они находят в нас. Вы можете себе представить более неинтересных и неженственных женщин, чем мы?

Все засмеялись. Опять зазвучали непристойные комментарии. Сабина смотрела прямо перед собой, стараясь не обращать внимания.

— Нашей маленькой святоше не по душе наши неприличные разговоры, — отметила Ани. — Она, видимо, считает нас чудовищами.

Сабина молчала, но это ещё больше раздражало Ани. Сегодня она, чья пустая болтовня обычно была грубой, но не злобной, сыграла с ней более жестокую шутку, чем сама того хотела.

В конце рабочего дня женщины, как всегда, выстроились, уставшие и истощённые, чтобы идти по грязной тропинке вдоль Дуная. Охранник Питер подтолкнул локтем своего компаньона, тупого вида молодого человека с плоским носом, а тот подставил ногу Сабине, когда она проходила мимо. Женщина полетела в скользкую грязь.

Другой охранник расхохотался.

Питер нагнулся и силой поднял Сабину. Она с ног до головы была измазана грязью.

— Всё, что тебе сейчас нужно, дорогуша, это баня, — проворчал он.

— Бросьте её в Дунай, — раздался женский голос.

Сабина вырывалась, когда Питер схватил её, но другой охранник подбежал к нему на помощь. Питер держал её за руки, а другой охранник — за ноги. Они раскачали её и бросили в реку.

Сабина упала на острые камни на мелководье, и у неё перехватило дыхание. Падение оглушило женщину, но она всё ещё была в сознании, когда её тело погрузилось в ледяную воду и волны начали бить его о скалы. С берега послышались крики, но она ничего не понимала. Каждый раз, когда она пыталась подняться на ноги, поток воды сбивал её. Все попытки были тщетными. Сабина ничего не могла поделать.

Вдруг две сильные руки подхватили её и вытащили на берег. Её посадили и похлопали по спине. Она чувствовала себя разбитой, истощённой и задыхалась от острой боли в боку. Голова закружилась, а в ушах стоял звон.

Сабина думала: «Неужели это — живая вода, текущая в раю?» Но потом открыла глаза и увидела берег, грязь, охрану, худых измождённых женщин и поняла, что она ещё на грешной земле, а не в раю.

— С тобой всё в порядке. Вставай! — громко сказала какая-то женщина, строго глядя на Сабину. А потом немного мягче: — Двигайся, иначе замёрзнешь.

Пинками Сабину заставили подняться. Она дрожала больше от шока, чем от холода. Женщина держалась за грудь, потому что боль в боку усиливалась с каждой минутой.

Когда заключённые, наконец, добрались до барака, Сабина осмотрела свои раны. Её бок был весь в синяках и ссадинах, кожа на руках и ногах сильно содрана. Когда она попыталась поднять руки, боль стала такой сильной, что у неё перехватило дыхание. Ей удалось доползти до своей кровати. Она попыталась заснуть, но всю ночь крутилась, стараясь найти удобное положение для своего израненного тела, но не находила.

На следующее утро Сабина обратилась к лагерному «врачу», злобной женщине по фамилии Крезеауну. У Сабины на боку был огромный фиолетово-жёлтый синяк, по форме напоминающий Африканский континент, и она не могла поднять руки выше талии.

— К работе пригодна, — констатировала Крезеауну.

Сабина хотела запротестовать, но передумала, ведь её накажут ещё больше, а возможно, даже посадят в карцер. Она подошла к группе женщин, которые ждали отправки на работу, но, согнувшись от боли, стала в стороне.

— Что с тобой? — крикнула надзирательница.

Сабина ответила:

— Я не могу сегодня работать. Мне кажется, у меня сломаны ребра, мне очень больно.

Надзирательница, казалось, собиралась дать ей передышку, но Питер схватил Сабину за руку и дёрнул так, что она закричала от боли.

— С ней то, что вчера она не выполнила норму. Иди, с тобой всё в порядке, — он опять дёрнул её, повернул и ударил в спину своим огромным сапогом. Женщина буквально влетела в толпу заключённых.

Сабина работала в тот день и все последующие дни, а вскоре врачи подтвердили, что у неё таки были сломаны два ребра.

ДИАНА И ФЛОРИЯ

Наконец в лагерь, навеивающий печаль и безысходность, пришло лето, и Сабина снова почувствовала, что к ней возвращается надежда. В лагерь прибыли две новые девушки, и их поселили в барак, где жила Сабина. Некоторые из уличных женщин знали их, но не хотели с ними разговаривать. Девушки заняли кровати в дальнем углу барака.

Позже Сабина узнала, что они сестры, Диана и Флория. Девушки были смуглые, с тихими голосами и хорошими манерами.

— Они — проститутки, — говорили те, кто их знал. Они были задержаны вместе с другими и приговорены к «административному» наказанию — исправительным работам на строительстве канала.

Сестёр окружала аура печали и тайны. Никто не мог ничего узнать об их прошлом, хотя многие и пытались сунуть свой нос и выпытать девушек.

Сестры работали как рабы, мало разговаривали, и их жизнь могла бы навсегда остаться для всех тайной, если бы

однажды Диана не услышала, как надзиратель назвал Сабину по фамилии.

Диана сразу же бросилась к ней.

— Вы знаете Ричарда Вурмбранда? — спросила она.

— Я — его жена, — ответила Сабина.

— Ой! — вздохнула она. — Что вы можете подумать обо мне?..

— Ты о чём? — удивилась Сабина.

— Мой отец — профессиональный проповедник, — сказала Диана дрожащим голосом. — Он часто читал нам книги Ричарда Вурмбранда. Он называл их «духовной пищей». Отца забрали в тюрьму за веру, у него остались больная жена и шестеро детей, Флория и я — старшие. Когда отца посадили, нас выгнали с фабрики, где мы работали. Семья голодала.

Сабина ласково погладила девушку по плечу, а та продолжала свой рассказ:

— Однажды молодой человек пригласил меня на свидание. Мы пошли в кино, потом вместе пообедали. Он сказал мне, что может достать мне разрешение на работу. А потом...

Диана склонила голову и смахнула с глаз покатившуюся слезу:

— Мы выпили вина, слишком много выпили, а потом он... соблазнил меня...

Вскоре всё повторилось, но на этот раз о разрешении на работу речь уже не шла. Но он дал ей денег. Зная, как матери нужны деньги, Диана взяла их.

Через неделю молодой человек познакомил её со своим другом и оставил их наедине. Когда парень попытался заняться с ней любовью, Диана рассердилась. Но он тоже предложил ей денег, которые были так нужны, и Диана неохотно уступила.

Вскоре у Дианы появились постоянные «клиенты». Она отвергла стыд и привыкла к такой жизни, со временем она даже начала отдавать ей предпочтение перед тяжёлой работой на фабрике.

История Дианы глубоко поразила Сабину, но она чувствовала, что девушка что-то скрывает. Вдруг Диана замолчала и пристально посмотрела на Сабину.

— Я думала, вы почувствуете отвращение ко мне, — сказала она. — Разве вам не противно, что девушка, воспитанная в христианском доме, стала... проституткой?

Сабина мягко ответила:

— Ты не шлюха, ты — заключённая. Никто не бывает проституткой или святым, поваром или столяром всё время. То, что ты делаешь, — это всего лишь часть твоей жизни. Всё может измениться в любой момент. Я верю, что ты изменилась, рассказав мне свою историю.

Слова Сабины немного утешили Диану, однако очевидно было, что что-то всё ещё очень тяготит её. Она сидела на узкой кровати в мрачном бараке, сложа руки между колен. По её лицу было видно, как она расстроена и какой виновной себя чувствует.

— Если бы это касалось только меня, — сказала девушка после длительного молчания, — всё было бы не так плохо. Но я заставила делать то же самое и свою сестру. Мой друг предложил это. Он сказал, что несправедливо, что я одна несу ответственность за свою семью. Тогда я познакомила его с Флорой и позволила ему пойти с ней.

Вскоре и Флория занялась проституцией. Свою тайну сёстрам труднее всего было скрывать от пятнадцатилетнего брата, который обожал их обоих. Как и отец, он был очень набожен и чувствителен, но совершенно не знал жизни.

— Мы знали, что если он узнает, — сказала Диана, грустно качая головой, — он не сможет пережить этого. Поэтому старались скрывать от него происходящее.

Однако новый образ жизни сестёр (их ночные поездки и признаки того, что в семье вдруг появились деньги) вызвал подозрение у соседей. Вскоре кто-то узнал, что происходит, и рассказал мальчику.

— Он был настолько поражён, что потерял рассудок, — продолжала свой рассказ Диана, — и оказался в больнице для умалишённых.

А потом освободили отца. Узнав, что случилось с его дочерями, он сказал:

— Я молю Бога только об одном, чтобы Он отправил меня обратно в тюрьму, чтобы мне не видеть, что происходит в моей семье.

По лицу Дианы катились слезы.

— Так и произошло, — завершила свой рассказ Диана. — Он начал учить детей Евангелию, и вскоре его снова забрала полиция. Тот, кто донёс на него, позже сказал мне, что сделал это для того, чтобы убрать отца с дороги, поскольку он мешал нашему «бизнесу». Это был тот самый человек, который первым соблазнил меня.

Сабина, растроганная такой трагической историей, обняла Диану.

— Тебе стыдно за то, что ты натворила, так и должно быть, — сказала она. — В мире страданий, где даже Бога распяли на кресте, ты, христианка, носящая Его имя, не имеешь права осквернить Его. Но чувство боли и вины, которое ты испытываешь, приведёт тебя к очищению и новой праведности. Помни, на Голгофе солдаты не только прокололи бок Христа, но раскрыли его для того, чтобы грешники, такие как мы с тобой, могли легко дойти до Его сердца и найти прощение.

Диана подумала над её словами и ответила:

— Стыд и страдания — да, я их испытала. Но есть ещё что-то, в чём я хочу признаться. Я не всегда ненавидела то, что делала. И сейчас мне в голову лезут дурные мысли. Я не могу от них избавиться.

Ежедневно Сабина молилась о Диане, которая страдала от угрызений совести, и, наконец, бедная девушка смогла избавиться от чувства вины. Сабина продолжала думать о том, как грешили Диана и её сестра, чтобы получить хлеб для

своих родных. Она пришла к выводу, что больше, наверное, грешили те христиане, которые находились на свободе и не позаботились, чтобы помочь семье не потерять достоинство и не пасть.

«В ТВОИХ ГЛАЗАХ Я ВИЖУ СЕБЯ...»

Несколько недель спустя Сабину привели к заместителю начальника лагеря — краснощёкой женщине с крепкими мускулистыми руками и большими красивыми зубами. Её громоздкие формы мешали ей двигаться, казалось, будто она носит на себе рыцарские доспехи.

— Ты проповедуешь заключённым о Боге. Это надо немедленно прекратить, — строго предупредила она.

— Извините, но ничто не может помешать этому, — ответила Сабина.

Разозлившись, женщина подняла было руку, чтобы ударить Сабину, но посмотрела на неё и вдруг остановилась.

— Почему ты улыбаешься? — спросила она. Её лицо покрылось красными пятнами.

Сабина ответила:

— Я улыбаюсь тому, что вижу в ваших глазах.

— И что это? — заинтересовалась она.

— Я вижу в них себя, — ответила Сабина. — Когда люди подходят близко друг к другу, они видят себя в глазах стоящего напротив. В ваших глазах я вижу себя. Я тоже когда-то была импульсивной. Я злилась и била других резкими словами и эгоистичными мыслями — до тех пор, пока не узнала, что такое настоящая любовь. Когда ты способен любить, то можешь пожертвовать собой ради истины. С тех пор, как я получила этот урок, я не сжимаю кулаки.

Офицера поразила смелость Сабины. Она не знала, что ответить на её слова, а Сабина продолжала:

— Если вы посмотрите в мои глаза, то увидите себя такой, какой вас создал Бог.

Заместительница начальника остолбенела. Она смогла лишь тихо произнести:

— Иди.

А Сабина продолжала свидетельствовать заключённым о Христе.

СВОБОДА

А потом, неожиданно, Сабину освободили. Она пыталась вслух прочитать документ, подтверждающий её освобождение: «Свидетельство об освобождении». Но дальше прочитать не смогла, поскольку солнце село и было слишком темно. Её затолкали в грузовик и вывезли из лагеря. Не доезжая до пригорода Бухареста, грузовик остановился, и её высадили.

Сабина долго брела пригородом с грязным, вонючим свёртком в руках. Впервые за последние три года она видела людей, которые спешили домой с работы, что-то покупали вместе с семьями и жили такой же повседневной жизнью, которой до заключения жила и она.

Сабина спешила, ей хотелось быстрее добраться домой. «*Есть ли у меня дом?...*» — думала она.

Она размышляла о том, сколько перемен произойдёт в её жизни. Она не знала, что случилось с её родственниками и друзьями. Михаю уже четырнадцать лет. Изменился ли он за эти годы? Она желала поскорее узнать всё это, и одновременно боялась.

Сабина прошла мимо улицы Победы, грустно вспоминая полицейский участок, где её впервые допрашивали. Ничего не изменилось. Гигантские портреты четырёх человек, которых коммунисты называли гениями, — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — так же смотрели на людей, шедших по улицам.

Наконец, она добралась до знакомого дома и поднялась по лестнице. Постучала в дверь, надеясь, что здесь тоже ничего не изменилось. Она чуть не подскочила от радости, когда дверь открыла подруга.

— Сабина! — воскликнула она и, мгновенно очнувшись, прижала руку ко рту и отступила назад, чтобы лучше разглядеть подругу. — Неужели это ты?

Женщины обнялись и расплакались. А потом в комнату вошёл Михай. Сабина думала, что у неё разорвётся сердце, когда она увидела его. Он был бледен, ещё больше вырос с тех пор, как приезжал к ней в лагерь, и был таким худым. Она заметила, что он уже юноша. Они обнялись, по её лицу текли слезы. Михай отклонился и нежно вытер их кончиками пальцев.

— Не плачь так, мама, — попросил он.

Сабина была так счастлива снова обнимать своего сына. Она подумала, что если сейчас перестанет плакать, то не будет плакать больше никогда.

НУЖНО ЛИШЬ ОДНО СЛОВО

В те первые несколько дней после освобождения Сабина будто воскресла из мёртвых. Она так радовалась свободе! Однако реалии жизни вновь напомнили о себе. Хоть она и была на свободе, однако всё ещё оставалась отверженной. Теперь она не только была женой заключённого, но и сама — бывшая заключённая.

Не имея продовольственной карточки, она даже не могла купить себе хлеба. А получить карточку оказалось невозможным. Однажды утром она 4 часа провела в очереди в правительственном учреждении, а когда подошла к маленькому окошку, девушка спросила:

— Где ваша трудовая книжка? Без неё вы не получите продовольственной карточки.

— Но я — бывшая заключённая. У меня нет трудовой книжки, — попыталась объяснить Сабина.

— Ничем не могу вам помочь. Нет трудовой книжки — нет и продовольственной карточки, — отрезала девушка, глядя уже на следующего в очереди. — Следующий!

И снова Сабина и Михай выживали только благодаря милосердию других людей.

Жилье Вурмбрандов и всё их имущество конфисковали. К счастью, в том доме, где когда-то была их квартира, теперь жили их друзья, и они пригласили Сабину и Михая пожить в крошечных комнатках своего жилища. Их мебель была шаткой, пружины в старых кроватях сломаны, не было ни воды, ни ванны. Однако Сабина была благодарна и за то, что она снова вместе с сыном, и она решила получше обустроить своё новое жилье.

Однажды утром, через несколько месяцев после освобождения Сабины, служащий Министерства внутренних дел постучал в дверь квартиры, где они жили. Это был толстый человек с раскатистым голосом и темными волосами, разделёнными на прямой пробор. Его портфель был так набит бумагами, что, казалось, вот-вот отвалится замок.

Мужчина начал кричать, что Сабина — плохая мать, что она не заботится о своём сыне. Сабина сидела молча, глядя на него. Она знала, что будет дальше.

— Какой смысл, — наконец подвёл итог чиновник, — держаться за мужа-контрреволюционера, которого вы больше никогда не увидите? Здравый смысл подсказывает, что такая интеллигентная молодая женщина, как вы, должна развестись с врагом государства. Если вы не сделаете этого добровольно, это всё равно придётся сделать. Как долго можно так слепо и глупо не подчиняться государству?

Мужчина то запугивал, то уговаривал её, рисуя ужасающие перспективы будущего Сабины.

— Любовь? — смеялся он. — *Любовь?* Это всё глупости. Любви нет. Всё, что вам нужно, — это новый человек,

новый отец для ребёнка. Не должно быть любви к контрреволюционеру.

Сердясь на такие слова, Сабина думала: «*Как ты смеешь все это говорить мне? Я вышла замуж не для того, чтобы быть с Ричардом лишь в счастье. Мы соединены навсегда, и, что бы ни случилось, я не расстанусь с ним*».

Чиновник настаивал и уговаривал её ещё с полчаса. За всё это время Сабина не обмолвилась и словом. Она вспомнила старую пословицу: даже Бог не может противоречить тому, кто молчит.

Наконец он ушёл, качая своей большой головой.

— Рано или поздно вы придёте к нам, — пригрозил он, хлопнув дверью. — Все приходят.

После этого неприятного посещения у Сабины снова появилась надежда: «*Если коммунисты так хотят, чтобы я подала на развод, значит, Ричард жив!*»

Сабина слышала, как толстяк спускался по лестнице. «*Идёт к следующей жертве,* — подумала она, — *где ему может повезти больше*».

Власти изо всех сил пытались заставить жён заключённых подать на развод — ведь, во-первых, известие об измене той, кто обещала поддерживать его, что бы ни случилось, ломала волю узника и желание сопротивляться, а иногда даже жить. Во-вторых, развод помогал привлечь жён к коммунистическому образу жизни. Как только женщина получала развод, она стремилась забыть своего мужа и чувство вины, которое не давало ей покоя, а самый лёгкий путь к этому — следовать политике партии. Сабина знала десятки женщин, которые, как попугаи, повторяли коммунистические лозунги, насмехаясь над политическими заключёнными, над теми, кого когда-то любили и кому родили детей. В-третьих, дети, лишённые родительской опеки, находились под опекой государства, и государство имело возможность с раннего возраста внушать им то, что считало нужным.

Для того чтобы всё это произошло, нужно было одно лишь слово. Если жена соглашалась на развод, чиновники делали все остальное. А через несколько дней мужу говорили перед его сокамерниками: «Твоя жена подала на развод с тобой». И человек думал: «Кому я теперь нужен? Я — дурак, не подписываю то, что они хотят, чтобы я подписал, чтобы меня освободили». Впрочем, даже если человек и подписывал то, что от него требовали, его всё равно держали в тюрьме ещё много лет. А тем временем жена выходила замуж второй раз, и от нового мужа у неё уже были дети. Таким образом разрушали семьи и жизни.

Сабина поддерживала женщин, чьи мужья были в тюрьмах, предупреждала и готовила к встречам с чиновниками, призывала их поддерживать своих мужей и любить их в таком положении, в котором они сейчас находятся. Она советовала женщинам вспоминать счастливые мгновения своей семейной жизни и таким образом противостоять соблазнам.

Однако, к большому сожалению, слишком часто ей это не удавалось. Давление на жён заключённых было чрезвычайно сильным.

ЕЩЁ ОДИН СОБЛАЗН

А потом пришло время, когда Сабине, которой тогда уже исполнилось сорок, пришлось самой бороться с таким соблазном. Его звали Пауль. Она знала, что он влюблён в неё. Он вошёл в жизнь Сабины, когда уже на протяжении многих месяцев не было никаких вестей о Ричарде, и она начала задумываться над тем, что годы идут. Она даже сомневалась, жив ли он. К ней неоднократно приходили люди и говорили, что сидели в тюрьме вместе с Ричардом Вурмбрандом и что он умер. Правда это или очередной обман коммунистов?

Когда Сабина думала о Пауле, ей трудно было прислушиваться к собственным мудрым словам, которые она так ча-

сто говорила другим. Пауль был добрым и нежным, таким же евреем-христианином, как и она сама. Он жил в одной комнате со своими престарелыми родителями и иногда водил Михая в кино и помогал ему с учёбой. Сабина часто думала: «*Вот мужчина, с которым женщина может жить в любви и доверии*».

Иногда, когда они разговаривали, Пауль брал её за руку, и Сабине не хотелось, чтобы он отпускал её. Их отношения никогда не были такими, которые бы церковь или закон назвали прелюбодеянием. И все же Сабина знала, что это нехорошо. Однажды пастор Сабины подошёл к ней после богослужения.

— Сабина, ты знаешь, как я люблю и ценю тебя, — сказал он. — И моё отношение к тебе не изменится, что бы ни случилось. Я знаю и тебя, и Ричарда уже много лет. Я надеюсь, что ты знаешь: грешишь ли ты или нет, теряешь веру или укрепляешься в ней — я всё равно буду одинаково любить тебя и заботиться о тебе, потому что знаю, кто ты, а не только, что ты делаешь.

Пастор говорил так трогательно и искренне, как никогда ранее. Затем он замолчал, будто собираясь силами, чтобы поставить самый сложный вопрос.

— Прости, что спрашиваю, — сказал он, глядя Сабине прямо в глаза. — Что происходит между тобой и Паулем?

Сабина молчала.

Он продолжал:

— Не думай, что в моей жизни тоже не было таких испытаний. Но, прошу, Сабина, ответь на мой вопрос.

— Он полюбил меня, — ответила Сабина, опустив голову.

— А ты любишь его?

— Не знаю, — ответила женщина. — Возможно.

Пастор продолжал:

— Я помню, что говорил Ричард: «Ни одна страсть не устоит перед разумом. Если ты не спешишь, если дашь себе время на размышления, то увидишь всё зло, которое можешь причинить своему мужу или жене и своим детям». А теперь я хочу,

чтобы ты приняла трудное решение, Сабина. Сама. Не встречайся больше с этим человеком.

Пастор прав — это решение действительно было «трудным». Сабине хотелось контролировать свои чувства, ей хотелось сказать, что она ничего не испытывает к Паулю, но она была женщиной и матерью. Она знала, что Пауль был бы хорошим мужем, надёжным спутником жизни, с ним она бы лишилась постоянного чувства одиночества. Он был бы хорошим отцом для Михая. Искушение было сильнее Сабины, особенно когда друзья говорили ей: «Твой муж умер. Твоя жизнь была трудной. Позволь этому человеку заботиться о тебе. Он — хороший христианин и любит тебя».

И только у пастора хватило смелости и преданности их дружбе, чтобы сказать ей то, что следует. Сабина знала, что он прав. Она также знала, что дьявол хочет уничтожить её веру. Ей пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы сказать Паулю, что они больше не должны встречаться, и снова самоотверженно ждать своего Ричарда.

СТРОКИ НА ОТКРЫТКЕ

Через несколько недель после этого события Сабина мыла пол в церкви, когда в дверях появилась её подруга Мариэтта, размахивая почтовой открыткой.

По её щекам катились слезы:

— Я думаю, Сабина... Мне кажется, что это от...

Она не могла говорить и, задыхаясь, опустилась на влажный пол рядом с Сабиной.

Сабина взяла у неё из рук открытку. На обороте было написано: «Василий Георгеску». Но ошибиться она не могла — это действительно был почерк Ричарда — большой, неровный и красивый. На глаза Сабины также накатились слезы. Она прижала открытку к сердцу.

Женщина знала, что политические заключённые могли написать лишь несколько строк, если им позволяли написать — и то под строгой цензурой. Что мог сказать Ричард после стольких лет заключения, ведь он даже не знал, живы ли его жена и сын. Затаив дыхание, Сабина начала читать. Теперь слезы струились у неё из глаз.

«Время и расстояние убивают маленькую любовь, а большая любовь становится только крепче», — писал он. А потом просил её прийти к нему в указанный день в тюремную больницу в Тыргу-Окна. Открытка Ричарда была лучшей новостью для Сабины.

Она очень страдала, ведь знала, что не сможет поехать. Еженедельно ей нужно было отмечаться в полицейском участке в Бухаресте: ей постоянно отказывали в отмене запрета на выезд из города. Поэтому она не будет в больнице в назначенный день и не увидит своего любимого мужа. Но она была рада, что Михай сможет поехать вместо неё.

Город Тыргу-Окна расположен в северной части Румынии, с другой стороны Карпатских гор. Поезд из Бухареста преодолевает несколько сотен километров по горам, пока доберётся до этого маленького городка. Сабина договорилась, что её подруга, которую они называли «тетей Алисой», поедет с Михаем, хотя только сыну будет разрешено увидеться с Ричардом.

Сабина осталась и с нетерпением ждала их возвращения. Михая и тёти Алисы не было два дня. Всё это время Сабина волновалась, сотни мыслей роились у неё в голове: действительно ли Михай увидит своего отца? Позволят ли Ричарду взять тёплую одежду и еду, которые она передала? Он, наверное, очень болен, если находится в тюремной больнице. Сможет ли он встать? Сможет ли поговорить с Михаем? Как будет вести себя Михай, ведь все эти годы он не видел отца? Расстроится ли он, увидев отца в таком состоянии?

Они вернулись домой поздно вечером. Сабина услышала, как они поднимаются по лестнице. Ещё не дойдя до двери, Алиса воскликнула:

— Мы видели его! Мы видели его! Он жив! С ним всё в порядке!

Был декабрь. На них была заснеженная одежда.

— Михай! — Сабина обняла сына, прижалась щекой к его холодному, в изморози пальто.

— Мама! Отец чувствует себя хорошо. Он сказал, чтобы я передал тебе, что он знает, что скоро к нам вернётся. Если Бог мог сделать одно чудо и позволить ему увидеть меня, то Он может сделать и другое и снова воссоединить нас.

Все заплакали.

— В течение нескольких часов нам пришлось ждать под снегом, — рассказывала Алиса. — Нас пропустили в центральные ворота, а потом мы стояли за оградой, далеко от здания больницы. Заключённые должны проходить большие расстояния по двору, чтобы дойти до железного сарая на встречу с теми, кто пришёл на свидание. На них было страшно смотреть. Просто жутко! На белом снегу виднелись их тёмные, закутанные в тряпье тени. Они были похожи на серые призраки! Среди них я увидела Ричарда! Его нельзя было не заметить, ведь он такой высокий. Я махала ему как сумасшедшая, но он не замечал меня в толпе. Мы все стояли и махали. Я видела его, но только Михаю позволили поговорить с ним.

— В таких условиях мы немного могли сказать друг другу, — рассказал матери Михай. — Однако последними словами отца были: «Михай, единственный подарок, который я, твой отец, могу дать тебе, — вот этот совет: «Всегда стремись к высочайшей христианской ценности — твёрдо придерживайся библейских принципов во всём».

Сабина прочла открытку, написанную ей Ричардом, и с любовью положила её между страниц своей Библии. Время от времени она вынимала её и снова перечитывала. Позже Ричард рассказывал ей, что в тюремной больнице он научился вкладывать огромный смысл в маленькие письма, которые позволяли

писать заключённым. Другие заключённые приходили к нему с просьбой помочь им написать десять разрешённых строк.

Они также зачитывали друг другу слова, написанные им Ричардом, поэтому их знали все заключённые. Таким образом, десятки заключённых начинали свои письма его словами: «Время и расстояние убивают маленькую любовь, а большая любовь становится только крепче». Эти слова надежды и любви читали и хранили в своих сердцах в разных уголках страны. «Тюремный пастор» снова вернулся к своей работе.

В ОДНО ПРЕКРАСНОЕ УТРО

В 1956 году во всем коммунистическом блоке господствовали мятежные настроения. Советские «пятилетки» не принесли ожидаемых результатов. Продуктов питания всё ещё не хватало, заработная плата была низкой. Все надежды, ожившие после смерти Сталина, так и не оправдались.

В феврале на XX съезде коммунистической партии Никита Хрущёв произнёс речь, в которой он развенчал культ личности Сталина и его преступления. Россияне не опубликовали её, но вскоре в странах Восточной Европы люди почувствовали, что из Москвы веет тёплый ветерок политической оттепели.

Признаки десталинизации не заставили себя долго ждать. Огромные ряды полиции и органов безопасности подверглись значительному сокращению. Для спасения экономики с западными странами было заключено множество торговых договоров на миллионы долларов. Коллективизация ослабла, смягчилась. И, что самое важное, ежедневно в результате амнистии сотни политзаключённых выходили на свободу.

Сабина не решалась надеяться, что среди них будет и Ричард. Она не получала никаких новостей о нём, ни намёка на его скорое освобождение. До конца срока Ричарду оставалось

несколько лет. В одно прекрасное июньское утро 1956 года Сабина пошла навестить друзей, а когда вернулась — он был дома! Наконец Ричард был дома! С бритой головой и худой, он был больше похож на скелет, чем на живого человека. Сабина чуть не лишилась чувств. Он обнял её, а она вспомнила, как сильно она боялась, что никогда больше не почувствует его объятий. В тот вечер со всего Бухареста сошлись друзья, чтобы поприветствовать их. Все вместе плакали и смеялись, а потом снова смеялись и плакали.

В тюрьме Ричард много страдал. Его били, пытали, кололи наркотиками. На его изуродованном теле было восемнадцать глубоких шрамов. Позже врачи обнаружили, что его лёгкие были полностью покрыты рубцами от туберкулёза. Они не поверили, что ему удалось выжить, проведя в тюрьме восемь с половиной лет (почти три года в одиночной камере в подземелье) практически без лечения. Теперь ему дали лучшую палату в больнице. К освобождённым политзаключённым, где бы они ни появлялись, люди относились с добротой и щедростью. В Румынии они стали привилегированной группой общества, а это очень злило коммунистов.

Вскоре после того, как Ричарду стало лучше, он и Сабина отпраздновали двадцатую годовщину со дня их свадьбы. Ни у кого из них не было ни гроша, чтобы купить другому подарок, но Ричарду удалось достать записную книжку в красивой обложке, куда он каждый вечер записывал стихи — стихи о любви, посвящённые Сабине, любви своей жизни.

Оба они пережили искушения и пытки. Бог наделял их силой, а любовь друг ко другу поддерживала их. И хотя трагические десять лет были уже позади, впереди их ждал ещё один кошмар.

ПУСТЬ ТВОИ АНГЕЛЫ ОКРУЖАЮТ ЕГО

Вечером 13 января 1959 года в дверь квартиры Вурмбрандов постучала заплаканная женщина из их церкви. Неделю назад она взяла несколько экземпляров проповедей Ричарда и распространила сотни фотокопий по всей Румынии, что было противозаконно. Теперь женщина просила прощения и предупреждала Ричарда, что полиция уже делала у неё в квартире обыск и забрала все оставшиеся материалы. Она боялась, что скоро придут и за ним.

От другого члена церкви они узнали, что на Ричарда донёс молодой пастор, который называл себя его другом. Они осознавали, что его, наверное, шантажировали, угрожали посадить в тюрьму и под давлением заставили подписать донос.

На следующий день в час дня офицеры полиции уже барабанили в дверь крошечной квартирки Вурмбрандов.

— Вы — Ричард Вурмбранд? — крикнул капитан. — Все идите в другую комнату. И оставайтесь там.

Опять их крохотная квартирка наполнилась мужчинами, которые открывали шкафы, вынимали ящики, выбрасывали на пол бумаги.

На столе Ричарда нашли отпечатанные на машинке страницы проповеди и старую зачитанную Библию. Конфисковали всё. А потом нашли ещё и подарок Сабине к двадцатилетию со дня их свадьбы — записную книжку, в который Ричард записывал любовные стихи.

— Пожалуйста, не забирайте её. Это — моё личное имущество, мой подарок. Вам он не нужен, — умоляла Сабина.

Капитан надел Ричарду наручники и вывел его из комнаты.

Сабина воскликнула вслед ему:

— Разве вам не стыдно так обращаться с невинными людьми?!

Ричард бросился к ней, но его схватили за руки и оттащили.

— Я не уйду отсюда без борьбы, — предупредил он, — если вы не позволите мне обнять жену.

— Снимите с него наручники, — приказал капитан. Один из полицейских снял наручники.

Они опустились на колени в молитве, а потом тихонько запели псалом. Голоса их звучали в унисон: «Основа церкви — Иисус Христос, её Господь». Полицейские стояли вокруг них.

Один из полицейских положил крепкую руку на плечо Ричарда.

— Пора идти. Уже почти пять часов, — спокойно сказал он, поражённый тем, как сильно Ричард и Сабина любят друг друга. В его глазах блестела слеза.

На запястьях Ричарда снова щёлкнули наручники, и его повели к машине. Сабина бросилась за ними по лестнице. У выхода Ричард оглянулся и сказал:

— Скажи Михаю, что я его люблю, — а потом добавил, — и пастору, который меня предал.

Сабина бежала за фургоном по обледеневшей улице, плакала и плакала, спотыкалась и падала на скользкой дороге:

— Ричард! Мой возлюбленный Ричард!..

Затем фургон исчез за углом, и она, задыхаясь, остановилась, убитая горем. Вернувшись домой, Сабина упала на пол, плача и молясь:

— Господи, я доверяю своего мужа в Твои руки. Я ничего не могу сделать, но Ты можешь провести его через запертую дверь. Ты можешь расставить вокруг него Своих ангелов-хранителей. Ты можешь вернуть его мне!

Она молилась до заката солнца. На следующее утро пришла тётя Алиса и нашла её на полу. Сабина подняла на неё красные, полные слез глаза и едва слышно произнесла:

— Они снова отобрали у меня Ричарда...

ЭПИЛОГ

Ричарда не было ещё шесть лет, и за всё это время Сабина имела лишь одну возможность увидеться с ним. Она упорно продолжала служить в подпольной церкви, преданно ждала своего мужа и верила, что Бог поможет ему вернуться домой.

В декабре 1965 года норвежская миссия «Еврейско-христианский союз» выкупила Ричарда за десять тысяч долларов. В то время за политического заключённого платили полторы тысячи долларов. Ричард и Сабина не хотели покидать родную Румынию, однако верующие подпольной церкви убедили их уехать, чтобы они имели возможность защищать тех, кого преследовали за веру, и свидетельствовать о Божьей любви к ним в самые тяжёлые времена. В следующем году Ричард, Сабина и Михай выехали в Соединённые Штаты Америки.

Коммунисты неоднократно угрожали им смертью, однако семья Вурмбрандов бесстрашно продолжала быть голосом преследуемых братьев и сестёр.

В октябре 1967 года, имея всего 100 долларов в кармане и старую печатную машинку на кухонном столе, Вурмбранды напечатали первый выпуск бюллетеня «*Голос мучеников*».

С того времени бюллетень выходит регулярно и расходится по всему миру почти десятью миллионами экземпляров на десятках языков.

С тех пор, как Ричард и Сабина приехали в Соединённые Штаты, они неустанно рассказывали людям о вере тех, кто подверглись преследованиям и пыткам.

Незадолго до того, как умереть от рака в августе 2000 года, Сабина попросила своего любимого, Ричарда, который также был тяжело болен, подойти к её кровати. В присутствии небольшой группы друзей Сабина снова сказала мужу, как сильно любит его, и попросила прощения за свои ошибки. К тому времени Сабина уже сильно страдала от боли и всё же отказалась от медикаментов: она желала иметь светлую

голову в тот час, когда будет прощаться с временной жизнью, в которой испытала столько боли, чтобы перейти в вечную. В земной жизни Сабину поддерживала любовь Иисуса Христа, и она сама проявляла её ко всем, кого встречала на своём пути.

ТАРА:

ЗЕМНОЙ ПУТЬ К НЕБЕСНОЙ ОБИТЕЛИ

Пакистан
Июль 1985 года

Почтальон подошёл к знакомому особняку и заглянул в окно. Гостиная в этом доме была настолько велика, что в ней мог бы поместиться целый маленький домик, которых было много в пакистанских деревнях.

— У меня посылка для Тары, — сказал почтальон, когда слуга открыл дверь. — Она должна поставить подпись. Можно войти?

Под рукой он держал среднего размера коричневую коробку.

— Нет, вы не можете войти, — строго ответил слуга. — Давайте посылку, и я передам её Таре. Отец не позволяет ей подходить к двери.

— Ладно, — неохотно согласился почтальон. — Но Тара должна подписаться, я не могу отдать посылку просто так, понимаете?

— Да, да, — нетерпеливо сказал слуга, протягивая руку. — Давайте же скорее посылку, она поставит свою подпись.

Тара наблюдала из-за угла за тем, из-за чего поднялся такой шум. Ей было очень интересно, кто же прислал ей посылку.

— Что это? — спросила она слугу. — От кого?

Слуга пожал плечами и протянул Таре на подпись квитанцию. Она подписала и взяла посылку. Пакет оказался тяжелее, чем Тара ожидала. Она обхватила его обеими руками, понесла в свою комнату и закрыла за собой дверь. Хотя семья Тары и была достаточно большой, она имела свою хорошо обставленную комнату. Напротив больших окон были встроенные шкафы, а с обеих сторон кровати — изысканные тумбочки с элегантными хрустальными лампами. Отец Тары очень любил свою дочь, и её комната была полна щедрых подарков, которыми он её одаривал.

Тара была в восторге, как радовалась бы любая другая двенадцатилетняя девочка, неожиданно получившая посылку по почте. Она положила коробку на пол, стала перед ней на колени и нетерпеливо разорвала ленту, которой был склеен картон. Заглянув в коробку, Тара вскрикнула. Её восторг мгновенно превратился в страх. Она вскочила и побежала к двери. Немного приоткрыв её так, чтобы только просунуть голову, она осмотрела гостиную и убедилась, что поблизости никого нет. Прежде чем вернуться к открытой коробке, которая стояла посреди комнаты, девочка закрыла дверь, на этот раз уже на ключ.

Внутренний голос подсказывал ей, что коробку нужно отдать отцу.

«Так будет безопаснее», — сказала она себе. Она могла просто сказать отцу, что не знает, почему на коробке её имя. Однако на самом деле Тара знала, зачем ей прислали коробку. В ней было то, что она заказала. Несколько недель назад она заполнила маленький купон в местной газете и отправила его по почте. Теперь заказ прислали, и она боялась, что будет, если её поймают с содержимым этой посылки. Она не знала, что делать. Ей нужно было решать: оставить его себе, спрятав, конечно же, или рассказать о нём отцу.

Однако интерес девочки победил страх, и она вытащила одну из небольших книжечек. На мягкой светлой обложке

было написано: «Бытие». Удобно устроившись в кровати, она открыла книгу и начала читать.

С тех пор, как Тара получила первые уроки по изучению Библии, она начала настойчиво изучать материалы. Еженедельно она перечитывала два-три раздела из Слова Божьего. Она выполняла задания, вкладывала их в конверты, присланные вместе с Библией, и просила прислугу отправить их. Вскоре по почте ей прислали свидетельство о прохождении курса и поздравили Тару с его успешным завершением.

Тара принадлежала к исконно мусульманской семье, известной во всём Пакистане, и не собиралась менять свою веру. Её просто захватывало изучение Библии, особенно ей нравилось получать красочные свидетельства. Это было легко и интересно, и во всём этом присутствовал волнующий элемент риска, когда она ежедневно осторожно прятала коробку и её содержимое под кровать. Слуги, которые получали и отправляли почту, обещали хранить её тайну. Все знали, что отец Тары придёт в бешенство, если узнает, чем занимается его дочь. Однако всем также было известно, что Тара — любимица отца, и он, скорее всего, лишь хорошенько выругает её и заберёт Библию. Ей просто было интересно. «*Какой вред может принести мне это обучение?*» — думала Тара.

Прошло два с половиной года. Тара отправила своё последнее письмо. Она завершила обучение, изучив все книги Библии. Девочка была довольна тем, что закончила такой большой курс, и удивлялась, что всё было бесплатно и никто не раскрыл её тайны. Через несколько недель она удивилась ещё больше, когда получила ещё одну посылку. Она была намного меньше, чем предыдущие, и довольно тяжёлая. Тара знала, что она — от тех же людей, которые присылали ей библейские уроки и свидетельства, но она понятия не имела, что в ней. Открыв посылку, девочка увидела красивую Библию в голубой обложке с позолоченными краями страниц.

Это была самая прекрасная книга, которую Тара когда-либо видела. Открыв Библию, она увидела своё имя, напечатанное красивым шрифтом, и поздравление с успешным завершением изучения Библии. Тара осторожно полистала тонкие страницы, а затем спрятала свой подарок под кровать, вместе с другими книгами. Хранить учебные материалы были опасно. А за хранение Библии, она знала, придётся дорого заплатить.

Хотя она даже и не догадывалась, насколько дорого.

ХРИСТИАНИН

В следующем году, после того как Тара с отличием закончила десятый класс школы, она получила предложение от одного из высших учебных заведений Ирана заняться сравнительным изучением религий. Её семья часто совершала паломничество в Иран, и Таре очень хотелось там учиться. Она была уверена, что подпольное изучение Библии поможет ей в изучении христианства.

Семья Тары отправилась в Иран вместе с ней. Именно в Иране Тара впервые в жизни встретила христианина. Это произошло, когда однажды она вышла из отеля и хотела сделать снимки внутреннего дворика возле местной мечети для презентации, которую ей поручили сделать. Молодой иностранке было опасно ходить одной, но Тара пообещала старшему брату, который в тот день был ответственным за неё, что не пойдёт далеко от отеля, и он, хоть и неохотно, но всё же отпустил её.

Когда Тара делала снимки дворика, она увидела интересную картину. На земле, рядом с девочкой на несколько лет моложе Тары, сидел человек. Его руки были крепко сжаты, он смотрел в небо, словно с кем-то разговаривал.

— Что вы делаете? — поинтересовалась Тара, чувствуя, что какая-то неведомая сила привлекает её к этому человеку.

— Я разговариваю с Богом, — ответил он.

— С Богом разговаривать нельзя, — сказала Тара и по-детски засмеялась. — Он не спустится с небес, чтобы поговорить с вами, а вы не можете подняться к Нему, разве только после смерти. Как же вы можете утверждать, что *разговариваете* с Богом?

Мужчина внимательно посмотрел на Тару и с улыбкой сказал:

— Я не только говорил с Богом, но и получил от Него ответ.

Теперь Тара была уверена, что этот человек сумасшедший:

— Вы получили *ответ*? Вы не пророк и не ангел. Как вы можете получить ответ от Бога?

— Хотите знать, как разговаривать с Богом?

— Да, конечно же, хочу, — ответила Тара.

Она ни на секунду не поверила этому человеку, но ей хотелось услышать его соображения по этому поводу, пусть даже и сумасшедшие.

— Так встретимся завтра в четыре часа. Вот, я напишу вам адрес церкви и как до неё добраться. Приходите туда и узнаете не только о том, что можно разговаривать с Богом, но и о том, что Он вас любит.

Вернувшись в отель, Тара рассказала брату об этой странной встрече. Брат разозлился:

— Что ты думаешь? Ты не можешь пойти туда. Это христианская церковь! Мы находимся в Иране, а ты — мусульманка. Если тебя поймают в таком месте, тебя могут повесить!

— Мне дали задание изучить различные религии. Как я могу сделать это, не исследовав каждую из них? — настаивала на своём Тара.

Их спор закончился, когда брат согласился попросить в местном полицейском участке разрешение на посещение церкви. Из полиции его направили в суд, где и выдали разрешение. Но представители власти потребовали, чтобы в церковь девушку сопровождали старший брат и двенадцать офицеров службы безопасности.

— Не бойся, — сказал брат Таре накануне визита в церковь. — Я буду за дверью вместе с полицией. В случае если что-то случится, мы сразу же придём на помощь.

Тара удивлялась, что же будет происходить в церкви, если она нуждается в такой охране.

На следующий день в четыре часа Тара вошла в церковь. Она шла медленно, дрожа от страха. Полиция и брат ждали её у дверей. Кроме мужчины, которого Тара встретила во внутреннем дворике мечети, она никогда не видела ни одного христианина. Ей было интересно, как выглядят христиане, как они ведут себя, насколько они опасны.

Тара заняла место неподалёку от входной двери, чтобы, если понадобится, можно было быстро выйти. Почти все места на деревянных скамейках были уже заняты. Началось пение. Присутствующие пели разные псалмы. Тара надеялась, что узнает стихи, которые встречала, когда изучала Библию, поэтому внимательно вслушивалась в каждый куплет. После пения к кафедре вышел мужчина и начал рассказывать о важности молитвы. В завершение он пригласил всех, у кого есть молитвенные нужды, выйти вперёд.

Когда люди начали выходить, Тара узнала мужчину, которого встретила вчера в дворике. Он нёс на руках девочку лет восьми. Тара подумала, что она — его дочь. Девочка была калекой. Её рука вяло свисала и стучала по спине мужчины, когда он нёс её. Глаза девочки были пустые, она была едва жива.

Мужчина прошёл вперёд и начал вслух молиться, прося Бога исцелить ребёнка. Другие люди вместе с ним просили Бога исцелить девочку. Тара снова подумала, что надо быть сумасшедшим, чтобы пытаться говорить с Богом. Зачем Богу помогать этому ребёнку? Для Тары всё, что происходило, было лишено любого смысла. Однако, несмотря на свой скептицизм, она сидела, затаив дыхание, и пыталась запомнить всё, чтобы ничего не упустить в своей работе.

С удивлением Тара заметила, что искалеченная девочка начала двигаться. Её ножки медленно выпрямились, и мужчина осторожно опустил её на пол, всё ещё поддерживая под руки.

«*Господи,* — подумала Тара. — *Если бы я не видела этого своими глазами, я ни за что бы ни поверила, что такое возможно!..*»

Присутствующие снова начали петь песни хвалы Богу, а исцелённая девочка, проходя центральным проходом, остановилась возле Тары, посмотрела ей прямо в глаза и сказала только одно слово: «Эммануил», а затем повернулась и пошла к своему отцу.

Тара была поражена тем, что произошло. В её уме, как пчёлы, роилось множество мыслей. Почему среди всех присутствующих в церкви эта маленькая девочка подошла именно к ней? Как её ножки стали здоровыми? И что значит слово «*Эммануил*»? Изучение христианства, которым начала заниматься Тара, ставило больше вопросов, чем давало ответов. Она решила подробно разобраться во всём.

Она никому не отважилась рассказать о том, что увидела в церкви. Но и забыть тоже не могла. Позже, возвратившись домой в Пакистан, она обратилась к источнику, в котором, как она надеялась, были ответы на все вопросы, которые так смущали её разум, — к голубой Библии. На этот раз Тара читала не для того, чтобы сдать экзамен и получить сертификат, — она стремилась познать истину.

Ежедневно Тара тщательно изучала Священное Писание, пытаясь понять, в чём разница между Библией и Кораном и почему мусульмане так враждебно настроены против христиан.

«*Христианский Бог должен быть настоящим,* — думала девушка. — *Как иначе Он может слышать их, когда они молятся?*»

ИЗМЕНА

Наконец Тара осознала, что самостоятельно не сможет продолжать изучать христианство. Ей нужен был кто-то, с кем можно было бы поговорить. И курс религии, и то, свидетелем чего она стала в церкви, и то, о чём читала в Библии, — всё это не столько помогло Таре во всём разобраться, сколько породило в уме девушки дополнительные вопросы, и она отчаянно хотела всё понять.

— Папа, я пойду прогуляюсь с друзьями, — сказала Тара отцу, собираясь выйти из дома. Впервые за шестнадцать лет она солгала отцу. Чувство вины не давало девушке покоя, когда она вышла из огромного роскошного родительского дома. Но она должна была узнать, в чём сущность христианской веры. А единственный, известный ей способ сделать это — пойти в церковь.

Тара проехала весь город, зашла в церковь и села на скамейку. Начиналось богослужение. После окончания девушка подошла к пастору, который проводил его, и попросила ответить на несколько вопросов. Пастор согласился. Тара думала, что церковь — это церковь, а христианин — это христианин, и каждый из них готов ей помочь. Однако, к большому сожалению, на этот раз она ошиблась.

Пастора беспокоило, что Тара еженедельно приходила поговорить с ним и задавала ему множество вопросов. Он беспокоился о своей собственной безопасности и не раз убеждал её, что ей лучше больше не приходить. *«Но куда же мне пойти, чтобы получить ответы на мои вопросы?»* — удивлялась Тара.

На некоторое время девушка убедила пастора, но в конце концов он решил, что риск слишком велик. Надеясь избежать неприятностей, он встретился с отцом Тары и сообщил, что его дочь приходила в церковь и интересовалась Библией. Пы-

таясь отвести от себя опасность, он предал молодую мусульманку, которая хотела больше узнать о Боге.

— Что ты делаешь? — в завершение серьёзного разговора с Тарой сказал отец. — Ты понимаешь, как ты позоришь меня и всю семью? Как ты могла встречаться с этим человеком? Он ведь не мусульманин! Он христианин! Ты в своём уме? Как можно быть такой дурой? Ты что — христианка?

Тара была одновременно поражена и удивлена тем, что отец так гневается. Девушка никогда не видела его таким. Она пыталась объяснить, что просто задавала вопросы, что ей и в голову не приходило стать христианкой... Но он и слушать не хотел. Разъярённый, он приказал ей уйти, и Тара в слезах выбежала из комнаты. Она не знала, что делать и как успокоить отца.

Много вопросов, которые интересовали девушку, ещё оставались без ответа. В своей комнате, несмотря на произошедшее, Тара снова взяла свою маленькую Библию в кожаной голубой обложке. Вытирая слезы, катящиеся по щекам, она открыла Библию и попыталась читать, но в голове всё ещё звучали гневные слова отца.

Тара все же решила не откладывать книгу, и постепенно слова Божьей любви, обращённые к ней через тысячелетия, захватили её, ободрили и успокоили. Она так зачиталась Священным Писанием, что потеряла чувство реальности и не заметила, как в комнату вошёл отец. Сначала выражение его лица говорило о том, что он сожалеет, что зря выругал свою юную любимую дочь. Однако, увидев, что она читает, он разозлился ещё больше.

— Ты — христианка! Теперь я вижу, что ты христианка, — кричал он.

— Папа, я не христианка. Мне просто интересно. Поверь мне!

— Не ври! Зачем же в таком случае ты читаешь Библию?

— Прошу, папа, поверь мне, это — просто книга, которую я читаю. Ты ведь знаешь, что я изучаю разные религии.

Тара отчаянно пыталась убедить отца в своей невиновности, однако всё было тщетно. Он с размаху ударил её по лицу.

— Как ты можешь так поступать с нашей семьёй! Мы мусульмане!

Тара отшатнулась от отца, она не могла поверить, что он ударил её. Ей было так больно! Но отец подошёл и ударил её ещё раз.

— Мы родились мусульманами и умрём мусульманами. А ты, ты мне больше не дочь!

Услышав рыдания Тары, в комнату вбежал её старший брат, чтобы узнать, что произошло.

— Твоя сестра стала христианкой! Она ходила к пастору, а теперь я вижу, что она читает Библию!

Услышав это, брат Тары тоже разозлился, бросился к сестре, и вместе с отцом они начали избивать её. Увидев голубую Библию, он со злостью стал раздирать её страницы с золотистым краем. Отец Тары взял ремень, сложил вдвое и начал неистово бить дочь по лицу и по спине, так что Тара только съёжилась на полу и рыдала.

— Отец, тебе нужно найти ей мужа и поскорее, пока всё не зашло ещё слишком далеко, — сказал брат, багровый от гнева и избиения. Выходя из комнаты Тары, отец кивнул головой.

«ЭММАНУИЛ, ЭММАНУИЛ...»

Лёжа на полу посреди комнаты и рыдая, Тара произнесла свою первую молитву: «Господи, я не знаю, почему мои отец и брат так разозлились. Я — не христианка. Я — мусульманка. Но сейчас я не знаю, какой дорогой мне идти. Пожалуйста, покажи мне путь, и я пойду им».

Помолившись, Тара успокоилась и, лёжа на полу, крепко уснула. Через некоторое время девушка почувствовала, как кто-то поднимает её голову и нежно ласкает лицо. Она слышала

голос, он звучал, будто приближаясь к ней. Голос сказал: «Эммануил, Эммануил...» Тара быстро вскочила и оглядела комнату. Комната была пуста. Она вспомнила странный сон — это ведь был сон, не так ли? — и пыталась повторить незнакомое слово, которое теперь услышала уже второй раз: «*Эммануил*».

Тара лежала в постели, снова вспоминая то, что произошло с ней в Иране. «Что это значит? — думала она. — И почему я всё время слышу это слово?»

Она прикоснулась к своему лицу и вздрогнула от боли. Никогда раньше отец не бил её, и Тара была поражена его гневом и жестокостью. Она и отец всегда были так близки!.. А теперь, и она это чувствовала, они никогда уже не будут иметь былых отношений. Девушка знала, что отцу так же нелегко будет сдержать свой гнев, как и ей прекратить свои настойчивые поиски истины.

Несколько дней спустя отец сел рядом с дочерью. Её лицо всё ещё было в синяках после побоев. Он грустно посмотрел на Тару:

— Тара, я очень сожалею, что так поступил с тобой, — сказал он. — Отцу стыдно бить свою дочь. Ты должна понять, что я не хотел причинить тебе боль. Но я не мог стерпеть того, что увидел. Прости меня, прошу.

Тара сидела молча, не совсем доверяя тому, что слышит.

— Пришло время, — продолжал он, — тебе выйти замуж.

Тара вспомнила, что сказал брат после того, как её избили. Но ей было всего шестнадцать, и она не хотела замуж.

— Папа, я слишком молода, чтобы выходить замуж. Я хочу закончить учёбу.

Она старалась говорить спокойно и уверенно.

Однако отец поднялся и решительно произнёс:

— Я сказал, что тебе нужно выйти замуж. Я настаиваю. Так будет лучше для тебя.

Голос его был таким холодным, что Тара вздрогнула, но она не хотела сдаваться так легко.

— Нет, папочка, я не хочу. Я ещё так молода и хочу сначала закончить учёбу. Я не хочу брака по договорённости, папа. Кто он? Как его зовут? Какой он веры?

Слова вылетели, прежде чем девушка осознала, что говорит. Какие бессмысленные слова из уст мусульманской девушки! Для их семьи существовала лишь одна религия — ислам. Отец, рассердившись, снова закричал:

— Что ты говоришь: «Какой он веры?!» У нас одна вера. Мы — мусульмане!

Он схватил дочь за руку, притянул к себе и закричал:

— Ты христианка? Христианка! Теперь я это точно знаю!

Прежде чем Тара смогла сказать что-либо в свою защиту, она снова почувствовала болезненную родительскую пощёчину. Отец был твёрдо убеждён, что его дочь приняла христианство, и отреагировал так, как считал своим долгом.

Одна из сестёр, которая вошла в комнату как раз в тот момент, когда отец снова бил Тару по лицу, закричала от ужаса.

Не обращая внимания на уговоры членов семьи и прислуги, отец Тары и её брат заперлись в комнате девушки. Тара забилась в угол и дрожала от ужаса. Она знала, что у неё есть причина опасаться за свою жизнь.

Отец и брат били её всем, что попадало под руку: шнуром от хрустальной электрической лампы, железным прутом от шкафа. Затем они вытащили из комнаты всё: ковры, кровать, одежду, электронику — и свалили в коридоре. Когда этот ужас закончился, Тара, залитая кровью, лежала на полу посреди своей теперь пустой комнаты. Прежде чем отец закрыл за собой дверь, он пригрозил:

— Ты или выйдешь замуж, или умрёшь. Выбирай. Если ты христианка — вон из города! Но если ты выйдешь замуж, то останешься моей дочерью. Иначе ты умрёшь здесь в одиночестве.

ПОБЕГ

Тара лежала на холодном каменном полу, то теряя сознание, то снова приходя в чувства. Всем в доме было запрещено помогать ей. Семья надеялась, что девушка одумается, оставшись без пищи и медицинской помощи. На третий день Тара сделала попытку встать, но её волосы пристали к луже высохшей на полу крови. Подавленная и печальная, она осматривала свои раны, пытаясь вспомнить, что же произошло. Её тошнило. Она и предположить не могла, что поиски Бога доведут её до такого ужасного положения. Теперь мысли Тары были только об одном: как спастись? Ранее она ни дня не проводила вдали от семьи и теперь даже не подозревала, что ей делать. Однако сейчас это не имело никакого значения. Она знала, что ей необходимо бежать.

Тара медленно поднялась, подошла к шкафу, чтобы посмотреть, осталось ли что-нибудь из её одежды, и заметила на полу небольшой чемодан, с которым она ездила в Иран. В чемодане была одежда, немного денег, некоторые украшения и паспорт. Тара осторожно сняла с себя окровавленную одежду, вздрагивая от боли при каждом движении. Переодевшись, девушка стала посреди комнаты и в последний раз осмотрелась. Она осознавала, что если сейчас оставит этот дом, то никогда уже не сможет сюда вернуться. В её стране бежать из дома было так же ужасно, как и стать христианином. Девушка знала, что семья никогда не сможет простить ей такое унижение. И если её поймают, то, конечно же, убьют.

С печалью на сердце она вылезла через окно своей спальни и осторожно, оглядываясь, направилась к автобусной станции. Каждый шаг давался ей с болью. Она была убита горем, но страх от того, что с ней сделают отец или брат, если найдут её, и жажда узнать больше о христианском Боге заставляли её идти вперёд. Дойдя до автостанции, девушка купила билет до города в нескольких часах езды, который она хоть немного

знала. Она бывала там несколько раз со своей семьёй и планировала поискать убежища в церкви, которую там видела. Она думала, что каждый христианин, которого она встретит, будет рад помочь ей.

Дорога была далёкая. Пассажиры с интересом разглядывали девушку-подростка в крови и синяках и перешёптывались. Тара была привлекательной девушкой и принадлежала к известной в городе семье, она знала, что пассажиры думают о ней, и мучилась от стыда и унижения. Всё это было для неё новым, и она надеялась, что её стремление познать Бога стоит того, от чего она отказалась. Она старалась избегать осуждающих взглядов окружающих и надеялась, что её не отведут в полицейский участок. В стране, где жила Тара, женщины имеют мало прав, и их редко можно увидеть без мужского сопровождения.

Когда автобус, наконец, добрался до города, Тара быстро вышла и поспешила слиться с толпой, что нелегко было сделать из-за её синяков и крови. Она надеялась, что как только она доберётся до церкви, то сможет привести себя в порядок.

Когда Тара подошла к дверям церкви, её встретил офицер Армии Спасения. К удивлению девушки, он посоветовал ей искать помощи в другом месте.

— На вашем месте я бы не оставался наедине с руководителем этой церкви. О нем ходит много слухов... — прошептал он.

Тара расплакалась.

— Что же это такое? — зарыдала она. — Я так долго добиралась до христиан, а вы говорите, что эта церковь не для меня. Разве ради этого я сбежала из дома?

— Пойдём ко мне домой, — предложил он. — Я могу помочь и защитить вас.

Хотя Тара и опасалась идти домой к незнакомцу, она не имела другого выбора и неохотно поплелась вслед за ним. Мужчина имел жену и двоих сыновей. В течение двух недель все в семье относились к ней хорошо. А потом начались раз-

говоры. Жена подозревала, что муж хочет завести интрижку с молодой привлекательной гостьей. Наконец Тара не выдержала и попросила мужчину подыскать ей другое место:

— Вы должны знать кого-нибудь в другом городе, кто мог бы помочь мне. Отвезите меня туда, пожалуйста, и я найду работу. Я очень ценю вашу помощь, но не хочу причинять неприятности вашей семье.

— Я знаю человека, который может помочь вам. Он родом из вашего родного города, — ответил мужчина.

Услышав это, Тара испугалась.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — сказала она. — Мой отец не знает, где я, и я не хочу, чтобы он узнал об этом.

— Не беспокойтесь, — заверил её мужчина. — Я знаю этого человека. Он вам поможет.

ДЯДЯ, ОТ КОТОРОГО ОТКАЗАЛАСЬ СЕМЬЯ

Не имея выбора, Тара согласилась встретиться с этим человеком. Он ждал её в назначенном месте. Увидев его, девушка едва не потеряла сознание.

— Это мой отец! Вы обманули меня! — сказала Тара.

— Нет, это не ваш отец, я точно знаю, — спокойно ответил её спутник. — Пойдите, познакомьтесь с ним.

Узнав, что этот человек — её родной дядя, о котором она никогда не слышала, Тара была крайне удивлена. Он был как две капли воды похож на её отца.

— Почему отец никогда не рассказывал нам о вас? — поинтересовалась Тара.

— Я принял христианство в 1952 году, до введения законов шариата, исламского законодательства, — пояснил дядя. — Тогда принятие другой религии было ещё правомерным, хотя общество уже тогда осуждало это. Твой отец отрёкся от меня. С тех пор я служу здесь пастором. Теперь я понимаю, почему

Бог привёл тебя сюда. Не беспокойся, я о тебе позабочусь. Ты будешь мне как дочь.

Тара успокоилась, у неё появился луч надежды: может, она сможет поселиться здесь, найти работу, продолжить учёбу.

Очень скоро она увидела, что дядя очень хороший и щедрый человек. Она любила его и восхищалась им. Он часами рассказывал Таре о христианстве и отвечал на все её вопросы. Он даже объяснил ей, что означает слово «Эммануил». Живя в доме дяди уже более двух месяцев и изучая христианство, Тара чувствовала, что теперь она действительно понимает, кто такой Иисус. В молитве она попросила Бога простить ей все грехи и приняла Его в своё сердце.

Тара искала Бога и нашла Его, однако её испытания только начинались.

Однажды дядю посетил один из его двоюродных братьев, которому показалось, что он узнал Тару.

— Нет-нет, — уверял его дядя, — ты ошибаешься. Это просто знакомая, которая приехала навестить меня.

Впрочем, его слова не убедили двоюродного брата, и, вернувшись домой, он позвонил отцу Тары и сообщил, что девушка, которую он видел у брата, — это, скорее всего, Тара.

Через несколько дней, работая на кухне, Тара услышала торопливые шаги в гостиной. Тара бросилась туда и в дверях чуть не столкнулась с дядей. Он размахивал руками и кричал:

— Твой отец! Он идёт сюда! Беги быстрее! *Беги!* Беги за город на ферму к моим друзьям, туда, куда я тебе говорил. Вот деньги. Поторопись. Не бойся, я ничего не скажу твоему отцу. Я посещу тебя через несколько дней...

Когда дядя ещё заканчивал давать Таре указания на кухне, её отец и брат уже заходили в дом через парадный вход. Тара скорее выбежала через чёрный. Она не имела времени на раздумья, а бежала так быстро, как только могла. Она нащупала в кармане адрес, который дядя приказал ей постоянно носить с собой на тот случай, если произойдёт что-то подобное.

Запыхавшись и чувствуя боль в сердце, Тара наконец добралась до главной улицы и замедлила бег, чтобы не вызвать подозрения у прохожих. Остановив такси, она упала на сиденье и закрыла глаза. Она не могла поверить, что всего через два месяца счастливого пребывания у своего случайно найденного дяди ей снова приходится бежать. И хотя от быстрого бега сердце бешено колотилось в груди, Тара чувствовала, как её охватывает удивительное спокойствие. Она молилась о своём отце и брате, молилась, чтобы они не причинили вреда дяде.

Десять дней Тара провела на ферме, пока в городе всё успокоилось. Наконец дядя приехал посетить Тару. Ей так хотелось вернуться с ним домой, однако, когда она увидела выражение его лица, её сердце ушло в пятки.

— Что случилось, дядя? — дрожащим голосом спросила она.

— Тара, ты знаешь, как я был доволен тем, что ты жила у меня в течение этих двух месяцев, — сказал он, не сводя с неё глаз. — Я чувствовал, что Бог дал мне дочь, которую я так хотел, по крови и по духу. Но ты не можешь вернуться со мной. Это слишком опасно для тебя. Мне жаль, что приходится говорить тебе это, но твой отец заявил, что найти тебя — это дело чести для него и для всей семьи.

Тара знала, что дядя говорит правду. Она знала, что её отец и брат никогда не перестанут искать её, как знала и то, что произойдёт, если её найдут. Она чувствовала, как жалость к себе наполняет глаза слезами и туманит разум. Но в глазах дяди она видела такую печаль, что её сердце ёкнуло, и она перестала думать о себе.

— Дядя, пожалуйста, не волнуйтесь, — произнесла она, со всей силы сжав его руку. — Это я должна просить у вас прощения за то, что принесла вам столько неприятностей. Я так благодарна, что Бог привёл меня к вам... Вы дали мне ответы на вопросы, которые так волновали меня, и теперь я спокойна, как никогда. Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить вас за это.

Тара снова готовилась к переезду в другое место. Дядя договорился, что она поживёт у его знакомых в другом городе. Их расставание было грустным. Тара пыталась скрыть от дяди свою обеспокоенность. Однако её не оставляла мысль о том, сможет ли она когда-нибудь перестать бежать?

УЗНИЦА ИЛИ БЕЖЕНКА

В новом доме пастор, его жена и трое сыновей встретили Тару с распростёртыми объятиями. Мальчики сразу же приняли Тару как свою новую сестру. Особенно восхищался смелостью Тары старший сын, Рубин.

Чтобы защитить девушку от отца и братьев, которые продолжали неутомимо преследовать её, семья пастора попросила её проводить большую часть времени в своей комнате. Она находилась там днём и вечером, когда в доме были гости. Они приходили почти каждый день.

Комната Тары была разделена на две части: в одной она спала, а в другой училась. Обе половины её комнаты, вместе взятые, были меньше, чем половина комнаты, в которой она выросла. Однако Таре было безразлично. Она чувствовала облегчение от того, что жила в семье, которой могла доверять, хотя одиночество очень угнетало её. Она знала, что не сможет так долго выдержать.

— Прошу вас, позвольте мне выйти из комнаты, — однажды утром обратилась Тара с просьбой к пастору. — Я знаю, что вы пытаетесь защитить меня, но я чувствую себя заключённой. Я не могу так жить.

Пастор хотел, чтобы Тара имела возможность свободно передвигаться по городу и ходить куда захочет, но также он знал, что её отец и брат всё ещё ищут её. Они приехали в город, расспрашивали о ней и неоднократно подтверждали своё намерение убить её.

— Тара, потерпи ещё немного, скоро ты сможешь выходить, — уговаривал он. — Это ради твоего же блага.

Тара знала, что у неё нет выбора. Если её увидят в городе, она подвергнет опасности не только себя, но принявшую её семью. Она пыталась проводить время с пользой: читала, училась, однако немало дней провела в слезах. На протяжении целого года её маленькая комнатушка была для неё добровольной тюрьмой.

Однажды вечером Тара услышала, как пастор говорил с кем-то о том, что для церкви нужен новый секретарь. Когда на следующий день он зашёл в комнату Тары, она стала уговаривать его дать эту работу ей.

— Прошу, пастор! Дайте мне эту работу! Я всё это время печатала ваши проповеди. Я уверена, что справлюсь. Я здесь уже целый год. Мой отец и брат уже, наверное, уехали.

Пастор не хотел позволять девушке выходить из дома, однако знал, что не может все время держать её взаперти. Поэтому решил спросить старшего пастора, согласен ли он доверить эту работу Таре.

На следующей неделе Тара стала секретарём церкви.

— Слушай меня очень внимательно, Тара, — сказал пастор. — Отныне ты — моя племянница из другого города. Больше не говори на меня «пастор». Отныне ты должна называть меня «дядей», а мы будем называть тебя Ребеккой. Никому не рассказывай о себе. Понимаешь?

Таре было не только всё понятно, она была очень счастлива.

Свою работу Тара выполняла с чрезвычайной добросовестностью. Она изучала английский язык и сразу же понравилась старшему пастору, англичанину. Вскоре ей поручили заниматься финансами церкви, а также она начала преподавать в воскресной школе.

Старший пастор, зная историю Тары, позволял ей проводить беседы с мусульманами, тайно принявшими христианство.

Тара чувствовала, что Бог благословляет её служение, и была благодарна за то, что Он позволил ей пройти через такие же испытания, через которые прошли новообращённые. История Тары поддерживала и вдохновляла их.

Через шесть месяцев после того, как Тара начала работать, ей тайно преподали крещение в подвале церкви в присутствии только её приёмной семьи, старшего пастора и дяди.

ЖАЖДА ПРОПОВЕДОВАТЬ

В своей новой семье Тара прожила два года. Ей исполнилось восемнадцать. Она была довольна работой секретаря, однако больше всего на свете ей хотелось проповедовать Евангелие. Большинство сотрудников их церкви родились в христианских семьях, и лишь Тара могла говорить с мусульманами как бывшая мусульманка. Тара на собственном теле испытала жестокие побои отца и брата, пережила отлучение от семьи и изгнание из дома. Поэтому она могла ободрить других и знала, что её будут слушать.

— Рубин! Позволь мне поехать с тобой, — однажды попросила Тара, когда старший сын пастора собирался в евангелизационную поездку.

— Нет, Тара, — ответил он. Он знал, как сильно ей хотелось наставлять людей на путь христианской веры, обращать к Христу. — Это очень опасно. Кто-нибудь может услышать твой рассказ и донести на тебя властям. Меня могут арестовать, а если тебя поймают, то, несомненно, убьют.

Рубин полюбил Тару, как родную сестру, и не хотел подвергать её опасности. Однако он знал, что она будет настаивать, и был прав. У неё уже были наготове аргументы.

— Рубин, что важнее, — спросила она, — моя безопасность или заблудшие души, к которым ты хочешь достучаться?

Рубин признал своё поражение, и Тара начала ездить с ним, а он учил её искусству проповеди Евангелия.

Последующие два года прошли без неприятностей. Тара привыкла к новой жизни в роли племянницы пастора и училась в колледже. Она также нашла для себя новое служение — организовывала тайные крещения для бывших мусульман и индусов, которые обратились в результате их с Рубином служения. Ещё девушка помогла основать программы по обучению грамоте и проповеди Евангелия для детей.

На протяжении этих лет Тара всегда была наготове, но прошло уже много времени с тех пор, как девушка оставила отчий дом, и она начала забывать об опасности, исходящей от её отца и братьев. Некоторые члены церкви не верили в то, что она действительно племянница пастора, и завидовали её растущим авторитету и влиянию в церкви. С этой проблемой она могла справиться. Однако в один солнечный воскресный день за дверью церкви Тару ждала проблема, с которой она справиться не могла.

ОПЯТЬ БЕЖАТЬ

Тара сразу же узнала его — это был её двоюродный брат. Каждый мускул её тела напрягся, когда молодой человек направился прямо к ней, однако Тара прошла мимо, сделав вид, что не знает его.

— Подождите! Я хочу поговорить с вами, — воскликнул он вслед.

По тону его голоса Тара поняла, что он не уверен, на самом ли деле это — она. Она не была дома уже четыре года и очень изменилась. Она просто сделала вид, что не услышала его, и шла дальше. Затем прозвучало слово, которого она боялась больше всего...

— Тара!

Тара повернулась и вежливо произнесла:

— Здравствуйте! Вы обращаетесь ко мне? Меня зовут Ребекка. Я вас не знаю. Извините, но я спешу.

Выражение лица Тары не выдало её, однако это сделал её голос. Теперь двоюродный брат нашёл то, что искал. Она знала, что через несколько часов здесь появятся её отец и брат. Девушку охватил ужас. Она быстро зашагала дальше, пытаясь исчезнуть в толпе. Её сердце так сильно билось, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

На одной из оживлённых улиц Тара остановила такси.

— В аэропорт, пожалуйста, — сказала она водителю.

У неё в сумочке были деньги, но она не знала, куда бежать. Ей было всё равно, лишь бы бежать, прежде чем брат и отец найдут её. В аэропорту она быстро просмотрела расписание рейсов самолётов, отчаянно пытаясь выбрать, куда ей лететь. Тара решила полететь в один из городов в восточной части страны, где, как казалось, она будет в безопасности, по крайней мере, на некоторое время. Когда самолёт приземлился, девушка понятия не имела, куда податься, и провела долгую тревожную ночь в аэропорту. Она позвонила Рубину, чтобы семья, приютившая её, не волновалась. А потом осталась наедине со своими мыслями и воспоминаниями, пытаясь успокоиться, и молча молилась. Она сопротивлялась желанию спросить Бога: «Почему, Господи?» Она устала жить жизнью беженки и думала о том, будет ли она когда-нибудь чувствовать себя в безопасности, будет ли у неё когда-нибудь постоянное место жительства.

На следующий день, истощённая физически и эмоционально, Тара вернулась к своей приёмной семье. Она чувствовала себя виновной, ведь они так любили её, заботились о ней, помогали ей, а она подвергала риску их и всю христианскую общину. Рубин сообщил Таре, что пытается получить для неё визу для выезда из страны. Тара переживала, что у него ничего не получится, однако мысль о возможном побеге всё же успо-

каивала её. По крайней мере, в другой стране она не принесёт своим друзьям множество проблем. И не только друзьям. Она знала, что, когда её поймают, правительство может использовать этот прецедент для того, чтобы устроить громкий скандал всей христианской общине Пакистана. Да, ей лучше уехать.

Тара думала, что, если она на время затаится, всё обойдётся. Однако двое членов церковной общины, которые завидовали тому, что Тара получает столько внимания от семьи пастора, решили навредить девушке. Они написали в разведывательную службу Пакистана заявление о том, что девушка активно проповедует Евангелие.

ДОЧЬ-ВЕРООТСТУПНИЦА

Тару вызвали в управление разведслужбы, где ей сообщили, что на неё заведено дело и о ней будут собирать информацию, чтобы проверить правдивость обвинений, выдвинутых против неё. Сотрудники службы также имели намерение сообщить о деятельности Тары её семье. Девушка не могла поверить, что так много раз Бог спасал её только для того, чтобы сейчас её выдали члены собственной церкви. Она знала, что большинство прихожан были хорошими людьми и с пониманием относились к ней. Однако, чтобы навредить, оказалось достаточно лишь двух человек. Девушка чувствовала себя так, будто её подхватило стремительное подводное течение и тянет в такую глубь, из которой ей никогда не выбраться.

Тара просила Бога спасти её ещё раз. Она вспомнила слово «Эммануил». Она знала, что это слово означает «Бог с нами», и этой мысли было достаточно, чтобы успокоиться. Тара верила, что, если Бог заставил кита выплюнуть Иону на берег, Он способен освободить и её из когтей разведки.

Сотрудники управления конфисковали паспорт Тары и продолжали расспрашивать горожан и составлять протоколы.

Рядом с девушкой всегда был Рубин. Он пытался убедить всех, что Тара — его сестра, однако ему не верили. Фамилии в паспортах были разные. В паспорте Тары также была отметка, что она мусульманка. Что же связывало её с христианской семьёй?

После того, как Тара целый день провела под охраной в камере, ей разрешили вернуться домой, предупредив, что она не должна выезжать из города. Ей сказали, что скоро её вызовут повторно. Таре нужен был какой-либо знак от Бога, что-то, что поддержало бы её. Теперь у неё не было паспорта. Скоро разведка свяжется с её семьёй, и тогда ей конец. Иногда она думала о том, какой способ отец изберёт, чтобы убить её...

Однажды, когда Тара выходила из помещения разведки, к ней подошёл офицер и прошептал ей на ухо:

— Тара, послушай меня, я — друг одного из твоих двоюродных братьев. Я знаю, кто ты. Ты должна уехать из страны как можно быстрее. Не только ты находишься в опасности.

Тара удивилась и одновременно почувствовала облегчение. Это было чудо, что офицер разведки не только не арестовывал её, но и хранил её тайну, а также подтвердил её мысли о необходимости бежать из страны. Да, ей необходимо было как можно быстрее уехать из Пакистана. Но как? У неё теперь нет паспорта. И даже если бы он у неё и был, куда ей ехать?

Рубин сразу же начал обходить одно иностранное посольство за другим, пытаясь получить для Тары визу. Ему везде отказывали, объясняя, что девушка должна иметь знакомых или родственников в их стране, которые готовы были бы предоставить ей финансовую поддержку. Наконец, одна из стран Ближнего Востока согласилась дать ей визу на три месяца за тысячу долларов США. Тара не очень радовалась тому, что поедет в другую мусульманскую страну, однако у неё не было выбора. В день, когда девушка оплатила визу, она узнала о выдаче ордера на свой арест. Сотрудникам управления разведки стало известно о том, что она организовывала крещения бывших мусульман и сама приняла христианство. Её обвиняли

в вероотступничестве. Тара также узнала, что её родители написали заявление, в котором обвиняли её в том, что она приняла христианство, и, согласно законам ислама, требовали ей смертной казни через повешение.

В полном отчаянии Тара целыми днями не выходила из комнаты. Она ежедневно ждала, что семья найдёт и убьёт её. А что ещё хуже, они могут убить и всех членов семьи, принявшей беженку, и все из-за неё. Её молитвы стали короче, но она всегда молила Бога не оставлять её, быть её Эммануилом, особенно теперь, когда ей грозила виселица.

«У БОГА ЕСТЬ ДЛЯ ТЕБЯ РАБОТА!»

Тара постепенно теряла надежду, а Рубин настойчиво пытался получить для неё новый паспорт и документы, удостоверяющие личность для визы. Он уговорил Тару коротко постричься и сфотографироваться в темных очках, поскольку получил фиктивный документ, подтверждающий, что она настолько больна, что не может сама прийти в правительственное учреждение для получения удостоверения личности. В воскресенье, на Пасху 1996 года, Рубин забежал в комнату Тары с хорошей новостью:

— Тара, у тебя есть все документы для выезда из страны. Радостной Пасхи!

— Не могу поверить! — воскликнула Тара. — Как тебе это удалось? Сколько тебе это стоило?

— Не имеет значения, — ответил парень с сияющей улыбкой. — Я же говорил тебе, что Бог поможет! Он провёл тебя так далеко не для того, чтобы ты попала в лапы разведки, особенно если принять во внимание все неприятности, через которые тебе пришлось пройти. У Бога есть для тебя работа, Тара!

Его сияющая улыбка свидетельствовала о том, что он рад был разделить с девушкой эти неприятности.

Тару тронула преданность и настойчивость Рубина в его желании помочь. Он был для неё больше, чем брат, он был надёжным другом в беде и никогда не изменял ей. Подумав об этом, Тара снова расстроилась. Ей жаль было расставаться со своей христианской семьёй, жаль оставлять церковное служение.

— У меня есть ещё одна просьба, — сказала она Рубину перед отъездом. — Я хочу принять участие в крещении, которое мы запланировали для новообращённых.

Рубин хотел отказать ей, но уже устал спорить с Тарой и знал, что она все равно уговорит его.

— Ладно, — вздохнул он, — но сразу после крещения ты уедешь из страны.

На следующий вечер Тара присутствовала на тайном крещении. Она знала всех шестерых новообращённых, а каждый из них знал невероятную историю Тары. Девушка доверяла всем им. Теперь все они были в одной лодке.

Некоторые из них были из Пакистана, однако большинство из других стран. Один был из Китая, ещё один — из Афганистана, а двое других — из Ирана и Ирака. Обычно новообращённые из других стран путешествовали через Пакистан.

Тара удивлялась тому, как Бог распоряжается судьбами людей. Она вынуждена оставить свою страну из-за своей веры, а они обрели веру в её стране.

Большинство христиан из общины даже не подозревали, что происходит в жизни Тары. Ведь трудно доверять тем, кто так заботился о собственной безопасности.

НОВАЯ ИЗМЕНА

Проблемы Тары в Пакистане остались позади, однако теперь её ждали другие испытания. На какое-то время она освободилась от преследований своей семьи, но ей все ещё приходилось быть чрезвычайно осторожной, чтобы не выдать себя.

Даже в другой стране Тара всё ещё находилась в опасности. Её в любой момент могла арестовать исламская полиция и депортировать обратно в Пакистан. А случись это, её отдадут прямо в руки отца, и её судьба будет решена.

В новой стране жизнь приготовила для девушки ещё одну проблему. В мусульманском мире принято, что до 25 лет женщины выходят замуж. Если к этому возрасту женщина остаётся незамужней, это означает, что она — проститутка, и обычно её арестовывают, перевоспитывают и насильно выдают замуж. В Тары не было желания выходить замуж, особенно теперь, когда её жизнь совсем не устроена. А тем более она не хотела, чтобы её замужество устраивали исламские власти. Кроме того, теперь у неё не было поддержки её приёмной семьи, и визу ей выдали только на три месяца.

Тара осознала, что если постоянно думать о ситуации, в которой она оказалась, это разрушит её веру. «*Я потеряла всё,* — постоянно повторяла она, — *но обрела Бога. Я потеряла мало, а обрела так много. Эммануил — Бог со мной. Кто может быть против меня? Я получила больше, чем когда-либо смогу потерять. Эммануил — Бог со мной*». Эти слова стали её молитвой, которая сопровождала её в очередной ад и снова, уже в который раз, спасала от него...

Рубин договорился, что Тара поработает секретарём в церкви в этой новой для неё стране, однако заработанных денег едва хватало на еду. Вторую половину дня она готовила еду для семьи пастора, жена которого говорила больше о моде и ювелирных украшениях, чем о Христе. Тара думала о том, что неужели она рисковала жизнью ради такой веры, и её снова окутывало беспокойство. Она боролась с депрессией, а в её душу закрадывались отчаяние и безысходность.

Со временем Тара нашла работу у дизайнера одежды. Теперь она имела право получить вид на жительство в стране ещё на три года. Одна проблема была решена, но ещё большая ждала её впереди.

Получив вид на жительство, Тара начала выезжать с членами церкви в другие места для евангелизации. Ей легко было заводить новых друзей, а вот определять, кому можно довериться, было гораздо сложнее.

В то время одним из новых друзей Тары стал человек, работавший в пакистанском «Христианском журнале», о чём девушка не знала. Он узнал от своих знакомых в Пакистане о том, что Тара не та, за кого себя выдаёт. Желая выведать историю её жизни, он как-то подошёл к Таре после богослужения.

— Тара, тебе, наверное, очень трудно здесь, в чужой стране. У тебя нет семьи, и языка ты не знаешь, — сказал он. — Приходи к нам, поедим, пообщаемся. Позволь помочь тебе.

Тара согласилась. «*Хорошо будет завести больше друзей»,* — подумала она.

Во время её первого посещения журналист выполнил своё обещание. Кроме Тары, он пригласил к себе домой ещё нескольких христиан её возраста, чтобы пообедать и пообщаться. Однако затем начал задавать Таре множество вопросов — конкретных, детальных — о её прошлом.

— Прошу вас, я не хотела бы говорить о себе, — ответила она вежливо, не желая обидеть своего нового друга. Когда он пригласил её ещё раз, Тара отказалась.

Не собираясь так легко сдаваться, на следующий день журналист снова позвонил Таре.

— Тара, я знаю, что у тебя финансовые трудности. Мы хотим тебе помочь, — сказал он. — Пожалуйста, приходи и расскажи нам о себе, и мы соберём для тебя денег. Мы — твои друзья. Ты можешь довериться нам.

Тара неохотно согласилась. На тот момент единственными христианами, знавшими историю Тары, были члены её приёмной семьи в Пакистане и ещё ограниченный круг людей. Она была очень осторожна и никому не рассказывала о себе, поскольку хранить тайну было для неё делом жизни и смерти.

Прошёл месяц, Тара встречалась с другими репортёрами. И каждый раз те, с кем она говорила, жалели её и обещали сделать всё возможное, чтобы помочь. Прошёл ещё месяц. Ещё больше интервью, ещё больше жалости и сострадания, но денег не было. Тара начала задумываться над тем, что же происходит. Однажды к девушке позвонила женщина и спросила, сколько денег она получает в банке ежемесячно.

— Вы о чём? У меня нет счета в банке! И банк, конечно же, не даёт мне денег. Почему бы банк давал их мне?

— Это, наверное, какая-то ошибка, — удивилась женщина. — Люди жертвовали деньги на твой счёт и убеждены, что ты их получаешь. Насколько я понимаю, там много денег.

Тара поняла, что её использовали, а женщина лишь подтвердила ужасную правду. Откровенное свидетельство девушки было использовано с целью преступного обогащения, чтобы заработать деньги на её страданиях. Вскоре после этого Таре в руки попал журнал. В одной из статей рассказывалось о мусульманской девушке-подростке, которая удивительным образом нашла Христа и бежала от своей семьи, которая хочет её убить. В статье было названо её имя! Тара не верила своим глазам.

— Как это могло произойти? — воскликнула она. Теперь её семья знает, где её искать.

Тара была в отчаянии. Выходя из церкви после утренней воскресной службы, она думала, с какими ещё обманом и хитростями ей придётся столкнуться, когда к ней подошёл мужчина. История повторилась:

— Расскажи нам историю своей жизни, — предложил он, — а мы найдём деньги, чтобы помочь тебе.

А потом добавил, что Тара очень красива, и он думает, что она очень одинока.

Так вот в чём дело! Тара размахнулась и влепила ему пощёчину.

— У вас есть жена и дочь! — воскликнула она. — Вы — христианин! Как вы можете такое говорить?

Мужчина был потрясён реакцией Тары. Он приложил руку к покрасневшей щеке и проворчал:

— Ты заплатишь за это!

Он не решился устроить скандал, так как недалеко от них шли другие люди.

— Ладно, — ответила Тара, кипя от злости. — Скажите мне, сколько я должна заплатить, и я заплачу. Только оставьте меня в покое.

Через три дня, вечером, в окно маленькой квартирки Тары влетел камень. Девушка слышала, как внизу на улице кричали мужчины, но она не поняла, что, потому что кричали на ломаном арабском. Она выглянула из-за занавески как раз тогда, когда мужчины нагнулись, чтобы набрать камней. Они снова начали швырять их и разбили другое окно. Теперь она могла различить отдельные слова:

— Мусульманка... стала христианкой! Вероотступница! Полиция! Позовите полицию!...

Она снова выглянула и увидела, как мужчины сели в такси и уехали. Тара узнала двух из них. Это были друзья мужчины, которому она дала пощёчину.

Тара молилась, чтобы они не исполнили свои угрозы вызвать полицию, надеясь, что они просто пытались запугать её. Если даже это был обман — он сработал. Да, она испугалась. Но они не шутили. Через несколько часов на пороге квартиры Тары появилась полиция. Её отвели в полицейский участок.

ВСЕ ОТДАЮ В РУКИ БОГА

— У нас есть сведения, что вы, мусульманка, и приняли христианство. Вы замужем? — так начался допрос. Тара знала, что полиция могла легко узнать, кто она, кто её отец, и

получить доступ к её делу в Пакистане. Она отвечала коротко, уклончиво, про себя повторяя, между вопросами, одно единственное слово: Эммануил.

Через несколько часов полиция отпустила её, пригрозив, что будет следить за ней. Её придирчиво расспрашивали, почему она не замужем, и посоветовали скорее найти себе мужа. Они даже сказали, что есть человек, который готов взять её в жёны.

Очень быстро Тара превратилась из жертвы, чьи окна разбили, в обвиняемую. Таковы «права» христиан в мусульманском мире.

МУЖ ДЛЯ ТАРЫ

Следующие четыре месяца прошли без особых происшествий. Тара стала успешным дизайнером одежды, активно участвовала в церковном служении. Она также помогала бывшим мусульманам, принявшим христианство и скрывавшимся от своих семей. Такое служение подходило для Тары, за спиной которой было десять лет практического опыта в этой области. Всё же она помнила, что человек, которому она дала пощёчину, не был удовлетворён тем, как было разрешено её дело. Он жаждал большей мести. Тара видела это по его глазам. Он хотел завладеть Тарой или уничтожить её.

Девушку не устраивало ни первое, ни второе.

Однажды Тара была дома, когда зазвонил телефон. Звонил он. У него были новости для Тары. Он с гордостью заявил, что написал статью и вывесил её на доске объявлений у церкви. В статье говорилось о том, что Тара — проститутка, именно поэтому она так хорошо одевается и не замужем. Он пригласил её прийти посмотреть на дело своих рук.

В ярости Тара бросила трубку. Этот человек не собирался отступать. Она не боялась, что подумают члены её церкви. Те, кто её знают, знают правду. Она не могла выйти замуж, посколь-

ку постоянно находилась в опасности. А красивую одежду девушка шила сама. Настоящая проблема возникнет с полицией. Эта статья очень скоро попадёт им в руки. Ей было приказано немедленно выйти замуж, а эта статья только подольёт масла в огонь. Когда о ней узнает полиция, за Тарой снова придут.

Прошла неделя, и страхи Тары подтвердились.

Девушку арестовали и поместили в исламский лагерь, где её должны были перевоспитать в соответствии с законами ислама и выдать замуж за мусульманина. Запертая в маленькой комнате, Тара тихонько молилась. Она не знала, как ей выбраться из лагеря, если она не согласится выйти замуж. Теперь, казалось, круг замкнулся.

Её отец хотел, чтобы она вышла замуж, и готов был убить её, если она откажется. То же самое происходит и сейчас. Если Тару не удастся «перевоспитать», её вернут к родителям в Пакистан. Однако Тара решительно отвергла предложение отца и не собиралась уступать руководству лагеря. Не имея никаких шансов на спасение, она с молитвой полагалась на Божью волю.

Прошло почти три месяца. Тару заставляли ежедневно заучивать наизусть отрывки из Корана. Когда занятий не было, она узницей сидела в своей комнате. Наконец, однажды её монотонную жизнь нарушил неожиданный визит:

— Тара, к тебе пришли.

— Ко мне пришли? Но никто не знает, что я здесь.

— Он говорит, что хочет поговорить с тобой. Мы думаем, что было бы хорошо, если бы ты пошла с ним.

— Пошла с ним? — испугалась Тара. — Я даже не знаю этого человека, а вы хотите отправить меня с ним?

Тара была огорчена и убеждена, что это очередная попытка заставить её выйти замуж. Мужчина приглашал её на обед и пообещал, что после обеда она сразу же вернётся. Таре эта идея не нравилась, хотя хорошо было бы выйти куда-нибудь из комнаты. Она решила, что пойдёт, но во время обеда не будет обращать на этого человека никакого внимания.

Он был одного возраста с Тарой, высокий и красивый. Он говорил приятным тихим голосом:

— Тара, я знаю, кто ты. Я узнал о тебе от друга-мусульманина.

Тара пыталась игнорировать его слова. Но чем больше он говорил, тем больше привлекал её внимание.

— Я тоже христианин, — тихо сказал он. — Но никто об этом не знает. Я бежал из Пакистана, как и ты. Мы с тобой из одного города. Я также знаю, что уже решено, что ты выйдешь замуж за мусульманина, у которого есть три жены.

Тара знала об этом, но всё же съёжилась от страха. Она пыталась делать вид, что её совершенно не интересует то, о чём говорил молодой человек, и ей это удавалось до тех пор, пока он не произнёс:

— Если ты откажешься, тебя депортируют в Пакистан к отцу.

Тара не знала, верить ли ему. Как такое возможно, чтобы перед ней сидел христианин из её города?

— Так чего же вы хотите? — нерешительно спросила Тара.

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, — ответил он.

ЧУДО ВО ПЛОТИ

Когда Тара вернулась в лагерь, её уже ждали три чиновника.

— Мы приняли решение относительно тебя, Тара, — заявил один из них. — Ты выйдешь замуж за Захида. У твоего будущего мужа уже есть три жены, и он согласен взять ещё и тебя. Он хороший человек. Мы всё устроим, тебе не придётся ни о чём беспокоиться. А если ты откажешься, тебя депортируют в Пакистан.

Вот он, момент принятия решения. Тара не ответила мужчине, пригласившему её на обед, когда он предложил выйти за него замуж. Всё происходило слишком быстро, и ей нужно было время, чтобы подумать, время помолиться. Ей хотелось

поговорить со своей семьёй — с кем-нибудь, кто хорошо знал её, кто мог бы дать совет.

— Я не выйду замуж за Захида, — уверенно возразила Тара, удивив всех присутствующих.

— В таком случае можешь паковать чемоданы. Ты возвращаешься в Пакистан.

— Я упакую чемоданы, но не для этого. Я выхожу замуж не за Захида. Я выхожу замуж за мужчину, который пригласил меня на обед, — твёрдо возразила Тара.

Все удивились, но не возражали. Им была безразлична судьба девушки, лишь бы отдать её в надёжные мусульманские руки.

Тара позвонила мужчине, с которым обедала, и сообщила, что принимает его предложение. Она все ещё не была уверена в искренности его намерений и считала этот шаг рискованным. Однако он был настолько же рискованным, как и выйти замуж за Захида, мусульманина, у которого уже было три жены. Она знала, что в этом случае ожидает её.

Приняв это важное решение, Тара снова обратилась к Эммануилу, к Богу, который завёл её так далеко. Ей было уже почти двадцать семь лет, и на протяжении более десяти из них она скрывалась. Если будущий муж обманет её, она знала, что с ней будет. Но если он был с ней искренен, то он — Божье чудо во плоти. Благодаря ему она сможет выйти из лагеря и избавиться от бесконечных сплетен о проституции. Возможно, он вместе с ней будет проповедовать Евангелие и помогать тем, кто тайно принял христианство? А может, её ждёт ещё одна неудача? В голове роилось множество мыслей...

Вдруг Тара вспомнила молитву, которую так часто повторяла в лагере. Она снова решила положиться на волю Божью. И снова помолилась о её свершении. Теперь всё в руках Господа. «Эммануил, Бог с нами, — молилась она, — будь со мной».

ЭПИЛОГ

Мужчина, за которого Тара вышла замуж, оказался чудом во плоти. Преданный христианин, он вместе с Тарой проповедует Евангелие и помогает тем, кто отказался от ислама и принял христианство.

У них есть сын Джеймс. Они всё ещё скрываются. Тара и её муж постоянно находятся под пристальным наблюдением полиции. Их часто вызывают в участок и допрашивают. «Кто приходил к вам на обед? Почему вас не было дома в четвёртом часу? Где вы были?»

Жизнь для Тары и её семьи — постоянная игра в прятки. Наибольшие проблемы, возможно, их ждут ещё впереди. Через несколько лет, когда маленький Джеймс научится говорить, его тоже будут допрашивать представители исламских властей.

За несколько месяцев до встречи с авторами «Непоколебимых в вере» Тару нашел один из её двоюродных братьев, которого наняли, чтобы разыскать её, вернуть к родителям и осуществить над ней «справедливую месть».

Чтобы защитить Тару, мы не можем подробно рассказать ни о том, где она живет, ни о её христианской деятельности. В одном мы твёрдо убеждены: она живёт не так, как большинство современных христиан. Даже члены её церкви не знают историю жизни бывшей мусульманки и не догадываются о том, как каждый день своей жизни она рискует. Богу нужны такие дети, как Тара, которые могут указать другим сыновьям и дочерям истинный путь.

ЛИНГ:

ВРЕМЕННЫЕ СТРАДАНИЯ

Китай
1973 год

Девятнадцатилетняя Линг со своей старшей сестрой всё утро ходили по деревне — просили подаяния. Теперь они отдыхали под большим деревом гинкго, которое росло рядом с их хижиной. Мама позвала Линг:

— Линг, быстро иди сюда. Тебя хочет видеть отец.

Она и её сестра проводили большую часть времени около крошечной хижины из травы и бамбука, которую семья называла домом. Часто они просили что-нибудь из пищи у соседей или искали уголь в отходах сталеплавильного завода, который находился поблизости. Они отдавали уголь своим родителям для продажи или приготовления пищи. Линг знала, что её семья всегда была очень бедной, но в последнее время дела пошли ещё хуже. И без того плохое здоровье её отца резко ухудшилось, и Линг беспокоилась о своей матери и о том, что будет дальше.

— Линг, пожалуйста, не заставляй отца ждать, — умоляла её мать измученным голосом. Линг с неохотой оставила своё укромное место под старым деревом и подошла к матери, сёстрам и маленькому брату, стоявшим вокруг кровати, на которой спали все шестеро. Это был главный предмет мебели в их однокомнатной хижине.

— Линг, подойди поближе, — тихо произнёс отец. — Я хочу посмотреть на твоё красивое личико.

Линг села на край кровати и попыталась улыбнуться. Ей было жаль видеть отца таким. С тех пор как он вернулся с больницы в последний раз, он был таким слабым, почти беспомощным. Мать не говорила им, но Линг знала, что отец умирает. Рак истерзал его тело, и он уже много месяцев не мог работать.

Отец поднял руку и провёл вдоль кровати, где стояли, плача, его жена и дети.

— Дети, пожалуйста, обещайте мне, что будете заботиться о своей маме. И о себе также. Я ещё недолго буду здесь с вами, но всегда помните, что я люблю вас.

Мать Линг плакала, и отец ласково коснулся рукой её лица.

— Пообещай мне, что, когда меня не станет, ...ты выйдешь замуж за более крепкого мужчину. За кого-то, на кого можно будет положиться, кто будет заботиться о тебе лучше, чем я. И, пожалуйста, всегда молись Богу.

Всем, кто знал мать и отца Линг, было ясно, что они любят друг друга. Линг никогда не слышала, чтобы родители кричали друг на друга или даже сказали резкое слово. Ей было невыносимо больно видеть, что отец умирает, а мать обезумела от горя. Её раздражало то, что они всегда говорили о Боге и молились, она никогда этого не понимала. Линг часто видела, как её родители стоят на коленях у кровати. Однажды она спросила их, что они делают, и они ответили, что «разговаривают с Богом».

«Так где же Бог сейчас? — думала Линг. — *Если Бог действительно есть, почему мой отец умирает?»* Она едва сдержалась, чтобы не заплакать, и выбежала из комнаты.

В тот день вечером мать Линг сообщила детям о приезде дедушки и бабушки — родителей отца. Линг удивилась, её дедушка и бабушка не особенно жаловали своего сына и его семью. Мало того, бабушка прокляла их за то, что у них больше не было сыновей.

Через несколько дней после того, как умер их сын, дедушка и бабушка действительно приехали, но они едва зашли в дом. И отказались помочь с похоронами.

У матери Линг не было денег, чтобы купить гроб, и, не получив помощи от родственников, она тщательно завернула тело в самую красивую голубую ткань, какую смогла найти. Это будет «мягкое захоронение», как принято среди беднейших из бедных.

Линг, её печальная мать и сестры думали, что хуже положения быть не может, но они ошибались. Приготовившись уезжать, дедушка и бабушка объявили, что забирают с собой маленького брата Линг. Мать Линг и остальные дети бурно протестовали, но бесполезно. Маленького мальчика у них отобрали.

Три девочки и мать остались в хижине, размышляя над тем, как долго им удастся продержаться.

— Линг, пожалуйста, стань на колени и помолись со мной, — сказала её мать однажды утром. Неохотно Линг опустилась на колени возле кровати рядом с матерью. Наступала зима, пол был холодный, и её колени замёрзли. Линг обижалась на мать, она думала о том, что они и так уже достаточно страдали.

Рядом с Линг тихо всхлипывала мать. Сначала Линг думала, что она плачет от горя, однако вскоре поняла, что та изливала душу, разговаривая с Богом. Самой Линг нечего было сказать. Она постоит на коленях, поддерживая свою мать, да и только. В конце концов, какой смысл говорить с воздухом? И даже если Бог действительно существует, она не хочет разговаривать с Ним после того, как Он заставил их так страдать.

Несколько месяцев после смерти отца семья Линг с трудом прожила, благодаря помощи некоторых соседей, которые их жалели, но жизнь становилась всё труднее. Наконец мать Линг сказала, что они уедут и будут жить с её родителями в провинции Хенан. В Китае женщин убеждали, что они должны полагаться на мужчин. Женщина не должна быть одна, и правительство отказывалось помогать одиноким женщинам.

Когда Линг приехала к дедушке и бабушке, она была удивлена тем, какой у них большой дом. Родители её матери не были богатыми людьми, но у них был дворец по сравнению с хижиной, в которой выросла Линг. Бабушка Линг провела их через узкую кухню в заднюю комнату. Это была маленькая убогая комнатка, которая раньше использовалась как кладовая.

— Здесь вы все будете жить, — небрежно произнесла она. Линг посмотрела на маленькую убогую комнатку и иронически ухмыльнулась. Теперь она чувствовала себя как дома.

Новая жизнь началась с бесконечных ссор между матерью Линг и её бабушкой из-за того, что мать хотела устроиться на работу в местную производственную бригаду, чтобы со временем купить себе жилье, а бабушка хотела, чтобы её дочь снова вышла замуж.

ОТЧИМ

Однажды, когда Линг вернулась из школы, ещё не войдя в дом, она услышала, как мать с бабушкой спорят.

— Но, мама, я не хочу снова выходить замуж! — настаивала её мать, в её голосе слышалось отчаяние. — Я никогда не смогу никого полюбить так, как я любила Юнга. Когда я согласилась переехать сюда, ты знала, что я не хочу выходить замуж. Если бы ты попросила в производственной бригаде, чтобы мне дали работу и позволили купить свой дом, я знаю, что смогла бы позаботиться о детях. Пожалуйста, мама, не делай этого.

— Ты здесь уже два года, — кричала ей в ответ бабушка. — Я не могу больше терпеть этого! Шу Тан приличный человек и может позаботиться о твоих детях. Кроме того, твой отец уже обо всём договорился. Ты выйдешь замуж на следующей неделе.

На следующей неделе у Линг появился отчим.

Линг рассердилась, когда услышала резкий голос отчима, она так тосковала по нежному тону голоса отца. Шу Тан об-

ращался с Линг и её сёстрами как со скотом, и Линг втайне презирала его.

Быть бедным — одно дело, но ещё хуже — быть бедным и вынужденным жить с отчимом, который обращается с тобой, как со служанкой.

Всё же Линг терпела и никому не раскрывала своих чувств. Теперь, когда мать снова вышла замуж, им позволили работать, и после школы Линг работала в поле в пастушьей бригаде. Чтобы определить жалование рабочих, руководство подсчитывало очки. Мужчина, работающий усердно, мог заработать до десяти очков в день. Молодая Линг зарабатывала девять.

Линг также изобрела простое орудие для получения тофу: его должен крутить бык, идя по кругу, и им можно было измельчать соевые бобы между двумя жерновами. Шу Тану идея понравилась, но он жалел деньги на то, чтобы купить быка, поэтому заставил крутить жернова Линг и её старшую сестру. В течение последующих четырёх лет «бычья работа» стала частью повседневной жизни девушек.

Выполняя такой тяжёлый труд, к своему пятнадцатилетию Линг стала очень сильной и закалённой девушкой, и с нетерпением ждала дня, когда сможет стать самостоятельной. Её презрение к отчиму усиливалось ежедневно, потому что он получал доходы от тофу, который готовили Линг и её сестра, но отказывался купить быка. А зачем? Для этой тяжёлой работы у него же были падчерицы.

Первые две недели своего замужества мать безутешно плакала, теперь она начала реже молиться. В деревне Рутайн было всего несколько тайных христиан и только одна Библия, которую мать Линг, будучи неграмотной, всё равно не могла читать. Она всегда повторяла одну и ту же молитву, Линг слышала её даже среди ночи: «Прошу Тебя, Господи, защити моих детей, особенно Линг и её сестру. Их заставляют много работать. Прошу, защити их и сохрани. Это всё, чего я прошу».

Линг удивлялась, почему мать говорила об их с сестрой рабском труде с Богом, когда она должна была говорить об этом с самим рабовладельцем! «Очевидно, что Бог не помогает нам», — с горечью думала Линг каждый раз, когда отчим заставлял их работать ещё больше. Возможно, отчим делал это потому, что подозревал о растущей враждебности к себе Линг. Он настаивал, чтобы девушка вышла замуж. И даже предлагал помочь ей. «Так будет лучше для всех», — говорил он.

Линг знала, что отчим хочет избавиться от неё: одним ртом будет меньше.

НЕВИДИМЫЙ БОГ

Линг не знала, что ей делать. Если она откажется выйти замуж, то опозорит всю семью. Маме будет стыдно за неё, и ей трудно будет пережить эту боль. Если же она выйдет замуж, она боялась, что её муж будет таким же, как Шу Тан. Ей оставался один выход: покончить жизнь самоубийством. Смерть казалась единственным выходом, она поможет избежать порабощения. Такие тяжёлые мысли роились в голове девушки и болью отзывались в её сердце.

Мать Линг знала, что у дочери состояние глубокой депрессии, и очень волновалась за неё.

— Линг, ты прирождённый лидер, — сказала она однажды, пытаясь ободрить дочь. — У Бога есть для тебя особый план.

Линг отказывалась слушать мамины разговоры о невидимом Боге, они казались ей бесполезными. Чувство безысходности только росло. Линг приходилось выполнять всё более тяжёлую работу, а потом ещё и выслушивать мамины суеверия.

Зная, в какой депрессии находится Линг, мать не выпускала её из виду. Она боялась, что девушка покончит жизнь самоубийством. Однажды ей, наконец, удалось привести Линг на

небольшое церковное собрание, которое проходило в одном из домов деревни.

Линг согласилась: это было лучше, чем молоть соевые бобы для тофу. Собрание даже развеселило её. Там было всего четыре человека: Линг, её мать и двое других односельчан. Линг сидела, слушала, как трое христиан поют церковные гимны, псалмы, и размышляла о вере своей матери.

Как она может так слепо верить в Бога, которого не видит? Несмотря на свой скептицизм, Линг не могла не заметить, с каким восторгом мать исполняла псалмы. Казалось, будто она пела невидимым ангелам.

«У БОГА ЕСТЬ ОСОБЫЙ ПЛАН ДЛЯ ТЕБЯ!»

Несколько дней спустя Линг услышала, как мать снова молится за неё. На этот раз её слова привлекли внимание Линг. «О, Господи, — тихо молилась мать, — прошу Тебя, спаси моих детей, особенно Линг. Ты знаешь, какой своевольной и непослушной она бывает. Пожалуйста, используй её безудержную энергию для Своей славы». Эта часть молитвы матери была знакома Линг, поэтому, ещё раз услышав эти слова, девушка лишь хмыкнула. А вот следующая часть молитвы поразила её: «Я слышала историю об Аврааме, который предложил своего сына Исаака в жертву Тебе, — продолжала мать. — Поэтому я тоже хочу отдать Тебе в жертву одну из моих дочерей. Я хочу отдать Тебе Линг».

Линг вздрогнула: «*Меня — в жертву?* Моя мать совсем рехнулась!!!»

Молитва матери не выходила у девушки из головы в течение нескольких дней. Она смущала и мучила её. Наконец однажды утром, услышав, что мать снова молится, Линг влетела в комнату и воскликнула:

— Ты опять отдаёшь меня в жертву своему Богу, мама? Ты хочешь, чтобы Он убил меня тяжёлой работой или, может, молнией? И где тот Господь Иисус, о котором ты постоянно твердишь? Пусть Он станет передо мной, чтобы я прикоснулась к Нему, тогда я поверю! И какие люди попадают в рай? Отчаявшиеся старухи, как ты? И как ты туда попадёшь? Ты думаешь, что выберешься на дерево или по лестнице ты попадёшь в рай?

По лицу матери Линг видела, что делает ей больно. Она не хотела причинять боль, она просто не могла больше этого терпеть.

Линг прислушалась к своему резкому тону голоса и осознала, что таким же тоном она разговаривает с сёстрами. Своей храбростью и умением убеждать она заработала среди сестёр репутацию лидера. Сестры обычно соглашались с требованиями Линг, они знали, что, если ослушаются, она может доставить им массу неприятностей. Линг осознала, как бессердечно она кричит на свою мать, и пожалела, что оскорбляет её чувства, однако так жить она больше не могла, не могла больше слышать её бессмысленные молитвы, обращённые к несуществующему Богу.

Время шло. Линг продолжала тяжело работать. Ей удавалось уклоняться от замужества с мужчинами, которых ей предлагал отчим, и он наконец сдался и просто не обращал на неё внимания. Линг заметила, что благодаря влиянию матери поведение отчима несколько изменилось. Она почувствовала некоторое облегчение. Но её не покидало чувство вины за то, что тогда она так бесстыдно набросилась на мать. Надеясь загладить свою вину, Линг продолжала еженедельно ходить с матерью на церковные богослужения.

Наступила весна, и Линг перестала думать о самоубийстве.

Однажды она крутила жернова, перемалывая сою для тофу, когда мать подбежала к ней, крича:

— Линг, он здесь! Он здесь!

— Кто здесь? — удивилась Линг.

— Евангелист, о котором мы так много слышали, — пояснила мать. — Разве ты не помнишь, я тебе говорила. Он будет сегодня проповедовать, и я обещала, что мы придём. Беги, скорее переодевайся!

Прежде, чем Линг успела возразить, мать исчезла в доме.

«*Отлично,* — подумала Линг, — *самозваный авторитет в области религии*».

В тот вечер она пошла на собрание только лишь для того, чтобы порадовать мать. Старый проповедник говорил красноречиво и легко, даже не проповедуя, а просто рассказывая об Адаме и Еве и объясняя, как в мир пришёл грех. Он сказал, что Бог так любит присутствующих на собрании, что послал Своего Сына на крестную смерть, чтобы простить им грехи. Линг чувствовала, как его слова проникают ей в душу и смягчают её сердце. Она никогда не знала такой любви и такой жертвы. Она слышала эту историю и раньше, но не понимала её так живо.

Позже в тот вечер она сидела в доме своей тёти, рассматривая крест, висевший на стене перед ней, а в её душе усиливалось волнение. Она подошла к кресту и коснулась его, вспоминая историю, так ярко рассказанную проповедником.

«*Иисус умер за меня, а что я сделала для Него?*» — спрашивала она себя, раскаиваясь. Линг опустилась на пол, плакала и обращалась к невидимому Богу, которого так упорно отрицала. Вскоре она почувствовала нежное прикосновение на своём плече. Это была мать.

— Мама! Прости меня, — плакала Линг. — Прости за всё плохое, что я сказала о Боге, и за то, как я смеялась над тобой, за то, что не верила тому, что ты говорила. Я такая плохая. Как Бог может простить *меня*?

Мать обняла дочь и теперь уже сестру во Христе. Ей на глаза навернулись слезы радости.

— Линг, дорогая, ты прощена, — сказала она. — Божья благодать привела тебя сюда сегодня, и теперь ты будешь Его дитём всегда. Я — самая счастливая мать в мире! Я верю, что у Бога есть особый план для тебя. Я всегда верила в это.

Линг не плакала с тех пор, как умер её отец.

АГНЦЫ СРЕДИ ВОЛКОВ

На протяжении всего следующего года Линг вместе с матерью посещала еженедельные библейские собрания теперь уже не как наблюдатель, а как член их растущего сообщества. Её депрессию сменила радость, которая струилась изнутри, и она верила, что все её неприятности остались позади.

Однажды девушке приснился сон.

Узкая тропа пролегала полем. С левой стороны пшеница была высокая и зелёная, она слегка покачивалась от ветра. А справа пшеница была спелая, и некоторые стебли клонились вниз от веса большого жёлтого колосья. Линг смотрела то вправо, то влево и думала, какими хорошими должны быть погода и почва, что созрел такой урожай.

На следующее утро Линг рассказала о своём необычном сне матери. Она удивилась, когда та призналась, что ей снилось нечто подобное. Она видела тяжёлые спелые колосья пшеницы, а также маленький росток фасоли, который рос посреди поля, и слышала голос, который призывал её «поливать нежный росток, иначе он засохнет».

Никто из них не знал, что значит этот сон, однако обе были убеждены, что обязательно должна быть какая-то причина, почему они видели подобные сны.

Ответ на свой вопрос Линг с матерью получили на следующей неделе во время молитвенного богослужения, когда читали текст из Евангелия от Луки: «И сказал им: жатвы много, а

делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков»[1].

Размышляя над значением этих снов, Линг разволновалась, ей очень хотелось знать, что её ждёт впереди и что Господь приготовил для неё. Ей также хотелось знать, о чём идёт речь во второй части стиха.

— Но как я могу быть проповедницей? — спросила она мать. — Я ещё очень молода и почти ничего не знаю. У меня даже нет Библии.

Мать посмотрела на Линг и улыбнулась. Она точно знала, что означали эти сны: её дочь будет нести Евангелие заблудшим душам в Китае. В этом она не сомневалась ни на миг.

Вскоре после того, как Линг исполнилось шестнадцать лет, почти без денег, без еды, не имея Библии и не зная, куда идёт, девушка сама отправилась проповедовать Евангелие по стране. Она хотела подождать, пока узнает больше, но мать настаивала:

— Тебе не нужно много знать. Просто рассказывай об Иисусе. Расскажи людям то, что знаешь. Если это от Бога, Он благословит тебя.

Получив материнское благословение, Линг отправилась в путь.

Она шла от деревни к деревне, рассказывая людям о своей вере. Когда она приходила в деревню, где у людей была Библия, она заучивала наизусть стихи, которые потом цитировала. Она также заучивала псалмы. Она никогда раньше не знала, как хорошо она может петь, пока не увидела, как её пение привлекает людей, которые потом остаются послушать, что скажет молодая проповедница.

То, что молодая незамужняя девушка одна путешествует по Китаю, привлекало к ней внимание людей.

Бог благословил стремление Линг проповедовать Евангелие. Чем больше она путешествовала и проповедовала, тем

[1] Евангелие от Луки, 10:2–3.

больше людей собиралось послушать её. Она удивлялась, что там, где на прошлой неделе её слушали семь человек, на следующей неделе собиралось семьдесят. В Евангелии ведь написано: поля созрели. Люди хотели услышать Евангелие, и Бог призвал Линг для того, чтобы она была одним из Его проповедников. Девушку переполняли чувства, и она постоянно молилась, чтобы быть достойной такого призвания. Больше всего она хотела быть примером для других. Она хотела проповедовать то, что знала и чем жила сама.

Линг очень хотелось иметь Библию, и она начала просить Бога, чтобы Он послал ей Священное Писание. «Как может проповедник Слова Божьего обойтись без него?» — спрашивала она Бога.

Харизматическая личность Линг и страстная преданность Богу привлекали к девушке много молодёжи. Молодые люди предложили сопровождать её, и молодая проповедница с радостью согласилась.

Людей приходило всё больше и больше. Желание Линг проповедовать Слово Божье росло, и она чувствовала, что не может дальше обходиться без Библии. Она посетила деревню, где у верующих была лишь часть Евангелия от Матфея, и они прочитали притчу о десяти девах. Пять дев были мудрыми и запаслись достаточным количеством масла для своих светильников, а пять были глупыми, они не взяли масла для светильников. Понимая отрывок буквально, члены церкви всё время носили с собой запас масла, чтобы не остаться без него, когда придёт Господь[2].

Линг очень хотелось иметь собственную полную Библию, чтобы самой изучать её и помогать другим понимать её. Поэтому, узнав, что у женщины в соседней деревне есть Библии, девушка сразу же отправилась туда. Оказалось, что у женщины было несколько Библий. Их прибило к берегу после того, как группу миссионеров-христиан заставили выбросить их за борт,

[2] Евангелие от Матфея 25:1–13.

когда они пытались ночью провезти их контрабандой в Китай. Христиане подобрали их на берегу и тщательно высушили на солнце каждую страницу.

Когда Линг попросила у неё Библию и рассказала о том, как Бог призвал её проповедовать Евангелие, женщина очень встревожилась.

— Что ты! — ответила она. — Эти Библии очень ценны. Ты знаешь, как трудно достать Библию? Я даже не знаю, верующая ли ты?

Линг умоляла её, однако напрасно. Женщина не хотела расставаться ни с одной из Библий. Бедняга Линг имела такой удручённый вид, что женщина сказала, если она процитирует молитву Господню без единой ошибки, то изменит своё решение.

Линг ушла, радуясь тому, что теперь у неё есть надежда. Она вернулась в деревню, в которой, как ей было известно, у старого верующего была Библия. Он относился к Библии со священным благоговением. Увидев Священное Писание, Линг поняла, почему он относится к нему с таким трепетом. Вся Библия этого человека была написана от руки. Руки этого брата по вере теперь были скрюченные от того, что он провёл тысячи часов, копируя каждый стих, букву за буквой.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Когда Линг объяснила свою просьбу, старик осторожно вручил ей Библию и позволил переписать молитву Господню. Линг была полна благоговения, её поразили аккуратно выписанные иероглифы. Она думала о том, сколько же лет ему понадобилось, чтобы переписать тысячи стихов Библии. Во время своих последующих путешествий Линг видела много подобных Библий. Эти Библии, эта тяжёлая работа, вложенная в них и исполненная с любовью, помогли ей ещё больше

оценить важность Слова Божьего. Она заучивала наизусть отрывки из Библии. Девушка дала обет распространять Библии по всему Китаю, отдавать их другим верующим, если Бог поможет ей осуществить эту мечту и получить собственный экземпляр Божьего Слова.

Возвращаясь к дому женщины, Линг волновалась, правильно ли она запомнила Господню молитву. А если старик допустил ошибку, переписывая её? А если она переписала неправильно?

Впрочем, Линг не стоило беспокоиться. Она сдала экзамен на отлично — прочитала Господню молитву без единой ошибки. Затем женщина попросила девушку помолиться вслух, чтобы убедиться, что она молилась искренне, и начала задавать ей множество вопросов о её служении и о том, как она обратилась к Богу. Наконец, закончив допрос, женщина опустилась на колени рядом с Линг, прижала Библию к груди, поцеловала и протянула её девушке. Она попросила прощения за то, что так тщательно проверяла её, а потом объяснила:

— После того, как наши братья нашли эти Библии на берегу, они начали распространять их по всему Китаю. Это было очень опасно, и некоторые из них поплатились за это жизнью. Помня об их жертве, я ещё больше ценю эти Библии.

Линг покинула дом женщины с Библией в руках. Часть книги была ещё мокрой, поскольку женщина не успела высушить все страницы. Линг открыла 10-ю главу Евангелия от Луки осторожно листая влажные страницы, и со слезами на глазах прочитала знакомые слова: «И сказал им: жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков».

Линг хорошо поняла первую часть поручения Иисуса. Она пошла работать для Бога, и урожай был поистине велик. Теперь она размышляла над тем, каким образом осуществится вторая часть этого стиха. Она молилась и просила у Бога сил.

ЕЁ РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ

Заглавие выглядело зловеще: «Их разыскивает полиция за преступление против государства».

«Каждый, кому известно о местонахождении лиц, чьи имена указаны ниже, должен немедленно сообщить местным властям. За помощь в их розыске будет выплачено вознаграждение» — было написано дальше. Линг прочитала и вздрогнула. Пробегая глазами по списку фамилий, девушка увидела среди них много друзей и соратников на ниве Божьей. А потом она увидела своё имя...

Это открытие не удивило её, однако отрезвило. В течение некоторого времени всё было спокойно. Миссионерское служение Линг было очень успешным. Она помнила, как старый евангелист изменил её жизнь, когда приехал в их деревню и рассказал об Адаме и Еве, о грехе, о спасительной жертве Иисуса Христа, и следовала его примеру.

Скоро девушка осознала, что самым действенным было читать отрывки из Священного Писания вслух. Многие китайцы знали, насколько редкостной книгой была Библия, они внимательно слушали истории и пытались, как губки, впитывать их.

К удивлению Линг, неприятности начались с её родственников. Линг путешествовала по деревням, и слухи о её миссионерской деятельности распространялись быстро. Родственники начали обвинять девушку в том, что она позорит свою семью. «Она уже взрослая, — говорили они. — Ей следует выйти замуж, а не бродить по окрестностям, как сумасшедшей».

Линг подумывала о том, чтобы вернуться домой, однако по другой причине. Её отчим, который зарабатывал на изготовлении тофу, неистовствовал от ярости. Сначала он был убеждён, что Линг вернётся, как только проголодается. Но проходили месяцы, и он осознал, что Линг ушла навсегда. Она, конечно же, возвращалась время от времени, но только для того, чтобы навестить свою семью.

Отказываясь нанять работника или купить быка, Шу Тан заставил крутить жернова мать Линг. Узнав об этом, девушка пришла домой и сказала маме:

— Для тебя это слишком трудно. Я останусь дома.

— Нет, только не это, Линг, — сказала мать. — Пообещай мне, что будешь верна призыву Господа. Я могу с этим справиться. Это малая плата за то, чтобы ты имела возможность проповедовать Евангелие, понимаешь? Ты *должна* продолжать служить на Господней ниве.

Линг поступила так, как просила мать. Однако вскоре у неё появились другие проблемы. В некоторых деревнях местная полиция начала врываться в дома, где проводили «несанкционированные богослужения» и «культовые события». Многие верующие начали бояться принимать Линг в своих домах, а иногда даже в своих деревнях. Порой ей отказывали даже в еде. Линг пешком путешествовала всё дальше и дальше, в более отдалённые деревни. Она могла бы доехать туда автобусом всего за 50 центов, но даже таких денег у неё не было.

К счастью, когда друзья узнали о пеших путешествиях Линг, они подарили ей туфли. Девушка была очень благодарна за такой подарок!

Несмотря на усиление давления, Линг видела результаты своего служения. Часто послушать её приходило более ста человек. Нередко, благодаря своему громкому голосу, она могла обращаться к большим группам людей на служениях под открытым небом. Во многих деревнях появились домашние церкви. Они были такими активными, что правительство начало обращать на них внимание. Сначала христиане отрицали, что они отвергают официальную, разрешённую правительством церковь. Ведь даже если бы они хотели стать её членами, на сто шестьдесят километров вокруг них не было ни одной общины.

Вскоре преследования правительством христиан усилились. В ответ верующие перенесли свои собрания в отдалённые ме-

ста, а пение и проповеди стали более тихими. Теперь Линг нужно было быть осторожной, знать, кому доверять, она не могла находиться в одном доме в течение длительного времени. Девушка познакомилась со многими иностранными миссионерами в своей местности, и они часто просили её о встрече. Линг знала, что это опасно для неё и привлекает внимание полиции, однако всегда соглашалась встретиться с братьями и сёстрами из-за границы и рассказать им о том, что Бог делает в Китае. Миссионеры привозили Библии. Линг с удовольствием распространяла их среди членов новых домашних церквей. Там, куда она ходила, Библия была редкостью, и часто она могла подарить лишь одну Библию на целое религиозное братство. Поэтому Библию продолжали переписывать от руки.

ГРЯЗНЫЕ КОЛЕНИ, ОТКРЫТЫЕ СЕРДЦА

К зиме 1983 года преследования и аресты христиан приобрели угрожающий размах. Линг приходилось всё время скрываться, зная, что её имя, как и имена многих её друзей, занесено в перечень лиц, разыскиваемых полицией. Теперь о том, чтобы пойти домой проведать мать, не могло быть и речи. Полиция следила за их домом. Во время пребывания Линг в деревне Токвиль ей пришлось отвести жителей села далеко в поле, чтобы в безопасности поделиться с ними своим знанием Евангелия. Дождь лил как из ведра, спрятаться было негде, но все остались послушать её. Поражённые услышанным, они запоминали каждое слово девушки.

Когда Линг призвала к молитве покаяния, люди опустились на колени прямо в грязь. Колени девушки, как и других людей, утонули в болоте. В тот день более ста человек приняли Христа. Линг радовалась вместе с ними, одновременно опасаясь того, что ждёт их впереди. Но она знала, что ветер Святого Духа будет дуть даже среди огня преследований. Она снова

пообещала себе, что останется верной своему призванию, несмотря на то, что будет ждать её впереди.

В деревне Датвин, в тридцати километрах от селения, где остановилась Линг, она встретила нескольких других путешествующих проповедников. Они проповедовали Евангелие и пытались скрыться от преследований. Один из них был известен под именем дядя Фоон. Он, как и другие, служил Господу на протяжении многих лет и разделял взгляды и видение Линг. Дядя Фоон был старшим в группе. Он уже отсидел пять лет в трудовом лагере.

Линг и другие проповедники держались вместе. Десять евангелистов, девять мужчин и Линг, посвятили себя проповеди учения Иисуса Христа, пока домашняя церковь не будет узаконена. Они также дали обет, что те из группы, кто ещё не были связаны семьёй, как, например, Линг, не будут создавать семьи, пока их служение не принесёт богатые плоды.

На удивление, самой большой проблемой, с которой столкнулись евангелисты, были даже не гонения, а огромная потребность в Библиях. Они согласились, что Линг возьмёт на себя ответственность за то, чтобы получать Библии, поскольку она уже имела контакты с иностранными миссионерами, которые контрабандой ввозили Библии в Китай. Когда Линг не была занята организацией новых церквей вместе с дядей Фооном, она занималась поиском Библий.

ТЯЖЁЛЫЙ ТРУД, ВОЗРАСТАЮЩАЯ ОПАСНОСТЬ

В свободное от проповеди и распространения Библий время Линг ежедневно проезжала по 30–40 километров. Теперь в основном на велосипеде. Эти поездки были очень опасными. Линг знала, что за ней следит полиция. Ей было известно, что её арестуют, и это лишь вопрос времени. На собраниях она стала читать больше библейских отрывков о преследованиях.

Она хотела, чтобы церковь была готова к ним. И если это произойдёт с ней, она хотела дать верующим хороший пример. Работать становилось всё труднее. Часто она ничего не ела в течение целого дня. Некоторые прихожане начали осуждать её.

— Ей всего двадцать лет, — говорили они, — она незамужняя женщина. Зачем ей такая работа?

Некоторые из тех, кто насмехался над ней, были просто невоспитанными людьми, некоторые завидовали. Так или иначе, Линг страдала.

В 80-е годы Линг и её братья по служению продолжали свою работу и всё чаще слышали, что христиан преследуют, арестовывают и даже пытают. Правительство Китая было обеспокоено быстрым ростом домашних церквей, тогда как официальные церкви теряли прихожан. Линг и другим проповедникам было ясно, что верующие ищут личных, близких отношений с Господом и исполнения Святым Духом, что и приводит к росту числа подпольных домашних церквей. Правительство вело масштабную национальную кампанию по подавлению христианских церквей по всей стране. Преследования особенно усилились после того, как местной полиции предоставили право расправляться с христианами (особенно с христианскими руководителями) по своему усмотрению. Чаще всего это означало пытки и заключение без суда.

К началу 90-х годов Линг была известна тысячам верующих как мудрый и сострадательный руководитель. Ей удавалось ускользать из лап полиции — по крайней мере, пока что.

НЕ ИЗМЕНЯЯ СВОЕМУ ПОСВЯЩЕНИЮ

В апреле 1994 года Линг почувствовала сильную физическую усталость.

— Тебе необходимо немного отдохнуть, — посоветовал ей дядя Фоон. — А может, пора выйти замуж?

Но Линг отказывалась:

— Я пообещала другим руководителям нашей группы. Мы все договорились, что не будем отдыхать, жениться и выходить замуж, пока церковь не окрепнет. Верующим необходимо, чтобы руководители поддерживали их, помогая пережить преследования, которые происходят в стране. Кроме этого, в Гуанджоу прибыл груз с Библиями. Я беру с собой Шена и Яна, чтобы забрать их. Мы вернёмся через несколько дней.

Дядя Фоон забеспокоился, но решил не спорить с Линг. Она была упрямой, однако именно по этой причине он и взял её в свою команду. Он знал, что Бог использует страстную преданность девушки, чтобы помочь недавно созданным домашним церквям расти и процветать. Кроме того, дядя Фоон и его жена полюбили Линг, как родную дочь.

Фоон знал о трудностях Линг, о том, что иногда ей приходится испытывать на себе зависть членов церкви и неприятие тех, кто не может понять, почему она не выходит замуж. Размышляя обо всех испытаниях, которые приготовила для Линг жизнь, дядя Фоон молча помолился за девушку, глядя ей вслед.

НАКОНЕЦ ПОЙМАНА

Во второй половине дня Линг и её помощники забрали Библии и по дороге домой решили посетить старого приятеля. После долгого трудного путешествия они наслаждались тёплым приёмом, общением и отдыхом. Было уже довольно поздно, когда Линг вышла на улицу, чтобы позвонить. Выйдя из квартиры в тихий переулок, девушка услышала, как кто-то обращается к ней по имени. Вглядевшись в темноту, она разглядела при свете уличного фонаря фигуру полицейского. Первая мысль — бежать, однако, оглянувшись, она увидела ещё одного офицера.

«*Ну,* — подумала Линг, — *наконец меня поймали*». Она ждала этого момента с тех пор, как много лет назад увидела своё имя в списке разыскиваемых полицией. Однако девушка твёрдо верила, что её не поймают, пока этого не позволит Бог, и теперь она находила утешение в этой мысли.

— Вы должны пойти с нами, — приказал полицейский, показав свой значок. Было очевидно, что её ждали, и хотя Линг хорошо знала, что будет дальше, она облегчённо вздохнула, подумав о том, что они арестуют только её и не причинят проблем другим верующим, а также не будут обыскивать крошечную квартирку их друга.

Однако вместо того, чтобы отвести арестованную к машине, полицейские повели её в направлении дома.

— Куда вы меня ведёте? — запротестовала Линг.

— Внутрь, — ответил один из полицейских. Он был высокий, как Линг, и говорил спокойным голосом, что нервировало девушку и лишало присутствия духа. Шагая к зданию, Линг лихорадочно думала: «*Шен и Ян оба женаты, может, полиция не заберёт их в тюрьму. Сколько Библий они найдут? Уничтожила ли я адрес и описание дороги к дому пастора после того, как забрала у него Библии?*»

Войдя в квартиру раньше полицейских, Линг прошептала Шену и Яну:

— Скажите им, что я наняла вас и что вы ничего не знаете. Я возьму всю ответственность на себя.

Полицейские быстро толкнули её в кресло и бросили перед ней на стол официальный документ. В начале документа она увидела своё имя.

— Подпиши, — рявкнул полицейский. Он ткнул Линг ручку, и она начала читать документ. Это был ордер на обыск и изъятие «доказательств». Она подписала документ и вдруг почувствовала, как сильно она устала. Она знала, что ночь будет долгой...

Полицейские приступили к работе и перевернули всю квартиру вверх дном. Линг наблюдала за тем, как они рылись в её одежде. А потом они нашли коробки с Библиями...

Линг отвезли в тюрьму № 91, одну из четырёх печально известных тюрем Китая. Полицейским, которые вели допрос, нужны были три вещи: имена, имена и ещё раз имена. «Кто вас поддерживает? Кто остальные руководители? Кто вам дал Библии?» Зная, какими ужасными будут последствия, если она назовёт хоть одно имя, Линг отказывалась отвечать.

Допросы продолжались в течение двух месяцев.

Её допрашивали очень часто, остальное время Линг должна была работать вместе с другими заключёнными. Заключённые изготавливали зажигалки для сигарет. Контроль качества был чрезвычайно строгим, поскольку зажигалки экспортировали на Запад.

Линг заболела, у неё была очень высокая температура, её состояние ежедневно ухудшалось. Если она не выполняла дневную норму, её били.

«МЫ ЗНАЕМ, КАК ЗАСТАВИТЬ ТЕБЯ ГОВОРИТЬ!»

В июле Линг перевели в другую тюрьму. Полиция родного города узнала о её аресте и добилась её экстрадиции. Преследуя девушку на протяжении почти десяти лет, они были очень довольны, когда узнали, что Линг в тюрьме. Полиция её города имела огромный опыт допросов. Один из полицейских сказал ей:

— Мы знаем, как заставить заключённого говорить!

Ослабевшая после болезни и непосильного труда в тюрьме № 91, Линг очень страдала во время допросов. Губы у неё были холодные, она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Допросы были жестокими, но она никого не выдала.

Техника допросов здесь значительно отличалась от первых допросов, которые ей пришлось перенести, когда её арестовали. Здесь тоже хотели, чтобы она назвала имена.

— Кто ещё с тобой работал? — снова и снова спрашивали Линг. — С кем у вас связи за рубежом? Расскажи о ваших несанкционированных собраниях. Кто поставляет вам литературу и Библии?

От допросов у девушки кружилась голова, но она держалась и не выдавала имён, хотя соблазн был большой. Иногда во время допросов Линг показывали фотографии, на которых она была снята рядом со своими коллегами. «*Если они и так знают, с кем я работала, почему им так необходимо, чтобы я назвала имена?* — размышляла Линг. — *И какой вред это может сейчас принести?*»

Однажды в комнату для допросов вошли десять человек. Один из них держал небольшой зажим, открытый с обеих сторон. Двое охранников повалили Линг на пол, положили её на живот и загнули руку за спину, а вторую через плечо, так что руки у неё были за спиной над позвоночником. Третий охранник придавил ей спину своим сапогом и стянул обе руки вместе. Двое других быстро зажали зажимом её большие пальцы. Они крепко закрутили зажим, чтобы пальцы соприкасались.

Линг слышала, как трещат её кости, суставы её плеч были натянуты в неестественном положении. Когда руки отпустили, тело девушки пронзила невыносимая боль.

«Зажим для пальцев» был жестокой пыткой, и правительство запретило применять её к женщинам. Линг стонала, страдая от боли, и думала о том, что в деревнях ей часто отказывали в работе, потому что она — женщина — несла мужское служение. А теперь её пытают, как мужчину.

Линг знала, что её ждёт впереди. В тот миг она подумала, что у неё есть выбор: умереть или предать своих братьев. Она решила, что смерть будет менее болезненной.

— Встань! — закричал полицейский и ударил девушку по ногам. Она попыталась стать на колени, но жестокий удар палкой по спине снова свалил её на пол. Боль пронзила её тело, как удар молнии. Она не могла дышать, едва могла шевелиться. Её запястья опухли, руки затекли от того, что были зажаты за спиной.

— Я не могу... — голос Линг вздрогнул, но она старалась не потерять сознания. Капли холодного пота сбегали по её лбу и жгли глаза, а она, в муках, обращалась к Богу. Она думала, так чувствовал себя Иисус, когда молился в Гефсиманском саду, зная, что Ему придётся страдать и умереть. Она думала, что умирает...

...Допрос длился три часа, пальцы Линг были зажаты зажимом за спиной, её тело было мучительно изогнуто. Наконец она потеряла сознание от боли.

Когда Линг пришла в себя, она лежала лицом вниз на полу своей грязной камеры. Она слышала отдалённые голоса. Наконец в камеру кто-то вошёл и положил её на деревянную кровать. Линг не могла двигаться, боль была слишком сильной. Она даже не могла встать, чтобы поесть или сходить на ведро. Она лежала на кровати пятнадцать дней, тогда как полиция решала, что с ней делать дальше.

Постепенно девушка приходила в себя после мучительных пыток и прожила в ужасных условиях тюрьмы ещё пять месяцев. Затем её неохотно освободили, потому что против неё не было веских доказательств и её не смогли заставить назвать фамилии других верующих.

СТРАДАНИЕ — ЭТО ШКОЛА

Был холодный и ветреный январский день 1995 года, когда Линг постучала в дверь своей сотрудницы.

— Линг! — воскликнула Руфь, увидев перед собой исхудавшую истощённую женщину. Она быстро затянула Линг в дом, обняла и начала расспрашивать: — Линг, мы так беспокоились о тебе! Почему ты не связалась с нами? Ты такая худая! С тобой всё в порядке? Полиция ничего нам о тебе не говорила. Как ты выжила? Как тебя выпустили?

Новость о возвращении Линг быстро распространилась между верующими, и друзья организовали в её честь импровизированный праздник. Линг была измучена, но радовалась тому, что она снова вместе со своими братьями и сестрами во Христе. Когда они собрались, чтобы поблагодарить Господа и помолиться, Линг сказала:

— Спасибо вам большое за ваши искренние молитвы за меня на протяжении этих последних месяцев. Я знаю, что не смогла бы выдержать всё без Божьей помощи и без вашей поддержки. Поверьте, было много таких дней, когда я думала, что больше не выдержу, но в такие времена Бог всегда напоминал мне о Своей любви. Я думаю, что страдания — это школа. Если вы успешно окончите эту школу, значит, вы выполнили свою задачу. Но если вам это не удастся, вас уничтожат. Для меня такой школой была тюрьма. Пока я была в тюрьме, я полностью доверяла Богу и благодаря этому доверию ещё больше приблизилась к Нему. Я всегда учила вас, что среди любых испытаний необходимо быть сильными для Бога. Теперь я могу сказать с ещё большей уверенностью, что Иисус будет с вами — независимо от того, что вам придётся пережить.

Перед своим арестом Линг изучала жизнь Павла и других апостолов из Нового Завета, пострадавших за Христа. О них она рассказывала и тем, кого учила. Теперь она шутила со своими коллегами о том, что, попав в рай, она сначала поприветствует Христа, а затем пожмёт руку Павлу и спросит его: «Когда ты жил на земле, была ли твоя жизнь такой же тяжёлой, как и моя?»

Линг исполнилось тридцать лет, и она пережила столько физических мук, что ей было трудно жить обычной жизнью. Всё же, желая служить, она сразу же включилась в работу домашних церквей, вела занятия по изучению Слова Божьего, встречалась с иностранцами, чтобы получать Библии, следила за тем, чтобы Благая Весть распространялась в отдалённых районах Китая.

Из-за жестокости преследований правительства в 1980-х годах, христиане рассеялись по всему Китаю, и сеть домашних церквей насчитывала несколько миллионов верующих. Теперь Линг ещё упорнее работала над тем, чтобы каждая церковь получила хотя бы одну Библию.

Как-то в сентябре 1996 года Линг провела супругов-миссионеров из Европы, вернулась домой и вдруг услышала стук в дверь. Было десять часов вечера.

Мужской голос с другой стороны двери требовал:

— Открывайте, нам нужно проверить вашу прописку.

Линг посмотрела на Фоона и Шена и покачала головой. Она знала, что это — арест. Линг открыла дверь, и в комнату ворвались пятеро полицейских.

— Вы арестованы! — сказал один офицер, а другой надел на Линг и её друзей наручники. Линг в отчаянии наблюдала, как полицейские снова разбрасывали вещи. Её ждала ещё одна долгая ночь...

ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ

Когда они прибыли в полицейский участок, их встретил тот же полицейский со спокойным голосом, который допрашивал Линг во время предыдущего ареста.

— Это — Линг... — начал подчинённый.

— Да, да, я знаю её, — ответил офицер, самодовольно улыбаясь. — Мы давние друзья. Ну, Линг, на этот раз тебе не

удастся вырваться от нас. Дело на тебя и на твою группу производит огромное впечатление. Сегодня взяли ещё двоих ваших руководителей. Я бы сказал, мы хорошо поработали.

— Отведите её в камеру в двенадцатый блок, — обратился он к дежурному, направляясь к двери. — Я иду домой.

Прошла неделя. Линг волновалась всё больше, размышляя о том, почему её не допрашивают? Почему офицер так спокоен? Как они узнали о других? Линг время от времени впадала в панику, волнуясь, что они, видимо, знают очень много. Она думала, что полиции хорошо известно о том, какой влиятельной стала Линг. Они, наверное, следили за ней с тех пор, как освободили её после первого ареста. Они, несомненно, знали, как часто она виделась с зарубежными друзьями. И, конечно же, знали обо всех людях, с которыми она встречалась и обсуждала вопросы развития домашних церквей.

Всё это имело смысл. Количество церквей увеличилось во много раз, поэтому рано или поздно полиция всё равно узнала бы подробности её служения. Она опасалась, что слова Иисуса: «...смотрите, Я посылаю вас, как агнцев среди волков» — снова станут для неё реальностью, но настойчиво готовила себя к тюремной жизни.

Следующие четыре месяца были для Линг чрезвычайно тяжёлыми.

— Прошу вас, — иногда умоляла она своих палачей, — если вы хотите меня убить, то убейте. Если хотите вынести мне приговор — сделайте это. Если хотите освободить — освободите! Но не держите меня здесь без причины, как в прошлый раз.

Однако на неё почти не обращали внимания, разве что охранники иногда плевали или издевались над ней.

Иногда Линг думала, что потеряет рассудок. Каждый день она проводила на твёрдой деревянной скамье, которая служила ей кроватью. Крошечная камера, предназначенная только для кратковременного пребывания арестованных, была постоянно

сырой, с крыши всё время текла вода. Иногда в камере содержалось до двадцати женщин, которые большую часть времени вынуждены были вычерпывать из камеры воду.

Хотя других заключённых часто переводили из этой камеры в другие тюрьмы, а сюда приводили новых арестованных, которых снова переводили или освобождали, руководство тюрьмы игнорировало Линг, и она всё время оставалась в этой крошечной камере. Ей не позволяли лечь в течение всего долгого дня и даже опереться о стену, а заставляли выпрямившись стоять или сидеть на деревянной доске. Тучи мух и комаров донимали её и делали эту грязную камеру ещё более отвратительной.

Наконец, однажды, в дверях камеры появился офицер с каким-то документом в руке.

— Подпиши это, — приказал он.

Линг протянула руку через решётку, чтобы взять листок.

— Что это? — спросила она.

— Просто подпиши, — прорычал офицер, сунув ей листок. — Тебя переводят.

Сердце Линг замерло, когда она быстро пересмотрела документ и увидела, что её отсылают в «воспитательно-трудовой лагерь» на три года. Обычно по получении уведомления заключённым давали пятнадцать суток, чтобы обжаловать приговор и попытаться защитить себя. Однако Линг лишили такого права.

— Тебя отправят сегодня же, — сообщил ей офицер.

Прежде чем Линг успела выразить свой протест, он развернулся и пошёл длинным тюремным коридором, стуча каблуками блестящих тяжёлых ботинок по цементному полу.

Три года.

«О, Господи, прошу Тебя, помоги церквям», — тихо молилась Линг, когда тюремный фургон вёз её в местность, известную в Китае как Восемнадцатимильная река, где был расположен лагерь. Она была благодарна за всё, чего ей с другими служителями удалось достичь, однако волновалась, что с ними будет дальше. Из десяти руководителей их сети домаш-

них церквей, по крайней мере, четверо теперь были в тюрьме. Дядя Фоон находился в местной, а двух других отправили в другую тюрьму.

Когда их привезли, Линг выдали порцию риса, маленький пакет с личными вещами и отвели в камеру.

МОЛИТВА В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ: ВАЖНА, КАК ВОЗДУХ

— Привет, Линг! Нам сказали, что тебя привезут, — услышала она, как только дверь камеры со звоном захлопнулась. Как оказалось, сокамерницами Линг теперь будут несколько верующих из одной из её групп. Она улыбнулась, услышав радостное приветствие. Казалось, они были счастливы, что Линг в тюрьме, однако она знала, они просто рады, что её поместили в их камеру. Сестры обнялись и прошептали молитву. Линг думала о том, сколько ещё верующих со временем присоединится к ним.

Ей дали верхнюю кровать, и в ту же первую ночь Линг, забравшись на неё, начала молиться вслух.

— Эй, — крикнула одна из заключённых. — Здесь этого делать нельзя. Если тебя поймают, то накажут.

— Но христианам нельзя запретить молиться. Это всё равно, что запретить им дышать, — ответила Линг.

— И не только это, — добавила женщина. — Носить длинные волосы здесь тоже не разрешается.

Линг провела рукой по своим длинным блестящим чёрным волосам. Она не гордилась своей внешностью, но не могла даже представить, что ей срежут волосы. Она всегда носила длинные волосы, как и её мать. Она подумала о том, какой уродливой она наверное будет с короткими волосами. Она чувствовала, что на глаза наворачиваются слезы, и молча попросила Бога сохранить её волосы. Ещё не закончив свою просьбу, она осознала, что просить об этом глупо, ведь, оглядевшись,

увидела, что у всех женщин волосы были короткими и все они были некрасивы.

Жизнь в лагере отличалась от жизни в тюрьме. После долгих недель в тюремной камере Линг была рада возможности выходить на улицу. Еда здесь была немного лучше, но в течение трёх месяцев испытательного срока ей приходилось работать по 15–16 часов в день, изготавливая парики. Проводя рукой по твёрдой щетине на голове, Линг снова подумала об иронии. Работа по изготовлению париков была скучной и тяжёлой, и заключённых часто тошнило, поскольку трудно было выполнить дневную норму.

Жизнь стала монотонной и однообразной: просыпаешься, ешь, работаешь и спишь. Потом опять: просыпаешься, ешь, работаешь и снова спишь. Иногда заключённым приходилось работать даже всю ночь, если поступал крупный заказ или если кто-то не выполнял дневной нормы. Здесь труднее было найти время, чтобы подумать о Боге и помолиться, как она привыкла. После стольких лет, когда она свободно путешествовала Центральным Китаем, проповедовала, учила, заботилась о людях, эта новая жизнь с множеством правил и ограничений была для неё страшным ударом...

ЗДЕСЬ У БОГА ЕСТЬ ЦЕЛЬ ДЛЯ НАС

Каждое утро заключённые поднимались в пять часов утра по свистку. У них было десять минут, чтобы заправить койки и выстроиться во дворе, пятнадцать минут, чтобы поесть, и весь день — для работы на фабрике. Такой распорядок был установлен на все семь дней недели, отдыха не было. Жизнь каждого из заключённых, так же, как и жизнь Линг, была монотонной. Они изнемогали под гнётом тяжёлой работы. Линг работала рядом с проститутками, торговцами наркотиками, ворами, похитителями детей и другими отбросами общества. Ей,

измученной долгими часами непосильного труда, становилось всё труднее и труднее молиться вечером, потому что очень хотелось спать.

Спустя несколько недель Линг осознала, что приходит в себя. Решив полагаться лишь на Божью волю, девушка снова почувствовала неудержимое желание делиться своей верой с окружающими.

— В каждой ситуации Бог хочет, чтобы мы научились послушанию, не так ли? — сказала она верующим сокамерницам. — Поэтому я знаю, что у Бога есть цель в том, что мы находимся здесь. Нас окружают преступники, и я знаю, что Бог хочет, чтобы мы научились любить этих людей.

Линг была благодарна за то, что в этом большом трудовом лагере была группа верующих. Когда одна из них унывала, другая подбадривала сестру во Христе. И хотя Линг огорчало, что они не могут открыто молиться, она всегда находила место и время, чтобы ободрять женщин и вместе обращаться к Отцу, например, когда им разрешали выйти в туалет в течение рабочего дня или когда они стояли в очереди за едой.

Вскоре лидерские способности Линг были замечены руководством лагеря и её назначили бригадиром. Это дало Линг больше возможностей подавать пример благочестия, поскольку теперь она отвечала за пятьдесят женщин в бараке и как бригадир руководила работой двухсот женщин на фабрике по изготовлению париков. Хотя работа была тяжёлая и ссоры между заключёнными иногда выводили её из терпения, Линг безупречно выполняла свои обязанности и, в конце концов, завоевала сердца нескольких женщин, работающих в её бригаде.

— Почему ты здесь? — часто спрашивали её. — Ты такая добрая, такой хороший руководитель. Ты могла бы сделать хорошую карьеру.

Линг использовала каждую возможность, чтобы рассказать, почему её посадили в тюрьму, в результате чего многие заключённые стали тайными верующими. Хотя в лагере и не было

Библий, Линг учила их молиться и тем отрывкам из Святого Писания и псалмам, которые сама знала наизусть. Девушка часто вспоминала тщательно переписанную от руки Библию старого верующего и своё обязательство выучить большие отрывки из Святого Писания.

Теперь она была рада, что выполнила своё обещание.

«МОЖЕТ ЛИ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, КАК Я, ВЕРИТЬ?»

Тюремные власти продолжали замечать отличную работу Линг: её бригада добилась наилучших показателей в труде и в ней было меньше драк и несчастных случаев, чем в других бригадах. Однажды начальница Линг, офицер Тао, остановила её в коридоре фабрики.

— Линг, я смотрела твоё дело, — сказала она. — Я знаю о твоей деятельности и о том, что ты была влиятельным христианским руководителем. Теперь ты здесь уже одиннадцать месяцев, и я вижу, как ты работаешь и как ведёшь себя с другими заключёнными, особенно с грубыми и постоянно сердитыми, которые доставляют больше всего неприятностей. Кажется, ты так привязана к ним, а ведёшь себя совершенно иначе, чем они. Почему?

Линг ответила:

— Я не поступаю так, как они, потому что я христианка и посвятила всю свою жизнь Иисусу Христу. Я живу благодаря Ему и для Него. Он даёт мне силы любить этих людей.

Линг затаила дыхание, ожидая реакции офицера Тао. За одно только упоминание о религии ей могли увеличить срок заключения или посадить в «коробку» — камеру-одиночку. Она никогда не знала, хочет ли тот, кто спрашивает её, устроить ей западню или искренне желает узнать о Христе. Однако, к удивлению Линг, её начальница выпалила:

— А может такой человек, как я, верить в Иисуса?

— Конечно! — ответила Линг. — А вы не боитесь потерять работу? Не боитесь, что вас лишат звания?

— А ты не боишься, что я могу наказать тебя и продлить срок твоего заключения за то, что ты говоришь такую ерунду? — воскликнула офицер Тао.

— Для меня главное знать, что моё пребывание здесь имеет цель. Я могу остаться здесь навсегда, лишь бы вы поверили в Иисуса.

— Тебе здесь *нравится*?

— Нет, совсем не нравится, — ответила Линг. — Но я здесь потому, что Иисус любит вас. Моя жизнь и ваша жизнь даны Богом.

Офицер Тао задала ей ещё несколько вопросов, Линг старательно ответила на каждый из них, каждый раз пытаясь перевести разговор на любовь и благодать Бога.

Офицеру Тао было интересно, однако её нелегко было убедить, и их тайные разговоры продолжались много месяцев подряд. Наконец однажды Тао сказала Линг:

— Даже если я стану верующей, мне нужно будет скрывать это. Там, где я живу, есть христиане, но я никогда не говорила с ними. Мне трудно сделать это из-за моего положения. Ты первая христианка, с которой я познакомилась.

В ответ Линг улыбнулась, а в душе продолжала молиться за Тао.

Девушка работала и служила Господу в лагере ещё два года, но её здоровье ухудшилось из-за долгих часов непосильного труда и плохого питания. Иногда она размышляла над тем, сколько ещё сможет продержаться. Однажды в один из декабрьских дней офицер Тао позвала Линг в свой кабинет. Она сидела за столом. Вид у неё был суровый, в руках — лист бумаги.

— Что случилось? — спросила Линг.

— Пришёл приказ по поводу срока твоего заключения, и мне нужно его подписать, — ответила Тао.

Линг была ошеломлена. Она судорожно пыталась вспомнить, что же произошло за последнее время, что дало бы повод продлить срок её заключения.

Девушка не могла вспомнить ровным счётом ничего, хотя, конечно же, кто-то мог оклеветать её перед начальством. Тао и Линг стали друзьями, и Линг продолжала свидетельствовать ей о Христе. Может быть, кто-то подслушал их разговор?

Мысли христианки беспорядочно роились в голове. Она очнулась, только когда услышала, как офицер зачитывала окончание приказа: «...ваш срок заключения на один год».

Сердце Линг ушло в пятки. Взглянув на неё, Тао удивилась унылому выражению лица девушки.

— Линг! Ты слышишь меня? — строго спросила начальница. — Тебя признали успешно реабилитировавшейся и *уменьшили* твой срок на год!

Линг не могла произнести ни слова.

— Должна признать, что впервые вижу, что тебе нечего сказать, — улыбнулась Тао. — Поздравляю, Линг, тебя освободят меньше чем через три недели.

ДРУГОЙ МИР

Спустя три недели утренний холод пронизывал худое тело Линг, когда она стояла около лагеря по щиколотки в снегу, взволнованно ожидая дядю Фоона. «*Реабилитировали*», — думала она. Это просто означало, что её не поймали, когда она проповедовала Евангелие другим узникам. Это также означало, надеялась она, что хоть на какое-то время её оставят в покое.

Линг была счастлива вернуться к служению проповедника, ободрять христиан, но она также знала, что её здоровье уже не такое, как было раньше. В тюремной жизни было много такого, что оставило глубокий след на её физическом состоянии. *О, Господи, помоги мне привыкнуть к жизни на*

свободе. И прошу Тебя, не оставь сестёр, которые всё ещё находятся в тюрьме.

Подъехала маленькая машина Фоона и Шена. Линг так радовалась, что они снова вместе. За предыдущие два года её навещали очень редко, ведь если бы кто-нибудь из верующих приезжал к ней в тюрьму, у них были бы большие неприятности.

Скоро она узнает, что некоторые из руководителей церкви обзавелись семьями, у других родились дети, организовалось несколько новых групп. Как только машина выехала на шоссе, Линг почувствовала, что её тошнит. «*Ещё одно, чего я давно не делала,* — подумала Линг. — *Я так давно не ездила в автомобиле*».

Линг мучила тошнота все четыре часа пути. Она свернулась калачиком на заднем сидении и старалась думать только о радости свободы.

Как она и предполагала, ей было трудно снова приспособиться к жизни на свободе. Лагерь — это совершенно другой мир. В лагере никогда не разрешали выключать свет. Фабрика всегда работала, и даже камеры были хорошо освещены. Пока Линг была в тюрьме, руководство церкви укрепилось, что делало её возвращение к своей роли ещё более затруднительной, поскольку она была женщиной. Линг было жаль, что теперь ей нет места среди руководителей церкви, однако она отдавала себе отчёт в том, что очень нуждается в отдыхе и не в состоянии взять на себя большую ответственность, пока не вылечится. Так что, может быть, это и к лучшему.

АРЕСТОВАНЫ ВСЕ

Линг жила в семье одного из руководителей церкви. Это был большой дом в Центральном Китае, где Линг выделили комнату на втором этаже. В этом доме с девятнадцатого по двадцать третье августа проходила тайная встреча руководи-

телей церкви. Линг очень хотела присутствовать на встрече, однако в это время она выполняла важное задание в Западном Китае. Она подозревала, что руководство пыталось таким образом защитить её от неприятностей, хотя точно не знала, так ли это. На встрече должны были присутствовать более тридцати высших руководителей подпольной церкви, это была бы великолепная возможность возобновить старые связи и свою роль в церкви. Однако этому не суждено было случиться.

Вечером двадцать третьего августа, когда Линг уже закончила выполнять задание в Западном Китае, она получила срочное сообщение: «Возвращайся скорее. Все руководители церкви арестованы, все до одного! Из руководителей осталась только ты!»

Линг прибыла домой на следующий день и увидела, что верующие в панике. Как оказалось, жены некоторых руководителей почему-то считали, что виновница арестов — Линг. Её освободили только шесть месяцев тому назад, и друзья сказали ей, что полиция искала и её.

Линг сразу же взяла руководство церковью в свои руки. Прежде всего, она созвала всех местных верующих и дала каждой группе задание помогать одному-двум арестованным лидерам. Они должны были собрать одежду, продукты питания и деньги и отнести в полицейский участок своим руководителям.

Арест повлиял на церкви по всему Китаю, потому что арестованные пасторы были главными христианскими руководителями в разных районах страны. Благодаря электронной почте, а также радиопередачам «Голоса Америки», новость об их аресте распространилась очень быстро. Линг пыталась справиться с потоком информации. Люди со всего Китая и всего мира начали звонить, чтобы узнать последние вести. Вскоре начали приезжать семьи пасторов, и Линг принимала гостей и, как могла, отвечала на их вопросы.

Через пять недель почти всех руководителей, за исключением шести, освободили, однако они вынуждены были заплатить

большие штрафы (до десяти тысяч йен каждый), и Линг взяла на себя сбор денег. Верующие жили очень бедно; было очень трудно собрать деньги для большого количества руководителей. Но Линг не принимала отказов. Её арестованные братья были дороже, чем деньги, и она продолжала просить и собирать деньги, пока не собрала достаточное количество.

Линг была истощена, ей казалось, что она вот-вот свалится с ног, но она знала, что не имеет права отдыхать, пока не сделает всё, что в её силах, чтобы добиться освобождения шести пасторов, которые всё ещё оставались в тюрьме. Поскольку это были самые влиятельные руководители их организации, то полиция требовала за них огромные деньги. Линг очень боялась, что, если она не соберёт деньги, их казнят.

Оставался один выход. Линг позвонила в полицейский участок.

— Будьте добры, я бы хотела поговорить со старшим офицером.

— Кто вы? — спросил дежурный.

— Меня зовут Линг. Офицер знает, кто я; он ищет меня.

— Линг, мой старый друг! Я удивлён, что ты мне звонишь, — услышала она знакомый спокойный голос. — Откуда ты звонишь?

— Это неважно. Мне нужно поговорить с вами о друзьях, которых вы держите в тюрьме.

— Конечно, приходи в участок, поговорим.

— Нет, я согласна встретиться с вами в отеле «Брайт Мун». Вы должны прийти один. Я буду наблюдать за вами, и если с вами придёт кто-нибудь ещё, то не буду с вами встречаться.

Линг знала, что он согласится. Его любопытство возьмёт верх. Почему проповедница, прятавшаяся от него последних несколько месяцев, просит о встрече с *ним*?

— Хорошо, когда ты хочешь встретиться?

— Сегодня в семь часов, — сказала она.

Закончив разговор, Линг встретилась с одним из братьев, которому доверяла. Она объяснила ему ситуацию и спросила, не хочет ли он пойти с ней и подождать около отеля.

— Если я не выйду, тогда вы будете знать, что я арестована.

В шесть часов пятьдесят минут вечера они стояли около отеля, наблюдали и ждали, спрятавшись так, что их не было видно. Они увидели старшего офицера с группой солдат. От волнения сердце Линг забилось чаще, она уже была готова уйти, когда увидела, что только старший офицер зашёл в отель, остальные остались ждать перед зданием. Линг зашла через чёрный ход и села за столик, за которым сидел офицер.

— Линг, рад тебя видеть, — сказал он тепло, как будто они действительно были друзьями. — Ты не боишься, что я арестую тебя?

— Если бы я боялась, меня бы здесь не было. Но я здесь.

Они оба заказали обед, и Линг сказала официанту, что платить будет она. Затем она приступила к делу.

— Как вы обращаетесь с моими друзьями? Вы освободили некоторых, заставив уплатить штраф. Если вы хотите денег, я дам вам деньги. Сколько вы хотите?

— Не спеши, Линг, — остановил её офицер. — Мы ещё не поели. Кроме того, я ничего не могу сделать для них, и это *твоя* вина. Ты виновата в том, что об их арестах стало известно общественности.

Линг знала, что он пытается её запугать, однако не отступала. Она готова была применить другую тактику. Они проговорили два часа. Время от времени Линг рассказывала о своих убеждениях. Она объясняла, почему она и пасторы, сидевшие в тюрьме, с такой страстью распространяли учение Иисуса Христа. Офицер с уважением слушал, видел по глазам Линг, как она беспокоится о своих друзьях. Однако все её доводы были тщетны. Он отказался обнадёжить её в том, что её друзей могут освободить.

Линг пригладила свои чёрные волосы. Наконец-то они отросли. Она вспомнила молитву своей мамы о жатве и про себя процитировала отрывок из Святого Писания. «*Жатвы много, а делателей мало... Посылаю вас, как агнцев среди волков...*»

Линг задумалась о том, не пора ли возвращаться в школу страданий.

СНОВА В ШКОЛУ

Офицер уже почти закончил обедать, и Линг знала, что у неё осталось мало времени. Ей было известно, что у двери отеля её ждут солдаты. Она сделала последнее предложение.

— Вы искали меня, и вот я здесь. Арестуйте меня, а моих друзей выпустите.

Офицер слегка улыбнулся:

— Линг, — искренне произнёс он, — ты, несомненно, одна из самых особенных женщин, которых я когда-либо встречал.

Затем, не сказав больше ни слова, он встал и вышел из ресторана.

Линг посидела, не двигаясь, ещё какое-то время, чувствуя, что её план провалился. На душе у неё было тяжело, и она вернулась домой с чувством отчаяния. Она знала, что её друзьям, тем, кто остаются в тюрьме, придётся нелегко.

Шло время. Линг узнала об аресте ещё двух христиан, а также о том, что руководителей, находившихся в местных тюрьмах, где их зверски пытали, перевели в лагерь, приговорив к одному и двум годам исправительно-трудовых работ.

Линг продолжала нести служение, ею овладевало глубокое чувство одиночества. Она всё ещё была очень больна после последнего заключения. Всем было очевидно, что её здоровье ухудшается. Ей советовали снять с себя полномочия руководителя подпольной церкви, однако она отказывалась. Линг помнила, как её мать ободряла её, поощряла и как она тяжело

работала, перемалывая на жерновах соевые бобы, чтобы Линг могла проповедовать Евангелие. Линг скучала по маме, она так давно её не видела. Но навещать её было слишком опасно.

Линг была единственной женщиной в рядах христианских руководителей. Она часто плакала у себя в комнате, умоляя Бога дать ей сил, чтобы завершить работу.

Шестнадцатого апреля 2002 года зазвонил телефон Линг. Тридцать христиан из одной из групп были выкрадены фанатиками китайского культа. Линг позвонила своему «другу» в полицейский участок. И снова за работу.

ЭПИЛОГ

Трудная жизнь Линг продолжалась, но награда за её работу очевидна. Благодаря «условленным встречам» Линг со старшим офицером Бог дал ей возможность поставить правительство в известность относительно несправедливости, от которой страдают члены христианских домашних церквей Китая. Однако её связи с властями вызвали много кривотолков, поскольку многие христиане не одобряли её действий. В ответ на их критику Линг отвечает: «Мы — христиане, но мы и китайцы, и это — наша страна». Линг не идёт на компромисс со своими убеждениями и продолжает служить церкви и распространять Благую Весть.

Она использует каждую возможность, чтобы бесстрашно защищать своих братьев и сестёр, несмотря на то, что её жизнь и свобода также подвергаются опасности. Она всё ещё в списках тех, кто находится под надзором полиции, однако она и в Господнем списке, и Он чудным образом защищает её от тюремного заключения. Хотя Линг готова и к нему, если будет необходимо.

— Я готова вернуться в школу, — говорит она. — Я знаю, что, если Бог может сосчитать волосы у меня на голове, то всецело нахожусь в Его власти, пока пребываю в центре Его воли.

Жизнь бросила ей ещё один вызов, когда она дала обет не выходить замуж до тех пор, пока церковь не окрепла. Тогда Линг думала, что обет будет длиться лет десять и у неё будет ещё достаточно времени, чтобы выйти замуж. (В то время ей было только шестнадцать лет.) Однако теперь ей уже исполнилось тридцать, а в Китае одинокой женщине после тридцати очень трудно найти себе мужа.

Линг часто говорили (даже пасторы домашних церквей, которые она помогала создавать), что место женщины дома, её работа — готовить еду, убирать дом и воспитывать детей. Линг не отрицает, что это важно, но она также знает, что у Бога иногда совсем другие планы. Она напоминает тем, кто её критикует, что, когда домашние церкви только начали развиваться, именно женщины выполняли опасную работу — проповедовали Благую Весть, а также что две трети из тех, кого отправляли для проповеди в самые отдалённые районы Китая, были женщины. Об этом известно всем.

Сейчас Линг с нетерпением ожидает Международные олимпийские игры, которые пройдут в Пекине в 2003 году. Она верит, что они станут великолепной возможностью для роста и процветания домашних церквей.

И снова за работу...

ГЛЭДИС:
ПОЛНОТА ПРОЩЕНИЯ

Индия
Ноябрь 1981 года

Был тёплый день, когда тридцатилетняя Глэдис Везерхед приехала в район Маюрбхандж, расположенный в 170 километрах к юго-западу от Калькутты в штате Орисса, вблизи Бенгальского залива.

«*Не могу поверить, что я, наконец, здесь*», — думала она, прислушиваясь к каждому звуку и внимательно разглядывая всё вокруг. Едкий аромат жгучего перца чили, доносящийся из открытых окон домов и магазинов, смешивался с гнилостными запахами гор мусора, открытых сточных канав и «священных» коров, свободно бродивших по улицам. От жары запах становился ещё более резким, однако Глэдис была рада, что после холодного севера она попала в страну с тёплым климатом.

Поездка от пакистанской границы вглубь Индии была для Глэдис испытанием веры: машина, в которой она ехала, петляла по дороге, обгоняя грузовики, рикши, такси, коров, велосипеды и бесконечный поток людей. Всё это перемешивалось на улицах в невообразимый хаос. Этот хаос, который в Индии воспринимается как часть повседневной жизни, поражал Глэдис, выросшую в небольшом и спокойном австралийском городке.

Из окна своего отеля она со страхом наблюдала за этим водоворотом, задерживая дыхание каждый раз, когда мать перебегала дорогу, таща за собой ребёнка, и молилась, когда видела, как женщины сидят боком на задних сиденьях мотоциклов, изо всех сил стараясь удержать гору покупок вместо того, чтобы держаться за водителя. Они часто пролетали в нескольких сантиметрах от автобусов, петляющих по улице, или грузовиков с незакреплёнными горами груза в кузовах.

Население Индии составляет миллиард человек. Глэдис поражало то, как много людей можно было увидеть повсюду. Она удивлялась, какие разные люди окружали её на улице: грязные, босоногие дети, матери, одетые в яркие цветные сари с традиционными индусскими точками на лбу, старцы, чья кожа на вид напоминала пересохший пергамент, и ещё самые различные Божьи создания.

Глэдис нравилось всё. После двенадцати лет разочарования она наконец осуществила свою мечту сделать то, к чему призывал её Бог, — служить нуждающимся в другой стране. Раньше она часто думала о том, исполнится ли её мечта, наступит ли этот день...

ЖАЖДА НЕСТИ СЛУЖЕНИЕ

Глэдис было лишь восемнадцать лет, когда во время конференции в своей родной Австралии она ответила на призыв Бога к миссионерскому служению. Глэдис росла на ферме в штате Квинсленд, слышала много проповедей в церкви и даже встречалась с миссионерами, которых её родители приглашали в свой дом. Каждую субботу мама Глэдис собирала детей и читала им рассказы о миссионерах. Африка, Индия, Китай... Глэдис была очарована захватывающими историями о жизни в далёких странах и преданностью миссионеров своему служению.

Глэдис знала так много о миссионерском служении, что конференция не могла не затронуть её сердца. Так и произошло. По её окончании у девушки не оставалось ни малейших сомнений относительно того, что Бог призывает её служить в другой стране. Она начинала понимать, почему миссионеры несут своё служение с таким вдохновением.

На протяжении всех последующих лет жизни Глэдис принимала все свои решения с учётом того, что когда-нибудь она станет миссионеркой. Девушка закончила учёбу и получила специальность медсестры, необходимую для будущего служения. Она изо всех сил пыталась держаться подальше от потенциальных мужей, которые не рассматривали возможности работать в других странах. Это было трудно, но Глэдис знала, что Бог не хочет, чтобы она увлеклась кем-либо, если это будет означать отказ от её цели. Она отлично выполняла свои обязанности на работе и со временем стала возглавлять небольшую клинику. Она также преподавала в воскресной школе и, когда могла, помогала в церкви.

Глэдис получала новый заряд энергии каждый раз, когда их небольшую общину посещали миссионеры. Она с большим вниманием прислушивалась к каждому слову, представляя, как и она когда-то будет нести такое же служение. Она думала о том, что и ей придётся выступать перед большим собранием. Эта составляющая миссионерской работы не особенно привлекала девушку, скорее пугала. И не потому, что Глэдис была робкой, просто она не верила, что Бог дал ей такой дар. *«Я ограничусь тем, что буду свидетельствовать о любви Бога своим служением медсестры»,* — успокаивала она себя.

В 1980 году Глэдис исполнилось двадцать девять лет, и она начала задумываться над тем, осуществится ли когда-нибудь её мечта. В душе она была уверена, что всё — в Божьих руках и всё произойдёт тогда, когда это будет угодно Господу. Однако её волновало много вопросов, и она начала подумывать о том, чтобы выйти замуж. Девушке было уже почти тридцать, а мно-

гие из тех, кто работал в других странах, рассказывали, что Бог призвал их к служению, когда им едва исполнилось двадцать лет или даже раньше. Многие коллеги Глэдис выходили замуж, рожали детей. Когда Глэдис видела, как они радуются этому, ей становилось ещё труднее мечтать о миссионерском служении в других странах.

В конце 1980 года Глэдис встретилась с Майком Хэем, который служил в организации *Operation Mobilization* (в России и Украине известной под названием «ОМ» или «Обетование мира». — *Прим. перевод.*). На протяжении уже нескольких лет он служил в Индии. Глэдис была поражена его вдохновением в служении. Она буквально забросала его вопросами о его служении в Индии. «Какие там люди? Можно ли там открыто проповедовать? Как люди воспринимают Евангелие? Как работает ваша организация? Кто вас поддерживает?»

Майк лишь улыбался, наблюдая за тем, как девушка всё больше и больше увлекается этой страной, и терпеливо отвечал на все её вопросы.

Глэдис думала: *«Может, это для меня? Может, я, наконец, дождалась?!»* За следующие несколько недель Глэдис перечитала всю литературу об этой организации. Она узнала, что ей необходимо будет отслужить два года в своей стране и что каждый человек должен искать Божьего руководства относительно того, в какой стране служить. Она понимала, что это за организация и насколько преданы служению её руководители и все работники, и убедилась, что это именно то, что ей нужно. Душа девушки успокоилась, и она начала готовиться.

В мае 1981 года Глэдис была готова впервые в своей жизни выехать за пределы Австралии. Она всё ещё не знала, где будет служить на протяжении следующих двух лет, однако на лето отправилась на обучение в Европу. Прощаясь с семьёй и друзьями, Глэдис была полна надежд. Вспоминая встречу с Майком Хэем, она думала о том, что хотела бы служить Богу в Индии, хотя и готова ехать куда угодно, куда Господь направит

её. Накануне отъезда вся семья собралась вокруг неё, и все вместе спели любимый гимн: «Потому, что Он — жив».

«Я могу посмотреть в лицо будущему, потому что я знаю, что оно — в руках Господа», — Глэдис ещё раз повторила слова этой песни, когда они закончили петь.

Летом в Европе Глэдис училась и, словно губка, впитывала в себя новые знания. Она спала на холодном полу, мылась раз в неделю, чистила туалеты в общежитиях, ухаживала за людьми из Азии, проживающими в Англии, и искала Божьего руководства относительно того, куда ей ехать после обучения — всё это было составляющими подготовки к миссионерскому служению в другой стране. Глэдис преодолевала все трудности, чётко зная свою цель, и продолжала мечтать об Индии. Она мало знала об этой стране и её народе, однако заинтересованность ею и желание поехать туда не угасали.

В конце лета Глэдис обедала с супругами-англичанами, координаторами миссионерских программ. Они спросили девушку, где именно она будет нести служение. Глэдис ответила, что подала заявку на служение в Индии, в одном из филиалов миссии.

— На самом деле, я не совсем уверена, куда мне ехать, — добавила она. — Я хочу поехать туда, где больше всего нужна Богу.

— Глэдис, ты уже не очень молоденькая, — мягко произнесла женщина. Глэдис напряглась, услышав, что она «не молоденькая». Да, она начнёт своё служение позже, чем другие, но ей ведь только тридцать. Заметив выражение лица девушки, женщина улыбнулась и пояснила:

— Нет, нет. Ты *не старая*. Ты просто *старше* и опытнее, чем другие. Ты больше изучала Библию, умеешь быть руководителем, у тебя больший жизненный опыт. В Индии нужны такие люди, как ты.

Глэдис улыбнулась и поблагодарила Бога за мудрые слова женщины и за то, что она поддержала её. Она дала ей практически такой же совет, как и Майк Хэй. Теперь Глэдис

успокоилась, получив подтверждение того, о чём молилась. Ей снова вспомнились слова из песни, которая стала любимой на всю жизнь: «Я знаю, Он держит моё будущее в Своих руках, и жить стоит хотя бы потому, что Он — жив».

ДОМ ДЛЯ ПРОКАЖЁННЫХ

В Индии, по пути к месту назначения, городу Куттак, водитель, который вёз Глэдис, попросил разрешения куда-то заехать. Она с интересом наблюдала за бесконечными толпами мужчин, женщин и детей, идущими по дороге, поэтому не очень прислушивалась к словам водителя, услышала только, как он сказал:

— В дом для прокажённых, в Маюрбхандж. Ты не возражаешь, Глэдис? Мы там долго не задержимся.

В доме для прокажённых водитель встретился с высоким красивым австралийцем по имени Грэм Стейнс. Глэдис слышала, что в этом районе работали и другие австралийцы, однако она не знала их имён. Грэм пригласил Глэдис в дом, где размещалась миссия. Она подождала, пока мужчины уладят свои дела.

Осмотрев офис миссии и полистав маленькую брошюрку о первой женщине, работавшей здесь, Кейт Алленби, Глэдис заинтересовалась историей этой организации. Семидесятилетние бунгало создавали спокойную атмосферу. Одноэтажные здания не казались такими уж старыми — от холодных бетонных полов до стен толщиной 45 сантиметров, покрытых многими слоями краски, и широкой веранды, защищавшей комнаты от невыносимой жары.

Пока Глэдис ждала, она размышляла о том, почему не вышла жена Грэма, чтобы предложить ей чаю — она уже знала, что это индийская традиция. Но жена так и не появилась. Вскоре Глэдис и водитель отправились на юг, в Куттак.

Первые несколько месяцев служения в миссии «ОМ» были изнурительными, однако необычайными. Глэдис изучала местные обычаи и традиции. Первые шесть месяцев в Куттаке она провела в окружении помощников, местных жителей. Шесть женщин жили в двух маленьких комнатках, где повсюду стояли коробки с книгами. Еда всё время покрывалась плесенью, воду приносили в вёдрах, а туалетом служила цементная плита с дыркой, лежащая на яме, выкопанной в земле. Глэдис благодарила Бога за то, что она выросла на ферме и знала, что такое тяжёлый физический труд, но иногда она всё же впадала в отчаяние, хотя сразу же старалась вернуть себе позитивное отношение ко всему: «Всё, что даёт мне Бог, — хорошо».

Ежедневно по двое девушки ходили от дома к дому, пытаясь продать христианские книги и рассказать людям о Господе. Глэдис нравилось разговаривать с горожанами, однако её душа стремилась в отдалённые сантальские деревни, расположенные в горах к северу и западу от Барипады. Она проезжала по окрестностям этих сёл, когда впервые ездила в Барипаду. Хижины из глины под соломенными крышами стояли среди деревьев очень близко к дороге. Недалеко от домов вручную был выкопан пруд.

Глэдис рассказывали о традициях сантал, о поклонении духам, о том, что иногда приносят в жертву даже людей, чтобы умилостивить богов. Условия их жизни были примитивными, многие дети умирали от болезней, которых можно было избежать или вылечить. А семьи тратили деньги на то, чтобы покупать ароматы и животных для жертвоприношения, тщетно пытаясь умиротворить духов, чтобы они пощадили детей.

Будучи медсестрой, Глэдис знала, что этим людям можно помочь, обучив их основам гигиены, а будучи христианкой, была уверена, что Иисус может дать им ещё большее исцеление, освободив от зависимости от духов, которых они считали богами. Глэдис охватывало сильное желание помочь этим людям, когда она думала об их бедственном положении, ей

хотелось пойти к крестьянам и принести им Благую Весть, которая живёт в её сердце.

В январе 1982 года у Глэдис появилась такая возможность. Ей дали задание посетить несколько деревень, где миссионеры принимали участие в «лагерях в джунглях», организованных местными христианами. К одной из этих деревень надо было идти одиннадцать километров по неровной гористой местности, но Глэдис радовалась, что наконец-то попадёт туда. Она с удовольствием принимала участие во всём: доставала воду из колодца, купалась в реке, спала на матраце прямо на земле. Местным женщинам нравилась компания высокой светлокожей австралийки, и они стремились рассказать Глэдис о своей жизни.

ЛЮБОВЬ К САМЫМ НИЗКИМ

Деревня была расположена недалеко от дома для прокажённых в Маюрбхандже, и Глэдис несколько раз виделась с Грэмом, который, как она узнала, был неженат. Во время встреч они в основном обсуждали дела миссии, но Глэдис чувствовала, что её всё больше влечёт к Грэму, хоть она и старалась не обращать внимания на свои чувства и сосредоточиться на служении.

Потом ей дали другое задание. Глэдис была благодарна за то, что у неё есть возможность посмотреть Индию, потому что она вместе с командой «ОМ» переезжала с места на место. Однако дом для прокажённых и жизнь среди местных жителей сантал оставили неизгладимое впечатление. Она видела, как Грэм и другие миссионеры заботились о своих пациентах, страдающих от проказы и поэтому изгнанных из родных деревень. Индуизм убеждал людей, больных проказой, что причина их болезни — грехи прошлой жизни. Им говорили, что они недостойны даже того, чтобы им подали стакан воды. И поэтому больные проказой были обречены на жалкое существование: просили мило-

стыню на улицах. Трудно представить людей, более несчастных, чем больные проказой, и никто не любил их больше, чем Грэм.

Больные, которые приходили в дом для прокажённых, получали лекарства, прекращающие развитие болезни, а сотрудники этого дома окружали их любовью и заботой. Они рассказывали им, что эта болезнь — излечима и что она — не Божье проклятие. Глэдис была удивлена тем, как менялись пациенты, когда слышали слова любви и чувствовали ласку. Лекарства помогали лечить их раны, а любовь и сострадание обслуживающего персонала лечили их души.

Глэдис нравилось работать в доме для прокажённых, но иногда она задумывалась над своими мотивами. Что на самом деле привлекало её: миссия или Грэм? Хотя девушка и имела к нему тёплые чувства, она знала, что он не является целью её приезда. Кроме того, она не знала, испытывает ли Грэм такие же чувства по отношению к ней. «*А если это так и есть?*» — думала она. Ему придётся говорить об этом с руководителями организации, в которой она работала, прежде чем между ними завяжутся какие-либо отношения. Таковы были правила.

Весной, когда Грэм на некоторое время вернулся в Австралию, Глэдис уже не нужно было гадать о его намерениях. Она узнала, что он попросил у руководства разрешения переписываться с ней, и очень обрадовалась. Обмениваясь письмами всю весну и лето, они лучше узнали друг друга. Они были поражены тем, как много у них общего. Они выросли в сорока километрах друг от друга, получили одинаковое воспитание и оба начали миссионерское служение в не очень раннем возрасте. Чем дольше она писала Грэму, тем больше понимала, что Бог хочет, чтобы они были вместе. Они поженились в Австралии 6 августа 1983 года в присутствии родственников и друзей.

Все в доме для прокажённых радовались за Грэма и Глэдис. «Дада», как его любя называло местное население, верно и неустанно служил в Маюрбхандже на протяжении почти двадцати лет, а теперь Бог наградил его замечательной женой,

которая любила Бога так же страстно, как и он, и так же, как и он, любила индусов. Для жителей деревни и для пациентов дома бракосочетание Грэма и Глэдис было впечатляющим свидетельством любви Бога, и все с нетерпением ждали, когда мистер и миссис Стейнс вернутся из Австралии.

Впрочем, это было не так легко, как казалось. Глэдис и Грэм, став супругами, столкнулись с первой сложностью, когда индийское правительство отказалось выдать Глэдис визу. Ей просто не разрешили вернуться. Поэтому молодожёны решили, что Грэм вернётся без Глэдис и попытается добиться для неё визы уже в Индии.

Им понадобилось несколько месяцев и много молитв, прежде чем Глэдис согласились выдать новую визу. Хотя на этот раз она получила визу только как жена Грэма, а не как сотрудник зарубежной организации. Она должна была дать подписку о том, что не будет способствовать обращению индусов в христианство. Она согласилась. Глэдис и Грэм и не собирались никого заставлять верить во Христа. Их главная цель состояла в том, чтобы показать любовь Бога, работая с прокажёнными, и, если эти люди сделают свой выбор и откликнутся на эту любовь, это будет их личный выбор.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Глэдис вернулась в Барипаду в конце 1984 года. Она была счастлива, что они снова вместе, и быстро вошла в новую роль жены и управляющей домом. Ей было очень жаль, что она не может больше, как раньше, путешествовать по деревням, рассказывая людям о Боге, однако она привыкла к своей новой роли так же легко, как привыкала ко многим изменениям в своей жизни.

Её девизом стали слова из Священного Писания, которые висели на стене красивого старого бунгало миссии: «Утешайся

Господом, и Он исполнит желания сердца твоего»[1]. Ей нравилось возиться в своём новом доме и помогать пациентам дома для прокажённых. Она радовалась, когда вместе с Грэмом посещала сантальские церкви, где она могла послушать воскресную проповедь и поддержать женщин.

В 1985 году у Глэдис и Грэма родился первый ребёнок — дочь Эстер-Джой, а затем два её брата: в 1988 году — Филлип, а в 1992-м — Тимоти. Глэдис окружила своих детей материнской заботой. Когда дети подросли и стали играть с деревенскими детьми, Глэдис осознала, что теперь перед ней открылись новые возможности.

ВСЁ ОТДАЮ В БОЖЬИ РУКИ

В течение 90-х годов Глэдис и Грэм продолжали нести служение, помогая людям, страдающим от проказы, и жителям сантальских деревень.

Глэдис нравилось брать детей с собой в деревни, чтобы они могли поиграть с местными детьми. Дети любили ездить с отцом в лагеря на пятидневные конференции, проводимые в джунглях местными пасторами. Грэм ездил туда, чтобы помогать пасторам проповедовать.

Глэдис и Грэм знали, что жителей сантальских деревень жестоко преследовали за их христианскую веру. Они всегда старались внимательно относиться к нуждам жителей деревень и молились, чтобы Бог дал мудрости строить с ними отношения. Грэм никогда не ездил для того, чтобы убедить кого-либо изменить веру. Он поддерживал местных пасторов и церкви, которые основал Бог. Индусы часто обвиняли сантальских христиан в том, что они приняли христианство по принуждению или что иностранцы подкупили их.

---

[1] Книга Псалмов 37:4.

Однажды, когда двенадцатилетний мальчик влез на дерево, чтобы посмотреть, куда ушёл его скот, другие мальчики, злясь на него за то, что он стал христианином, окружили дерево и не позволяли ему спуститься. Они смеялись и издевались над ним за его веру и кололи его палками, пока он не умер. Его мать была безутешна.

Другого молодого парня за его веру группа индусов забросала камнями, а потом утопила. Кроме физических расправ, христианам ежедневно приходилось мириться с тем, что местное население не давало им покоя. Их собственность разворовывали или уничтожали, им мешали работать на земле, брать воду из деревенского колодца. Год за годом они слышали о преследованиях, но ни Глэдис, ни Грэму не угрожали, и они никогда не переживали, что сами могут стать мишенью для фанатиков. Глэдис размышляла так: «Мы помогаем людям, больным проказой. Мы не являемся угрозой никому».

В четверг утром в январе 1999 года Глэдис наслаждалась покоем и читала книги. В тот день она читала историю о двенадцатилетней девочке, которая теряла зрение.

Когда пастор пришёл навестить её в больнице, она сказала ему:

— Пастор, Бог забирает у меня зрение.

Пастор помолчал, а потом произнёс:

— Джесси, не позволяй Ему забрать зрение.

Девочка удивлённо посмотрела на него, а мудрый пастор продолжал:

— Отдай Ему зрение.

Эта история растрогала Глэдис до глубины души, она почувствовала, что Господь спрашивает её, хочет ли она отдать всё, что любит, — мужа, детей, всё, что у них есть, — Ему. Она размышляла над этим, и по её щекам катились слезы. Она отдала своё сердце Христу, когда ей было лишь тринадцать лет, и с тех пор пыталась жить только для Него. Приехав в Индию и выйдя замуж, она, как и Грэм, посвятила всю свою

жизнь служению Господу. Она думала, что отдала Богу всё, но в душе знала: у неё есть соблазн крепко держаться за свои пожитки, возлюбленных детей и мужа, которых она любила больше всего на свете. Она молилась и дала Богу единственный правильный ответ, которого Он заслуживает.

— Да, Господь Иисус! Да, желаю! Возьми всё, что я имею: мужа, детей — всё самое дорогое для меня. Я всё отдаю в Твои руки.

Произнеся «аминь», она почувствовала, как Святой Дух утешает и вдохновляет её. Она вспомнила, как Авраам предложил Богу своего сына Исаака. Она не знала, что ожидало её семью, однако была убеждена, что Бог с ними.

На следующей неделе Грэм собирался ехать в деревню Манохарпур, чтобы принять участие в проведении ещё одного лагеря. Он был рад, что возьмёт с собой десятилетнего Филлипа и шестилетнего Тимоти. Мальчики тоже были довольны. Они любили ездить в лагеря. Для них это было приключением. Они спали в джипе, обходились без обычных удобств: электричества, водопровода. Им очень нравилось быть вместе с отцом. Рождество было чрезвычайно насыщенным, было очень много гостей, и Глэдис знала, что мальчики рады будут провести время с Грэмом. Четырёхчасовая поездка даст им возможность поговорить.

К Эстер, которой тогда было тринадцать лет, приехали в гости две подружки из её школы-интерната, и она была рада, что остаётся дома с ними и с мамой.

В среду 20 января Глэдис укладывала вещи, чтобы отправить мальчиков с отцом.

— Фил, ты закончил упаковывать рюкзак? — спросила она старшего сына. Он был практичным, всегда помогал ей, как и его отец. Он был замечательным общительным мальчиком, всегда внимательным к чувствам других людей. Глэдис гордилась тем, что он так чутко относится к окружающим. Ей даже не верилось, что через несколько месяцев ему исполнится

одиннадцать лет. Они всегда были настолько заняты, что иногда ей казалось, что жизнь её детей пролетает мимо, а у неё даже нет времени насладиться ими.

— Мальчики, время ехать, — позвал Грэм. Глэдис провела сыновей к машине, где их ждал отец. Она обняла, поцеловала их, затем Грэма. Они всегда оставляли время, чтобы попрощаться, потому что не знали, что может произойти, особенно среди суетливого дорожного движения в Индии. Глэдис знала, что Тим немного нервничает, боится ездить в машине после несчастного случая, который произошёл в ноябре прошлого года. В машине его бросило вперёд, и хоть он серьёзно не пострадал, но очень испугался. А несколько недель назад, на горной дороге, большой грузовик чуть не врезался в их джип. Глэдис понимала опасения Тима и пыталась успокоить его.

— Желаю вам хорошо провести время! До встречи в понедельник, — крикнула она им вслед.

Вернувшись в дом, Глэдис вспомнила, что не проверила рюкзак Фила. «*Надеюсь, он не забыл взять куртку*», — подумала она, уже начиная скучать по детям.

Затем мысли перешли на Тима. Он не любил холод, и Глэдис упаковала для него несколько свитеров, зная, как холодно может быть в горах. Она улыбнулась, надеясь, что Тим не будет сильно напрягать голос во время пения. Дома он был певцом и проповедником. Он любил проповедовать, как и его отец. Иногда Глэдис наблюдала за тем, как он расставляет стулья в гостиной, чтобы играть в церковь. Затем на какое-то время он забыл об этой игре. А в понедельник Глэдис вошла в гостиную, где Тим проповедовал и пел, опять построив себе церковь из стульев.

Она хотела посидеть и послушать его проповеди, только выдастся свободная минута, но когда вернулась, он уже занимался чем-то другим.

Глэдис и в голову не приходило, что в тот день Тим играл в церковь в последний раз.

В четыре тридцать утра, в воскресенье 23 января, зазвонил телефон. Вскочив с кровати и спотыкаясь в темноте, она сняла трубку и глубоко вдохнула воздух, стараясь не поддаваться страху, который, как острый меч, пронзил её тело. В дверях появились, разбуженные телефонным звонком, Эстер и её подружки.

— Мама, что случилось? — воскликнула Эстер.

— Кто-то сжёг джип миссии, — тихо сказала Глэдис. — Я больше ничего не знаю, поэтому давайте попробуем не волноваться. Мы помолимся, а потом вы, девочки, пойдёте спать. Я убеждена, что всё в порядке и у нас впереди тяжёлый рабочий день. Я расскажу вам подробности, как только что-либо узнаю.

Впрочем, подробности, которые узнала Глэдис, оказались более ужасными, чем она могла предположить...

ПЫЛАЮЩАЯ ЯРОСТЬ

Крохотная деревня Манохарпур на протяжении длительного времени была разделена на два лагеря. За это время двадцать две семьи из почти ста пятидесяти, проживающих здесь, приняли христианство. Обычно эти два лагеря мирно сосуществовали друг с другом, однако в последнее время нехристиане всё больше злились на христиан.

Летом 1998 года напряжение в отношениях достигло апогея, когда несколько христиан-фермеров не прекратили работать во время праздника Раджа, когда, как верят санталы, земля менструирует. Местное население разозлилось. Жаркие споры между христианами и традиционными санталами со временем прекратились, впрочем, напряжение осталось. За несколько недель до лагеря, в который собирались ехать Грэм и его сыновья, произошёл ещё один инцидент, когда группа местных жителей протестовала против того, чтобы на христианской свадьбе звучала христианская музыка. Племя санталов рев-

ностно оберегало свои традиции, поэтому такое отклонение от них разозлило наиболее традиционных его членов и разожгло в сердцах горящую ярость.

Приезд в деревню Грэма дал разъярённым санталам возможность поквитаться с соседями-христианами, которые осмелились пойти против устоявшихся традиций. Они обратились за помощью к Дару Сингху, религиозному фанатику, который мастерски воспользовался этим предлогом, чтобы совершить кровавую расправу. Его действия обычно выливались в насилие; он боролся как против христиан, так и против мусульман.

Рано утром 23 января его преступление привело к новой ужасной трагедии.

Минувшим вечером Грэм и мальчики поужинали и пожелали всем спокойной ночи. Была почти половина десятого, когда они вернулись в машину и легли спать. Ночь была холодна, и Грэм заблаговременно положил на крышу машины соломенные маты, чтобы было теплее. Он всегда старался устроить мальчиков удобнее и всегда молился с ними, прежде чем лечь спать.

Их джип стоял рядом с другим джипом, припаркованным перед молитвенной комнатой. Владелец другого автомобиля, доктор Гош, друг Грэма, спал поблизости в доме одной из христианских семей.

Около полуночи Гош проснулся от громких криков, он вскочил с кровати и бросился к окну. Он увидел огромную толпу, бегущую по полю. Мужчины, вооружённые топорами, палками, ножами, с факелами над головами бежали в направлении джипов. С яростным нечеловеческим рёвом фанатики напали на джип Грэма, порезали шины и разбили окна. Они били Грэма и детей и рубили их топорами. Хотя Грэм и пытался защитить своих сыновей, однако всё было безуспешно. Доктор Гош подбежал к двери, но она оказалась подпёртой извне, поэтому ему оставалось только с болью в сердце наблюдать за расправой, которая проходила у джипов.

Разъярённая толпа не пощадила ни Грэма, ни мальчиков. У них не было шансов на спасение. Нападающие выставили охрану у каждого из домов деревни, чтобы никто не мог помочь жертвам нападения. Они кричали беспомощным соседям:

— Не выходите, иначе мы убьём и вас!

Хасда, который работал с Грэмом более двадцати лет, умолял нападавших прекратить кровопролитие. Он с ужасом смотрел, как преступники подложили под джип солому. Дара Сингх сам поджёг её. Когда Хасда бросился к машине, пытаясь залить пламя водой, его безжалостно избили. Бессердечная толпа стояла и наблюдала за тем, как бедные Грэм, Филлип и Тимоти кричали от боли, пока языки пламени не покрыли их со всех сторон и их тела не превратились в груду пепла.

Во время этой трагедии, всего в сотне метров от джипов, группа молодых сантальцев под ритмичный бой барабанов исполняла традиционный танец дангри. Как будто не происходило ничего особенного...

Через час толпа снова исчезла в полях. Обезумевший Хасда, сам избитый до полусмерти, пополз к старейшине деревни за помощью. Старейшина послал за полицией, которая дислоцировалась в другой деревне, находящейся за двадцать километров. Однако было уже поздно. Когда Хасда вернулся, он рыдал от горя, глядя на обгоревший каркас машины Грэма. Внутри четко виднелось три обугленных тела, тесно прижавшиеся друг к другу в последних объятиях. Он знал, что этого жуткого зрелища он не забудет уже никогда.

Испуганные христиане выходили из своих домов, толпились вокруг машины и молчали, поражённые ужасающей картиной. Все они думали об одном и том же: *«Как сообщить об этой страшной трагедии Глэдис и Эстер»*.

ВОЛНА ГОРЯ

В семь часов утра Глэдис одевалась и готовилась к началу нового трудового дня, когда зазвонил телефон, уже второй раз за утро. Звонил репортёр, он спрашивал возраст Грэма и мальчиков.

— Зачем это вам? — удивлённо спросила Глэдис.

Поняв, что она не знала, что произошло, и не желая первым сообщать ей о тяжёлой утрате, репортёр попрощался и положил трубку. Но телефон продолжал звонить. Люди из окрестных деревень спрашивали:

— Глэдис, говорят, что Грэм и мальчики пропали.

— Пропали? Господи! — воскликнула Глэдис. — Что случилось с моими дорогими сыновьями? Что с Грэмом?

Наконец пришла подруга Глэдис Гайятри и начала отвечать на телефонные звонки. Глэдис всё ещё не знала точно, что произошло. На душе было неспокойно, однако она надеялась, что Грэм и мальчики скоро появятся дома. Её ум отрицал возможность того, что могло произойти что-то ужасное, и она надеялась, что они скоро вернутся.

Через несколько часов начали приезжать друзья, появились репортёры, желающие её сфотографировать. Возле дома, в доме, на веранде — везде было полно народу и царил хаос. Глэдис только успевала встречать посетителей и присматривать за Эстер. Она всё ещё не понимала, что произошло, и никто не знал, как сообщить ей эту страшную новость.

Наконец, в половине десятого Гайятри взяла её за руку и сказала:

— Глэдис, мне надо с тобой поговорить.

Она попросила всех выйти из комнаты и сказала:

— Глэдис, я не хочу, чтобы ты была как камень, но ты должна быть сильной ради Эстер.

Услышав о своей горькой потере, Глэдис не поверила. Её ум отказывался принять реальность того, что произошло, впро-

чем, это была правда. Чёрное дело было сделано, ничего нельзя уже вернуть назад.

«*Нет!* — вопил её разум. — *Это неправда! Их не было в джипе. Это какая-то нелепая ошибка. Их не могли... Их не сожгли заживо. Как такое могло произойти? Кто мог совершить такое бесчеловечное преступление?*»

Волна горя захлестнула Глэдис, и она должна ещё раз переспросить подругу, а может, Гайятри ошиблась? Может, ничего этого не произошло...

— Гайатри... ты хочешь сказать, что они... умерли? Грэм, и Филлип, и Тимоти — все погибли?

Грустные глаза Гайатри убедили Глэдис, что это — не ошибка, и она, обессилев, опустилась на стул.

— Как сказать об этом Эстер? — рыдала мать.

Время остановилось, однако жизнь продолжалась. Следующие несколько минут прошли в мучительном молчании. Глэдис собиралась с силами, чтобы сообщить ужасную новость дочери. Телефон ни на миг не умолкал, звонили соседи, звонили из Австралии — все хотели знать, что произошло. Во дворе собралось ещё больше друзей и соседей, чтобы поддержать женщину в её неописуемом горе. Фоторепортёры всё ещё фотографировали, но Глэдис было не до них. Её даже не раздражали их камеры. Она могла думать только о дочери.

— Мамочка, какие новости? — спрашивала Эстер.

Глэдис взяла дочь за руку и посмотрела в её красивые глаза.

— Кажется, мы остались одни, — тихо сказала она, а потом, не колеблясь, добавила: — Но мы их простим.

— Да, мамочка, простим.

В глазах Эстер застыл ужас, когда она осознала, что произошло. Глэдис крепко обнимала дочку, а сама думала о чьём-то ужасном поступке, который так быстро и так драматично изменил их жизнь. От всего этого она словно оцепенела внутри, но постоянная активность помогала ей держаться. Наконец сын местного доктора подошёл к Глэдис и прошептал:

— Они хотят знать, что делать с телами?

Его слова не оставили никаких сомнений в том, что всё это не может быть ошибкой.

— Привезите их в Барипаду. Грэм отдал свою жизнь за эту страну. Он хотел бы, чтобы его похоронили здесь, — ответила она.

Всю следующую неделю Глэдис была занята посетителями, репортёрами и представителями городских властей. С Манохарпура вернулись сотрудники Грэма, и подробности ужасной трагедии стали известны всем. Многие жители той деревни свидетельствовали, что видели широкий луч яркого света, который восходил сверху на горящую машину. Они рассказывали о том, как ужасно чувствовали себя, не имея возможности помочь, и о мужестве их друга Хасды, который пытался потушить огонь.

Впоследствии Глэдис узнала и о том, что это событие не было спонтанным, устроенным опьянёнными яростью жителями деревни. Оно было частью заговора, целью которого было нанести окончательный удар по христианской общине, и заговорщики выбрали в качестве своей жертвы Грэма.

Бедный Хасда был вне себя от горя. Его родители жили в доме для прокажённых, и Хасда родился там. Глэдис знала, что он очень любил Грэма и мальчиков, и его душа плакала вместе с ней.

«ГОСПОДИ, ПРОСТИ ИМ...»

Захоронение происходило в понедельник в десять часов утра, в то самое время, когда Грэм и мальчики должны были вернуться из лагеря. Привезли три гроба, украшенные цветами, и, казалось, вся жизнь в Барипаде остановилась. Магазины и школы были закрыты, и многие должностные лица города пришли отдать дань уважения Грэму и мальчикам. Глэдис и Эстер

были поражены многотысячной толпой, сидевшей на траве рядом с жителями дома для прокажённых, горевавшими по своему «Дадо». Традиционный индийский похорон плавно превратился в христианский, когда друзья начали выражать сочувствие и читать стихи из Священного Писания. Глэдис попросили сказать несколько слов, но она не была готова выступить перед таким огромным количеством народа. Она попросила Эстер:

— Спой со мной, пожалуйста, если сможешь.

Эстер согласилась.

Все замолчали, когда к возвышению направились Глэдис и её дочь. Они спели песню, которая на протяжении многих лет поддерживала и воодушевляла Глэдис.

«Потому что Он — жив, я могу взглянуть в лицо завтрашнему дню...»

Глэдис вместе с Эстер уверенно пели псалом, они пели о себе: «*Потому что Он — жив, я могу продолжать жить...*» Правда заключалась в том, что она могла смотреть в будущее только час за часом. Но этого будет достаточно, чтобы продолжать жить, и со временем жизнь женщины стала доказательством непоколебимой веры пред лицом непоправимой трагедии. Хотя Глэдис и была убита горем, опустошена эмоционально, но в глубине души она была спокойна и хотела показать миру, что считает честью то, что её муж и дети умерли за Христа.

Мужественная Эстер сказала журналистам:

— Я благодарна Богу, что Он позволил им пострадать за Него.

Глэдис повторила слова Эстер и добавила:

— Я действительно молюсь: «Господи, прости им, ибо не знают, что творят». И я убеждена, что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». Несомненно, этим событием Бог достигает Своей вечной цели. Да будет прославлено Его имя»[2].

---

[2] Евангелие от Луки 23:34, Послание к римлянам 8:28.

Друзья и члены семьи начали уговаривать Глэдис и Эстер вернуться на родину, в Австралию. Они думали, что работа в доме для прокажённых остановится, если Глэдис не найдёт кого-либо, кто занял бы место Грэма. Глэдис задавали миллион вопросов: «Ты заберёшь тела в Австралию? Что вы с Эстер теперь будете делать? Что будет с домом для прокажённых?»

Глэдис удивляли их вопросы. Для неё Индия стала домом, и она никуда не собиралась уезжать. Когда репортёры спрашивали женщину о планах на будущее, она отвечала:

— Мой Бог контролирует все ситуации и все обстоятельства. Он творит только благо. Он — моя надежда и опора. Он пообещал: «...не оставлю тебя и не покину тебя»[3]. Я буду служить народу Индии, полагаясь на Его милость.

ПРОЩЕНИЕ ПРИНОСИТ ИСЦЕЛЕНИЕ

Два месяца спустя Глэдис готовилась принять индо-австралийскую награду в честь Грэма. Её попросили выступить на церемонии, и в маленькую комнатку набилось более трёхсот человек. С тех пор, как Грэм и мальчики погибли, женщина впервые согласилась выступить публично. Вокруг было много полиции, чтобы обеспечить её безопасность.

Готовясь к выступлению, Глэдис про себя цитировала старое стихотворение Анны Джонсон-Флинт, которое всегда придавало ей сил:

Чем тяжелее наше бремя, тем больше блага Бог даёт.
Даёт нам больше сил, чем больше мы трудимся.
Чем больше огорчений, тем больше Его милость.
Чем больше испытаний, тем больше спокойствия.

---

[3] Послание к евреям 13:5.

Его любовь не знает границ, Его благодать неизмерима,
Его власть над людьми неограниченна.
Из Своего бесчисленного богатства
Он нам даёт, и даёт, и даёт.

Она процитировала последнюю строчку, как раз тогда, когда конферансье закончил представлять её.

Глэдис вышла на сцену и начала говорить о том, каким сочувственным и ласковым был Грэм.

— Если кто-то болел — он был у него, — сказала она. — Это могло быть поздно вечером или рано утром. Грэму не нужно было думать о том, что сделать для кого-то, кто нуждался в помощи. Он просто действовал.

Глэдис закончила говорить и приняла награду. Её пригласили остаться на обед. Никто не ушёл, все хотели поприветствовать мужественную вдову, которая не сказала ни одного плохого слова о тех, кто так жестоко расправился с её мужем и сыновьями. За обедом одна из женщин сказала Глэдис:

— Я не знаю, как вы можете простить.

Глэдис, не задумываясь, ответила:

— Прощать необходимо. Прощение приносит исцеление.

Глэдис сама не осознавала этого, пока не произнесла эти слова вслух. Она простила убийц своего мужа и сыновей, как только услышала эту страшную новость. Прощение стало для неё катализатором исцеления. В тот момент она решила, о чём будет говорить в следующий раз.

Глэдис ещё много раз приглашали выступить. И она, когда только могла, принимала приглашения и всегда говорила о прощении. Во время каждого выступления она повторяла: «Любовь должна быть искренней, мы должны уважать друг друга, как сказано в Послании к римлянам святого апостола Павла: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомышленны между собою; не высокому-

дрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми»[4].

После первого публичного выступления Глэдис на церемонии награждения её приглашали в бесчисленное количество школ, церквей, организаций. Иногда за тридцать шесть часов ей приходилось выступать на шести встречах или собраниях. Сейчас её выступления служат постоянным напоминанием о прощении для нации, где жестокие нападения на христиан усиливаются, и никто не может рассказать о нём лучше, чем Глэдис Стейнс.

ЭПИЛОГ

Глэдис всё ещё живёт в доме для прокажённых в Маюрбхандже. Также она путешествует по всему миру и выступает с рассказами о преследовании христиан в Индии и о прощении. Индийский народ был поражён свидетельством любви Христа, продемонстрированным этой женщиной: иностранкой, вдовой и просто женщиной, единственная цель которой — служить нуждающимся в их стране.

К огромному сожалению, для того чтобы привлечь внимание людей, понадобилась ужасная мученическая смерть её мужа и двух сыновей. Глэдис верно служит голосом Бога, демонстрируя окружающим истинность библейского стиха «...любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»[5]. В ответ на свои выступления Глэдис получает тысячи писем от людей из разных уголков Индии, даже от индусов с извинениями за ужасный поступок против её семьи.

---

[4] Послание к римлянам 12:14–18.

[5] Послание к римлянам 8:28.

Она на собственном опыте ощутила силу прощения и знает, что напоминать о нём жизненно необходимо и для Тела Христова. Когда Глэдис выступала на одной из женских конференций, ей сказали, что на улице её ждёт девяностолетний человек, который настаивает на встрече с женщиной, которая смогла простить убийц своей семьи. Мужчина рассказал Глэдис, что много лет назад его дочь умерла из-за халатности врача, и он не смог простить ему. Глэдис поговорила с ним, и они вместе помолились молитвой прощения.

Через год после убийства Грэма и мальчиков Дара Сингх и четырнадцать других мужчин были арестованы по обвинению в убийстве Грэма, Филлипа и Тимоти Стейнсов. В июне 2002 года Глэдис попросили выступить свидетелем на суде. Именно тогда ей пришлось преодолеть наибольшую трудность с тех пор, как она узнала об убийстве своего мужа и сыновей: встретиться с человеком, который это сделал. Это было испытание истинности её прощения.

Адвокат Сингха утверждал, что его клиент невиновен, пытался дискредитировать Грэма и заявил, что он сам по своему нерадению поджёг машину, поскольку пользовался печкой. Глэдис смотрела на Дара Сингха и просила Бога помочь ей продемонстрировать к этому человеку любовь и сострадание, помочь ей никогда не смотреть на него с ненавистью. В то время, когда эта книга вышла в печать, судебный процесс всё ещё продолжался.

Мы встретились с Глэдис и Эстер в Калькутте. На прощание Глэдис подарила нам стихотворение, которое придавало ей сил после смерти мужа и сыновей. Его написал покойный Эдгар Гест, оно называется «Я в безопасности дома».

Дорогие, я дома, в Раю
Таком ярком и радостном.
Есть совершенная радость и красота
В его вечном свете.

Закончились боль и горе,
Прошло всё беспокойство.
Я сейчас в вечном покое,
Я наконец дома, в Раю.

Вы удивлялись, что я так спокойно
Ходил по долине тени,
Но ведь любовь Иисуса освещала
Каждую тёмную и страшную поляну.

Он Сам пришёл встретить меня,
Шагая лёгкой поступью.
И, опираясь на руку Иисуса,
Мог ли я сомневаться или бояться?

Вы не должны так горевать,
Потому что я очень люблю вас.
Постарайтесь взглянуть за тень земли,
Доверьтесь воле нашего Отца.

Вас ещё ждёт работа,
И вы не должны лениво стоять в стороне.
Выполняйте её, пока живы,
Отдохнёте на земле Иисуса.

Когда вся работа закончится,
Он нежно позовёт вас Домой.
О, как радостна эта встреча,
Как я рад буду видеть вас!

МЭЙ:

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Вьетнам
Ноябрь 1989 года

Они почувствовали запах океана, прежде чем увидели его. Мэй шла за своим старшим братом Хонгом, ступая шаг в шаг по узенькой тропинке. Надо было подняться ещё на одну гору. Солёный ветер с океана развевал их волосы и поднимал настроение. Мэй радовалась: с каждым шагом свобода всё ближе!

Наконец они поднялись на вершину, и Мэй увидела лодку-плот из грубо обтёсанных и покрытых смолой брёвен, на которой стояла крошечная бамбуковая хижина. Лодка, казалось, развалится, если кто-нибудь прикоснётся к ней. Мэй остановилась и подёргала Хонга за руку.

— Я не сяду в эту лодку, — произнесла она. — Мы и из гавани на ней не выйдем, тем более не доберёмся до Гонконга.

— Тебе придётся, Мэй! — ответил Хонг, глядя на воду, и потянул сестру за собой. Мэй снова взглянула на лодку, чувствуя, как её охватывает страх. Кроме бамбуковой хижины на ней не было ничего. Другие вьетнамские беженцы тоже шли, осторожно оглядываясь, боясь, что китайская полиция вернёт их всех во Вьетнам.

— Я... я не могу, Хонг, — умоляла Мэй. — Я... я не готова к этому.

— Ты боялась тайком пересечь границу с Китаем. Но мы сделали это. Теперь пойдём, мы должны добраться до лодки. Разве ты не знаешь, чем отец пожертвовал ради этого?

Хонг засунул руку в карман и достал старый, потёртый платок. Осторожно развернув его и оглянувшись, он показал сестре две золотые монеты. Каждая весила более пятнадцати грамм, и за каждую можно было купить билет в Гонконг — билет на свободу.

— Знаешь ли ты, сколько надо было трудиться отцу, чтобы собрать такую сумму? — продолжал он. — Он планировал это и ждал этого дня много лет. Он сам никогда не будет свободным, но он сделал всё, чтобы ты была свободной. Он купил тебе билет, скорей пойдём к лодке!

— Он сделал это не для меня, а для Трунга, — сказала Мэй. — Это билет Трунга.

Другой старший брат Мэй должен был ехать с Хонгом. Отец Мэй хотел свободы для своих сыновей, надеясь, что они заработают денег и смогут помочь младшим братьям и сёстрам выехать из Вьетнама.

— Да, это был билет Трунга. Но ты знаешь, что у него недавно родился ребёнок, и он не может сейчас ехать. Поэтому тебе повезло. Ты будешь свободной в Америке или в Австралии. Ты сможешь получить хорошее образование... И в будущем будешь богатой.

Хонг всё ещё держал Мэй за руку, увлекая её в направлении лодки.

— На этой лодке даже туалета нет. Что мы будем делать? — упиралась Мэй.

— Туалет будет вокруг нас, — сказал Хонг, смеясь. Он остановился и пристально посмотрел на сестру.

— Это наш шанс, Мэй, — сказал он. — Это то, чего хотел для нас отец: чтобы мы уехали из Вьетнама, чтобы были свободными, чтобы получили образование, имели хорошую работу. Он страдает от мысли о том, что все его дети проживут

жизнь в нищете. Он бы расстроился, если бы знал, что ты колеблешься. *Пойдём, скорее!*

Они вышли на причал и направились к мужчине, который стоял рядом с лодкой. Прищурившись, он осмотрел их и протянул руку. Хонг знал, чего он хочет — золота. Положив платок ему на руку, Хонг потянул за уголок, и монеты оказались в руке мужчины. Капитан внимательно посмотрел на них и прикусил одну, чтобы убедиться, что монеты действительно золотые.

— Садитесь, — проворчал он.

Они сели в лодку. Как Мэй хотелось перед отъездом ещё раз обнять маму! Или поговорить с отцом! Она думала о том, действительно ли судно (наконец-то она заставила себя так назвать его) довезёт их туда, куда они хотели попасть. Она быстро помолилась духам своих дедушки и прадедушки о безопасности путешествия.

Хонг и Мэй выбрали себе место поближе к носу, подальше от шума мотора. Ещё до отплытия Мэй стало плохо от переживаний и от того, что судно сильно раскачивалось на волнах. Она плакала, смотря как берег медленно исчезает за горизонтом.

Дни на борту были бесконечными и скучными. Мэй и Хонг быстро поняли, что на такую длительную поездку у них не хватит еды. После того, как они съели все продукты, им приходилось просить еду у других пассажиров. На судне их было сорок три. Дни тянулись бесконечно, и песчинки времени, казалось, падали лишь по одной в минуту.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Мэй снова вынырнула, выплёвывая солёную воду и хватая ртом воздух.

— Помогите! — кричала она, отчаянно вглядываясь в темноту, надеясь увидеть судно или Хонга, или хоть что-нибудь.

Очередная волна накрыла её, и, вынырнув, она попыталась вдохнуть, прежде чем её снова накроет волной.

Вдруг она почувствовала, как её схватила чья-то рука.

— Плыви к берегу, — закричал ей на ухо человек. Мэй узнала его — это был один из беженцев, бежавший, как и она, из своей страны на этом старом судне. Они поплыли вместе. Она оглядывалась, чтобы видеть, как накатываются волны, каждый раз предупреждая своего спутника о приближении очередной волны, а он внимательно смотрел в направлении берега.

Наконец они смогли встать на ноги, прошли ещё несколько шагов и, истощённые, попадали на песок. Другие люди с судна тоже приплыли к берегу, дрожа от сильного холодного ветра. Вся их мокрая одежда была в песке. Как обрадовалась Мэй, когда нашла Хонга! Они обнялись. Из-за сильного ветра зажечь огонь было невозможно, и они прижались друг к другу, пытаясь согреться, с надеждой ожидая, пока взойдёт солнце.

Мэй удивлялась повороту своей судьбы. Несколько дней назад она была семнадцатилетней школьницей в Северном Вьетнаме, счастливо жила со своим отцом и мамой в доме под красной черепичной крышей недалеко от китайской границы. Теперь она вместе с другими беженцами сидит мокрая на холодном ветру в Китае и не знает, доберётся ли когда-нибудь в Гонконг и будет ли свободной.

Отец Мэй всегда хотел, чтобы его семеро детей жили лучше, чем он. Мэй так часто слышала его слова об образовании, что могла повторить их наизусть. Но он никогда не говорил о кораблекрушении.

Мэй вспомнила о маме, которая всегда смеялась над отцовскими мечтами об образовании для детей. Она считала школу пустой тратой времени и денег. Она распоряжалась финансами семьи и отказывалась давать своим семерым детям деньги на книги и школьные принадлежности. Часто отец Мэй продавал цыплят или других животных и давал детям деньги на школу. Когда же жена узнавала об этом, она ругала его. Дети

старались держаться в стороне от этих ссор. Самым важным было то, что они продолжали ходить в школу.

Одному из старших братьев Мэй удалось выехать из Вьетнама, и в течение определённого времени он работал в Болгарии. Он увидел мир, и под влиянием его рассказов отец ещё больше загорелся тем, чтобы его дети оставили родную страну.

Теперь Мэй выехала из Вьетнама, однако оказалась не в том месте, о котором мечтал её отец. Она ёжилась от холода на берегу, а её одеяло болталось где-то в бушующем море. Шторм заставил всех пассажиров плыть к берегу. Капитан остался на судне, пытаясь удержать его на плаву и переждать шторм. Казалось, прошла вечность, пока ветер утих и, наконец, появилось солнце. Никогда ещё Мэй не была так благодарна за то, что наступил новый день.

Беженцы стояли, прижавшись друг к другу на берегу, пока капитан не махнул им, чтобы они возвращались на судно. Они поплыли, преодолевая прибой, и снова вскарабкались на судно, которое должно отвезти их на волю. Всё с палубы смыло штормом. Их запас одежды, одеяла, еду, кастрюли и сковородки — всё унесло море. Мэй и Хонг надеялись, что, пока они будут плыть в Гонконг, шторма больше не будет. Они думали о том, сможет ли судно плыть теперь, когда после шторма все пассажиры вернутся на борт.

Через сорок два бесконечных дня после шторма судно, наконец, прибыло в Гонконг. Однако там они никому не были нужны. Полиция не позволяла им покинуть судно. Их отправили на остров Кау, непригодную для земледелия полосу земли, где фермеры выращивали коров. Там Мэй, Хонг и другие беженцы смогли сойти на сушу. Однако то, что их ждало, было таким же неприятным, как и то, от чего они бежали. Ежедневно к острову причаливали более сотни лодок, таких как та, на которой приплыли они. Работники гуманитарных организаций раздавали еду в консервных банках. Но Мэй не привыкла к такой еде: её постоянно тошнило.

В ЛАГЕРЕ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ

Через неделю после того, как беженцы высадились на острове Кау, Мэй, Хонга и других поселили в лагере № 1 для беженцев. Через месяц их снова перевели, на этот раз в лагерь № 9, а через год — в лагерь № 3.

Каждый раз, когда беженцев переводили в новый лагерь, они должны были найти себе место, где жить. Жители лагеря постоянно ругались за места, поэтому Мэй и Хонгу приходилось постоянно помогать друг другу защищаться от тех, кто посягал на их места или имущество. Жизнь в лагере № 3 была особенно жестокой — настоящее поле битвы. Беженцы из одного района Вьетнама организовывались в банды и сражались с земляками из других районов. Всё в лагере: кирпич, электрические лампочки, кабель, части кроватей и заострённые стальные стержни — служило оружием. Иногда драки длились несколько дней, различные группировки пытались взять лагерь под свой контроль. Полиция Гонконга не могла удерживать в лагере порядок, поэтому жизнь за забором была полной анархией.

Во время таких боёв женщины и дети прятались, стараясь не выходить из своих тайников, пока мужчины сражались. Как и другие, Мэй пряталась на кровати за оградой — доской, положенной на камни, — надеясь, что драка скоро закончится. Как и другим, ей хотелось выбраться из лагеря и стать, наконец, свободной.

НЕОБЫЧНЫЕ СЛОВА

После одной особенно жестокой драки Хонга и Мэй перевели в другой лагерь — «Ланг Джин». Этот лагерь был предназначен для изоляции «возмутителей спокойствия». Мэй не знала, почему их отправили туда. Этот лагерь имел над другими лишь одно преимущество — здесь было здание, кото-

рое служило церковью. Однако Мэй не знала, что такое церковь. Однажды, проходя мимо этого здания, девушка решилась заглянуть внутрь. На стене одной из комнат висел большой белый флаг с красным крестом в центре. Под крестом по-вьетнамски было написано несколько слов. Стоя на пороге, Мэй могла их прочесть: «Ибо так возлюбил Бог мир».

Заинтересовавшись, девушка вошла в комнату. Люди пели песню, которую она никогда раньше не слышала. Затем встал человек и заговорил по-вьетнамски. Мэй внимательно слушала. Ей нравилось то, что он говорил. Он говорил о Боге, который любит людей, а не запугивает их и не возвышается над ними. Ей хотелось узнать больше о людях, которые посещают эту церковь, и об их странном учении, однако она не собиралась отказываться от веры своих отцов. Для неё Бог, возлюбивший мир, был лишь ещё одним богом, которому она могла поклоняться в дополнение к другим своим богам.

Мэй прожила в лагере для беженцев в Гонконге уже два года, когда одна из подруг отвела её к гадалке. Девушка надеялась узнать, как скоро они с братом смогут оставить этот лагерь. Старуха посмотрела в глаза Мэй, а потом взяла её за руки.

— Да-да. Теперь вижу. У тебя есть друг.

Мэй смутилась.

— Нет, у меня нет друга.

Гадалка забеспокоилась.

— А-а-а, — она закивала головой, — тогда это друг из прошлой жизни, который пришёл за тобой в эту жизнь.

— Пришёл? — удивилась Мэй, встревоженно поглядывая то на гадалку, то на подругу. Она подумала, что женщина имеет в виду демона, который преследует её. — Что он хочет? Что мне сделать, чтобы он оставил меня в покое?

— Ты должна пойти домой и поклоняться ему. Молись и проси, чтобы он дал тебе покой.

Мэй не впервые говорили о демоне. Когда ей было семь лет, она очень болела. У неё была высокая температура, она

не могла ни есть, ни пить. Её мать позвала дядю, колдуна, чтобы изгнать злых духов, которые, как она считала, навлекли болезнь. Дядя бил её прутом, приговаривая, что он напугает злого духа и выгонит болезнь. Мэй кричала и звала на помощь, однако члены семьи крепко держали её, пока дядя бил. Затем дядя схватил её за волосы и ударил головой о железные прутья кровати, пытаясь вытрясти из неё духов. Иногда он бил её всю ночь. Мэй кричала от боли, но её крики только вдохновляли его, и он с гордостью заявлял: «Это дьявол выходит из неё». У него также была маленькая металлическая лошадка, которой он колол её, чтобы выманить злых духов.

Однако все его усилия были напрасными. Мэй продолжала болеть. Наконец отец завёз девочку в больницу. Врач назначил ей лекарства, и через несколько дней Мэй была здорова. Мэй очень удивлялась, почему лекарства оказались намного сильнее колдуна. Теперь она размышляла, правду ли говорит ей гадалка. Поможет ли поклонение этому «другу», убедит ли демона оставить ее?

Мэй отправилась к большому буддистскому храму в лагере и совершила обряд, как это делали её родители. Она не совсем верила словам гадалки, но не хотела рисковать, особенно если этот «друг» помешает ей получить визу и вырваться на свободу. Она зажгла благовония и попросила духа уйти.

Впрочем, чем больше девушка молилась у алтаря, тем беспокойнее ей становилось. Где-то в душе она знала, что её тревога не имеет ничего общего с миром духов. В лагере беженцев Мэй чувствовала себя, как в клетке, и ей хотелось вырваться из неё. Постоянная потребность бороться за выживание не прошла бесследно, она сказалась на естественном дружелюбии девушки, на смену которому теперь пришли беспокойство и разочарование. Мэй не могла понять той печали, которая пустила корни в её сердце. Ей хотелось чего-то иного, и она надеялась, что жизнь в свободной стране заполнит пустоту, которую она чувствовала в сердце.

На следующий день Мэй снова потянуло в церковь. Увидев надпись о любви Бога, она снова подумала, кто же этот Бог на самом деле и почему Он «так возлюбил мир». А её Он тоже любит?

Девушка вошла, посмотрела на книги на полках и взяла наиболее толстую из них, надеясь из неё узнать что-нибудь об этом Боге любви. Открыв книгу, она прочитала: «Вначале сотворил Бог небо и землю...».

«*Это историческая книга»,* — подумала Мэй, прочитав ещё несколько строк. В школе она не любила историю со всеми её датами, названиями и именами людей, которые нужно было запоминать. Она быстро захлопнула книгу и вернула её на полку. Затем она выбрала тонкую книгу в добротной кожаной обложке, открыла её и посмотрела начало — длинный перечень имён. Потом начала читать внимательнее. Это был рассказ о молодой семейной паре, которая ждала ребёнка. Но младенец был особенным, поскольку на небе взошла звезда, чтобы ознаменовать его рождение, а мудрецы пришли, чтобы поприветствовать Его.

«*Кто этот ребёнок?* — думала она. — *Кто такой Иисус?*»

К БОГУ, КОТОРОГО БОЯТСЯ БЕСЫ

В то воскресенье Мэй снова пришла на богослужение, где пастор говорил о силе Бога.

— Дьявол, — сказал проповедник, — не боится никого и ничего, кроме одного. Он боится Бога. Там, где Бог, там бесов нет.

Мэй широко раскрыла глаза от удивления. Она подумала, что, может, пастор как-то узнал о «друге» из прошлой жизни, который, как ей сказали, преследовал её. Мэй захотела поверить в Бога, как только услышала эти слова. Она не желала иметь ничего общего с миром духов, с детства приносивших ей столько страха и боли. Она просто хотела покоя.

Когда в конце своей проповеди пастор призвал присутствующих к покаянию, Мэй выбежала вперёд. Она не была уверена в деталях, но знала наверняка, что хочет поклоняться Богу, который любит её и верит ей.

С тех пор, когда Мэй охватывал страх, обычно тогда, как она лежала на кровати и слышала шум лагерной драки, она читала Новый Завет и молилась Богу. Пастор сказал ей, что дьявол боится, когда она читает Слово Божие, и девушка читала его ежедневно.

Большинство людей в лагере ходили в буддийский храм, и Мэй ходила с ними даже после того, как вышла вперёд в церкви и молилась молитвой покаяния. Духи могут бояться её, когда она читает Библию, думала она, но стоит предложить и им какую-нибудь жертву, на всякий случай. В её палатке всё ещё стояли идолы, и ежедневно, молясь Богу христиан, она молилась и своим богам. Если одна религия — хорошо, то две — ещё лучше. Другие беженцы делали так же, выбирая то, что им нравилось из разных религий, представленных в лагере.

Как-то в одно из воскресений христианский пастор говорил о том, что других богов и других религий не должно быть. Он сказал, что христиане должны придерживаться одной религии и одного истинного Бога. После богослужения Мэй вернулась в свою палатку и выбросила всех идолов. Соседи-буддисты пытались остановить её, но Мэй была непреклонна в своём решении. Если Бог хочет, чтобы она следовала лишь за Ним, она готова лишиться всего, что связано с её прежней религией.

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕБЯ БОГУ

В другое воскресенье, после того как Мэй выбросила своих идолов, проповедь была о смерти Иисуса на кресте и о Его расплате за наши грехи. Мэй снова вышла вперёд, впервые осознав свой грех и раскаиваясь.

— Прости меня, Господи, — молилась она. — Используй меня, как хочешь и где хочешь! Только используй меня!

Хотя Мэй знала очень немного о Библии и христианстве, она начала рассказывать о них всем в лагере. Она с восторгом продолжала читать Библию, и Святой Дух помогал ей приумножать знания. Чем больше она узнавала, тем больше свидетельствовала о Боге.

Хонг заинтересовался, куда ходит его сестра, и также пришёл на богослужение. Со временем он также принял Христа, но его посвящение не было таким глубоким, как Мэй. Главное, что его интересовало, — это свобода. Он мечтал выбраться из лагеря и жить в стране, где он будет свободным. У парня было много планов: где работать, как начать свой бизнес и процветать. Он думал, что, возможно, став христианином, ему скорее удастся получить визу и уехать на Запад.

В церкви Мэй познакомилась с мужчиной на десять лет старше её, и они начали встречаться. Он тоже стремился уехать на Запад, начать своё дело и зарабатывать деньги. Их отношения крепли, и Мэй почувствовала, что начинает разделять его взгляды. Её жажда к изучению Священного Писания утихла, она стала меньше молиться. Девушка больше думала о том, как потратит свои деньги, когда будет на свободе, и молилась лишь время от времени, чтобы быть уверенной, что Иисус принимает её и пустит в рай, когда наступит время.

Искренние молитвы, исходящие из сердца Мэй и переполняющие душу, теперь исчезли. Теперь она молилась только о том, чтобы Бог помог ей выбраться из лагеря и дал ей свободу. Они с другом начали говорить о браке. Мэй действительно хотела выйти замуж за этого человека, однако считала, что ей только двадцать, поэтому выходить замуж рановато.

Однажды вечером, лёжа в постели, Мэй услышала голос. «*Я тебя не оставлю,* — говорил он ей. — *Когда Я снова приду, Я заберу тебя с Собой*».

Мэй открыла глаза и вдруг услышала ещё что-то: громкий, резкий крик агонии.

— *Ты слышала этот крик?* — казалось, Святой Дух обращается прямо к её душе.

— Да, — ответила Мэй. — Что это?

— Это крик тех, кого оставили. Это крик боли и обиды.

«ИТАК ВЫЙДЕМ К НЕМУ ЗА СТАН...»

На следующее утро Мэй отвергла свою духовную лень. Её молитвы снова стали страстными, и теперь она молилась не только о богатстве и билете на Запад. Она начала молиться о своей семье, которая осталась во Вьетнаме, и о христианах на своей родине, которые страдали за Христа.

Однажды она читала Библию и прочитала Послание к евреям 13:12–15:

«...то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего. Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его».

«*Итак выйдем к Нему за стан*». Казалось, эти слова соскочили со страницы и прожгли дыру в сердце Мэй. Она была поражена призывом Бога к её сердцу: «*Возвращайся во Вьетнам, распространяй моё Слово там. Скажи тем, кто сейчас стоят в стороне, чтобы пришли ко Мне*».

Мэй знала, что служить Христу во Вьетнаме чрезвычайно трудно. Она знала, что будет страдать, если ответит на призыв Господа. Всё же она решилась поехать. Она сказала Богу, что сделает всё, что Он ей прикажет. Если Он скажет вернуться во Вьетнам, она готова к этому.

Мэй знала глубину тьмы, окутывавшей Вьетнам, она видела это в своей семье. Когда она училась в школе, в их доме

был темно-красный алтарь и три сосуда, в которых сжигали благоухание для трёх предков, которым поклонялись: дедушки, прадедушки и прапрадеда Мэй. Когда умрёт отец, семья заменит старый сосуд с ладаном на новый — для него.

Духи находятся повсюду, говорили вьетнамцам, и, как большинство буддистов, семья Мэй вовсю пыталась умилостивить их. Они приносили в жертву свинью или курицу и клали на алтарь, провозглашали заклинания и приглашали предков прийти попробовать еду, надеясь получить их расположение. Мэй жаждала поделиться истиной Слова Божьего со своей семьёй и другими людьми во Вьетнаме, которые до сих пор живут в полном невежестве.

В следующий раз, когда христиане собрались вместе, Мэй попросила слова. Она встала и, улыбаясь, сказала:

— Я услышала призыв Господа. Он говорил со мной.

Она осмотрела людей, которые стали её друзьями, почти второй семьёй.

— Бог призвал меня вернуться во Вьетнам, — продолжала она. — Он хочет, чтобы я рассказала вьетнамцам истину, рассказала о Его любви.

Люди отреагировали быстро, однако не так, как ожидала Мэй.

— Это голос дьявола! — воскликнул один из мужчин.

— Это не может быть от Господа, — поддержала его пожилая женщина, резко закрывая свою Библию. — Бог привёл тебя в Гонконг, и Он приведёт тебя к свободе. Он поможет тебе процветать, чтобы ты могла помогать своей семье. Бог не хочет, чтобы ты возвращалась во Вьетнам!

— Если ты туда вернёшься, ты будешь страдать, — добавил другой мужчина. — Я знаю. Я видел это. Страдания, вполне возможно, даже заставят тебя отказаться от Бога. Он никогда не попросит тебя вернуться туда.

Мэй посмотрела на своего друга, надеясь увидеть улыбку поддержки на его лице. Но улыбки не было, поддержки тоже. Он встал, повернулся и направился к выходу.

Многие в церкви пытались отговорить Мэй, а её брат, когда она рассказала ему, влепил ей пощёчину.

— Как ты можешь наплевать на мечту отца, — сказал Хонг. — Он годами экономил деньги для того, чтобы ты приехала сюда, получила свободу. И ты все это бросишь? Ты разобьёшь родителям сердце! И не говори о возвращении! Ни слова больше!

Мэй думала о том, как её собственный брат может так к ней относиться и как друзья-христиане могут критиковать её за то, что она хочет проповедовать Евангелие? Она молилась, чтобы Бог дал ей мудрости, терпения и любви к своему брату, несмотря на то, что он противник её возвращения. Она была уверена, что Бог призвал её, и молилась о том, чтобы другие также поняли это.

Однако нападки брата были не такими болезненными для Мэй, каким было эмоциональное потрясение, вызванное реакцией её друга.

— Бог вывел тебя из Вьетнама, — сказал он Мэй. — Как Он может хотеть, чтобы ты опять вернулась туда? Ты не поедешь!

Ему не удалось отговорить Мэй, поэтому он разорвал с ней отношения.

— Я не могу жениться на женщине, которая отказывается от своей мечты, — сказал он. — Бог привёл тебя сюда, и ты опозоришь Его, а также свою семью, если вернёшься.

— У меня была мечта, — сказала Мэй со слезами на глазах. — Теперь Бог дал мне новую мечту. Я мечтаю о том, чтобы рассказать своим соотечественникам о любви Христа. Я хочу рассказать им о том, что им не нужно больше убивать животных, ведь жертва уже принесена!

— В таком случае у нас разные мечты, — ответил он ледяным голосом. — Между нами всё кончено.

Мэй смотрела, как он уходил, и из её глаз лились слезы.

От плохого питания и антисанитарии в лагере физическое здоровье Мэй быстро ухудшалось. Однако её духовное здо-

ровье никогда ещё не было лучше, чем сейчас. Хотя Мэй и покинул друг, а церковь ставила под сомнение истинность её призвания, у неё самой не было никаких сомнений в том, что ей следует делать. Бог звал Мэй назад во Вьетнам.

ЕДИНСТВЕННАЯ ФАМИЛИЯ В СПИСКЕ

Мэй записалась на встречу с руководством лагеря, чтобы подать заявление о возвращении во Вьетнам. Всю ночь перед встречей девушка не могла спать, она обдумывала своё решение. Мэй было странно, почему в лагере её поддерживают так немного людей. Она молилась, обещала Богу, что поедет туда, куда Он захочет, и сделает всё, о чём Он попросит. Она чувствовала полное спокойствие и даже подъём, размышляя о том, как рассказывать людям во Вьетнаме о любви Иисуса. Наконец девушка уснула и во сне увидела, что возвращается во Вьетнам, но не одна. С ней были женщина и мужчина. Мэй ясно поняла, что Бог уверяет её, что она не будет возвращаться одна.

Когда на следующее утро Мэй подошла к офису лагеря, она не сомневалась, что приняла правильное решение. Мэй открыла дверь и уверенно направилась к столу.

— Я хочу вернуться во Вьетнам.

Мужчина, который сидел за столом, посмотрел на молодую девушку с сочувствием и растерянностью.

— Вы хотите вернуться?

— Да.

— Сколько вы пробыли в Гонконге?

— Почти пять лет.

— Скоро закончится пребывание в лагере. Всего через несколько месяцев вы получите визу и тогда сможете поехать в Америку или Австралию. Не сдавайтесь.

— Я не сдаюсь, — твёрдо ответила Мэй. — Я больше не хочу ехать на Запад. Я хочу вернуться на родину.

— У нас немного людей, которые хотят вернуться. На это заявление даже снизили цену, потому что никто не возвращается. Вы знаете, что это означает для вас?

— Знаю, — уверенно ответила Мэй. — Но меня призвал Бог.

— Вас призвал *Бог*? — Ещё более озадаченно переспросил мужчина. — Понимаю, тогда ваше заявление на получение визы и ваш файл будут аннулированы. Получится, что вы никогда здесь не были... будто последних пяти лет вовсе не было.

— Я это знаю. Я не еду на Запад, — настаивала Мэй.

— А вы знаете, что правительство Вьетнама не всегда принимает тех, кто возвращается, — он сделал последнюю попытку переубедить Мэй, — особенно если они выехали нелегально.

— Я это знаю.

Мужчина ещё раз внимательно посмотрел на неё, а потом вытащил из ящика бланк заявления.

— Мне нужно ваше удостоверение личности.

Мэй протянула документ, взяла ручку и заполнила бланк. Странное чувство удовлетворения и даже радости наполнило её сердце, и она, не колеблясь, поставила свою подпись, тем самым навсегда отказавшись от возможности свободно жить на Западе.

Мужчина взял лист бумаги, на котором вверху было напечатано: ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЬЕТНАМ. Он тщательно вписал фамилию Мэй в верхней строке. Других имён в списке не было.

Когда Хонг узнал, что Мэй подписала заявление на репатриацию, он избил её.

Подруга Мэй, пожилая христианка по имени Хуйен, заявила, что девушка сошла с ума. Однако на следующий день, когда Хуйен снова встретилась с Мэй, она заговорила с ней совсем по-другому.

— Ты не сумасшедшая, — сказала она. — Прости, Мэй, что я так сказала.

— Что случилось? — удивилась Мэй. — ещё вчера ты говорила, что я сумасшедшая, потому что возвращаюсь во Вьетнам, а сегодня это решение кажется тебе рациональным.

— Вчера вечером Господь проговорил ко мне, — рассказывала Хуйен. — Он сказал, что мне тоже нужно вернуться во Вьетнам и там нести Его послание людям.

Сердце Мэй забилось от радости, она знала, что будет возвращаться не одна. Она вспомнила свой сон, в котором с ней возвращалась ещё одна женщина. Во сне был ещё и мужчина, и она стала с интересом думать о том, какого мужчину Бог пошлёт с ними.

Хуйен пошла в офис и заполнила такой же бланк, как и Мэй. Её имя стало в списке вторым.

Несколько дней спустя ещё один член их маленькой церковной общины, мужчина по имени Троунг, подошёл к Мэй и сообщил, что он тоже чувствует, что Бог зовёт его вернуться во Вьетнам.

— Но во Вьетнаме так трудно жить, — сомневался он. — Как я смогу выжить там и служить Богу?

— Не беспокойся, — успокаивала его Мэй. — Бог обо всём позаботится.

Готовясь к поездке, Мэй видела, как Бог открывает все двери и заботится о каждой детали её возвращения домой.

Шёл 1994 год, она прожила в Гонконге почти пять лет. Когда члены церкви собрались, чтобы провести трёх верующих, многие из них все ещё пытались убедить их остаться.

Хонг проводил Мэй и её спутников до серых металлических ворот лагеря беженцев.

— Как ты можешь так поступить, — снова упрекал он. — Я написал отцу и рассказал ему о твоём безумии. Он не хочет, чтобы ты возвращалась. Он хочет, чтобы ты была свободной. Ты знаешь, сколько неприятностей тебя ждёт во Вьетнаме? Там не щадят христиан. Их преследуют, арестовывают, пытают. Мэй, ещё не поздно передумать.

— Я приняла решение, — отрезала Мэй.

— Я не могу поверить, что привёз тебя сюда, — сердито сказал он. — Кто заботился о тебе в течение этих пяти лет?

Кто защищал тебя во время драк в лагере? Кто заботился о том, чтобы у тебя была миска риса, когда её хотели отнять? Как бы я хотел, чтобы вместо тебя со мной приехал Труонг. Он бы не обесчестил меня и нашего отца так, как ты. Труонг уважает нас. Как ты можешь так *поступить*?

Мэй печально посмотрела на брата.

— Могу, меня призвал Бог, — ответила она. — Ты хочешь быть свободным, уехать в другую страну. Но разве ты не понимаешь, что есть более важные вещи, чем политическая свобода или деньги? Кто расскажет нашей семье об Иисусе? Кто расскажет им, как быть свободными, как попасть в рай? Бог поручил мне сделать это, и я выполню Его поручение. Я, возможно, никогда не буду такой богатой, как ты, но я делаю то, к чему призвал меня Бог. Я надеюсь, Хонг, что когда-нибудь ты поймёшь.

Брат мрачно наблюдал за тем, как все трое сели в маленький жёлтый фургон, который повезёт их в аэропорт. Он не помахал ей вслед. Другие христиане тоже смотрели через решётку ворот, у них по щекам текли слезы. Когда машина тронулась с места, Мэй оглянулась, пытаясь запомнить каждого, кто стоял за воротами, думая о том, увидит ли она кого-нибудь из них ещё хоть раз.

«СОБЕРИ МОИХ ОВЕЦ!»

После того, как самолёт приземлился во Вьетнаме, Мэй пришлось самой добираться из аэропорта домой. Она надеялась на тёплый приём, но ей совсем не были рады. Её отец, который так тяжело работал, чтобы обеспечить ей лучшее будущее, откровенно игнорировал её присутствие. Он не разговаривал с ней и делал вид, что вообще её не замечает. Мама кричала на Мэй и спрашивала, почему она разозлила духов семьи, почему она не поклоняется предкам.

Несмотря на такое отношение семьи, Мэй пыталась относиться ко всем хорошо. Она часто молилась и тихонько пела псалмы в своей комнате. Благодаря свидетельству и личному примеру Мэй, к Христу обратился первый человек: младшая сестра начала задавать ей вопросы о вере и со временем приняла Иисуса как личного Спасителя. Сестры часто вместе молились и читали Священное Писание. Однако родители не давали Мэй покоя, и это очень её беспокоило. *«Я думала, что Ты хочешь, чтобы я вернулась во Вьетнам»,* — однажды молилась она. И в ответ услышала призыв Бога: *«Собери Моих овец. Иди в провинцию Ван Донг».*

Мэй никогда не была в провинции Ван Донг, но слышала о том, что некоторые люди, которые обрели Христа в Гонконге и вернулись во Вьетнам, живут в той провинции. Она отправилась туда и дорогой непрестанно молилась. Она старалась как можно меньше говорить со своими спутниками. У девушки не было документов с разрешением на поездку, и она боялась, что полиция может арестовать её, когда узнает, что она христианка.

В Ван Донг она встретила других христиан. Они начали собираться вместе и ходить в джунгли, чтобы полиция не узнала об их тайных богослужениях. Мэй осознавала своё призвание от Господа — искать заблудших овец — и начала ездить в отдалённые районы провинции и проповедовать. Она всё ещё жила дома с родителями, но в провинцию Ван Донг ездила регулярно и проводила там собрания. Вскоре в Ван Донг организовалась небольшая церковь, но с ростом числа прихожан усиливалось и давление на её членов со стороны правительства.

Отец Мэй, зная о её поездках к христианам, начал загружать дочь домашней работой, и у неё оставалось всё меньше и меньше свободного времени. Видя, как упорно дочь держится за свою новообретённую религию, он, наконец, смягчился. Он позволил ей регулярно посещать церковные богослужения, однако всё ещё запрещал присутствовать на молитвенных собраниях и принимать участие в других служениях, а также

общаться с верующими. Мэй продолжала ходить на запрещённые встречи и нести христианское служение, поэтому отец выгнал её из дома. Через несколько дней он позволил ей вернуться, но вскоре всё повторилось снова.

Полиция начала пристально следить за Мэй. Ей стало известно о христианской деятельности девушки, и на её отца начали оказывать давление, заставляя его инициировать заведение против дочери уголовного дела. «Куда она ездит? — постоянно спрашивали они. — С кем она встречается? О чём они говорят? Почему вы позволяете своей дочери так вести себя?»

Постепенно давление на отца усиливалось, и полиция перестала приходить к нему домой. Его начали вызывать в участок.

— Если вы не можете повлиять на дочь, то мы сможем.

Опасаясь за свою безопасность, а также за безопасность Мэй, отец много раз приказывал ей никуда не ездить.

— Не уезжай, — настаивал он. — Ты знаешь, что они со мной сделают? А что сделают с тобой?

Сначала Мэй говорила, что идёт встретиться с друзьями или куда-либо по делам. Она всё смелее несла своё служение и становилась всё более откровенной с отцом:

— Я иду исполнять Божью работу, — говорила она.

Она очень переживала из-за того, что отец не понимает её и настроен против неё. Её молитвы становились всё более пылкими.

«*Господи,* — молилась Мэй. — *Я сделаю для Тебя всё. Я готова к тюремному заключению ради Тебя. Я даже умру за Тебя, если такова воля Твоя. Но, прошу Тебя, Господи, не позволяй моему отцу преследовать меня. Это для меня невыносимо*».

Однако преследования не прекратились. Прошли годы, и Мэй поняла, что Бог использовал это время, чтобы научить её. Если она выдержит нападки и давление со стороны своего любимого отца, то никакие преследования не помешают ей нести служение, к которому призывал её Бог.

ТВЁРДОЕ РЕШЕНИЕ ОСТАТЬСЯ

Со временем Мэй встретила нескольких американских миссионеров, работавших во Вьетнаме. Увидев, насколько решительно настроена девушка, они предложили ей поехать учиться в библейской школе в США. Это была прекрасная возможность. Мэй провела пять лет в лагере беженцев в Гонконге, ожидая возможности уехать на Запад. А теперь, когда она снова во Вьетнаме, её приглашают в Америку и оплачивают все расходы.

Когда Мэй рассказала родителям об этом предложении, её отец восторженно воскликнул:

— Это отличная возможность! Твои «американские родители» хотят организовать твою поездку в Америку, где у тебя будет свобода, и ты получишь образование! Какая замечательная новость! Ты не можешь отказаться!

Однако мечта Мэй не исчезла. Девушка снова перечитала Послание к евреям 13:12–15 — те стихи, которые Бог использовал, чтобы позвать её вернуться во Вьетнам. Пылкие чувства Мэй к грешникам на её родине не изменились.

— Я хочу жить во Вьетнаме, — сказала она родителям. — Бог призвал меня служить Ему именно здесь.

— Разве не Сам Бог помогает тебе уехать? — удивлялся отец. — Ты просто сошла с ума!

Однако Мэй твёрдо решила остаться во Вьетнаме. Вместо поездки в Соединённые Штаты она окончила курс интенсивного обучения в Сайгоне. Ей было всё равно, где проходить практику и изучать Евангелие, её единственным желанием было служить Богу и видеть, как её соотечественники обращаются к Нему. Миссионеры предложили оплатить все расходы в Сайгоне, но Мэй любезно отказалась. Она знала, что Бог оплатит её расходы, если это входит в Его планы.

Шесть месяцев Мэй провела в Южном Вьетнаме, почти не выходя из дома, выезжая только проповедовать в сельские

районы страны. Если бы девушка вышла на улицу в Сайгоне, северный акцент обязательно выдал бы её, а она не могла рисковать, поскольку не имела разрешения на пребывание на юге страны. Поэтому Мэй старалась не выходить на улицы города в течение всего пребывания, только с тоской смотрела из окна на машины, которые проезжали мимо её дома. Как ей хотелось хоть на миг выйти и стать частью жизни, которая бурлила вокруг! Но она оставалась дома.

Дни были длинными, обучение интенсивным, и всё нужно было держать в тайне. Ежедневно они много молились, изучали Священное Писание и учились, чтобы стать пасторами.

БЛАГОВЕСТИЕ ПЛЕМЕНАМ

Во время учёбы Мэй получила исчерпывающую информацию о вьетнамских племенах. Благодаря воспитанию, полученному девушкой дома, она была убеждена, что представители всех этнических меньшинств Вьетнама — это отсталые, злые, порочные люди, придерживающиеся племенных ритуалов и являющиеся безнадёжно суеверными. Однако когда Мэй встретилась с христианами, работавшими среди различных племён, Бог положил ей на сердце желание быть причастной к их обращению к Христу.

Во Вьетнаме более пятидесяти этнических групп. Правительство постоянно преследует их, пытаясь сделать культуру однородной. Им запрещено печатать любую литературу на языках племён, разрешено издавать только на вьетнамском. Над племенными народами издеваются, с них смеются и их преследуют, даже если они не христиане.

Чтобы добраться до таких людей, группа из шестнадцати человек (те, кого готовили к пасторскому служению) отправилась в сельские районы на мотоциклах. Местность была гористой, а поездка очень тяжёлой. В сухой сезон пыль

была такой густой, что в двух метрах перед мотоциклом ничего не было видно. А в сезон дождей дороги напоминали мокрое стекло. Чтобы не попадаться на глаза полиции, проповедники ехали в основном по ночам. С ними произошло немало несчастных случаев. Однажды, когда мотоцикл Мэй сбил собаку, она и её пассажир перелетели через руль. Мэй ударилась лицом, и пока она поняла, что происходит, её лицо, плечи, колени и голова затекли кровью. Худой рыжий пёс был мёртв.

Шрамы стали знаками различия среди молодых проповедников. Они часто шутили о своих «наградах». Им приходилось сыпать на раны соль, чтобы не допустить распространения инфекции, кое-как перевязывать их и продолжать путешествие.

— Всё будет хорошо, — успокоила Мэй пожилая женщина, помогая ей промыть и перевязать раны. — Помнишь, что сказал пастор? Если у тебя нет шрамов, ты не готова проповедовать Евангелие во Вьетнаме. А теперь, Мэй, ты готова!

ОТ ОТРИЦАНИЯ ДО ПРИЗНАНИЯ

После шести месяцев обучения Мэй вернулась на север. Она организовывала церкви и обучала руководителей. Родители продолжали настаивать, чтобы она прекратила христианское служение. Наконец отец не выдержал и собрал всю семью, даже дальних родственников.

— Что нам делать с Мэй? — спросил он, взглядом умоляя присутствующих о поддержке. — Она продолжает верить в эти зарубежные предрассудки. Мы пытались отговорить её, убедить вернуться к вере отцов, однако всё напрасно. Будем ли мы мириться с этим нарушителем спокойствия и дальше, или выгоним её из семьи?

Мэй очень огорчили слова отца, она посмотрела на родственников, на близких ей людей, которых она знала и любила

на протяжении всей своей жизни. Каждый выражал своё мнение, а она молилась за них, а также молилась, чтобы Бог дал ей мудрость, как ответить на их вопросы.

А вопросов было много.

Мэй терпеливо и с любовью отвечала каждому, пока не ответила на все вопросы. В комнате воцарилась тишина. Все знали, что пришло время принимать решение. Мэй снова вышла вперёд, стала перед всеми, чтобы выразить свою последнюю просьбу, и посмотрела отцу в глаза. Она просила Бога подсказать ей правильные слова.

— Папа, — сказала она. — Я не откажусь от Иисуса. Но я и от тебя не откажусь. Ты можешь не принимать моего Бога, отрицать Его, но Он всё равно останется Богом. Ты можешь отказаться от меня, если хочешь, но я всё равно останусь твоей дочерью. Если ты больше не хочешь меня видеть, что же, воля твоя. Но даже если ты выгонишь меня и не будешь признавать, я всё равно буду признавать тебя. Ты всегда будешь моим отцом. И я всегда буду тебя любить.

Родственники проголосовали за то, чтобы Мэй оставалась в семье... и продолжала служить Богу. Позже, в тот же день, отец Мэй отвёл её в сторону и сказал, стараясь не выдать своих чувств:

— Если тебе нужно место для ночлега, мы всегда рады видеть тебя здесь.

Мэй поблагодарила Бога за то, что её семья снова приняла её, и продолжала горячо молиться, чтобы они приняли и её Бога.

Группа миссионеров, вместе с которыми Мэй несла служение, предложила ей продолжить обучение. Девушка несколько раз ездила в Сайгон в подпольную библейскую школу. Каждый раз ей приходилось преодолевать сотни километров поездом, мотоциклом и много ходить пешком. Мэй молилась перед каждой поездкой и каждый раз, когда подъезжала к пункту проверки или полицейскому участку. У неё не было разрешения правительства путешествовать

по стране и никаких веских причин для поездки в Сайгон. Длительные поездки давали возможность подумать и помолиться. Чаще всего она думала об отце. Она не могла ничего сделать, могла только молиться о его спасении и делала это с большим рвением.

Однажды, когда Мэй уехала, ей передали, чтобы она немедленно возвращалась домой. «Твой отец очень болен, — сообщили ей. — Он в больнице».

Диагноз предусматривал одно: страх и душевную боль. Это был рак. Мэй сразу же отправилась в больницу и всё время ухаживала за отцом. Она делала всё, что было необходимо, постоянно молилась за него и свидетельствовала ему о своей вере. Она проводила много времени, читая вслух Библию своему, прикованному к постели, отцу.

Некоторые из друзей Мэй тоже посещали её отца, и он не мог не заметить, как они заботятся о нём. Он стал меньше сердиться на странную религию своей дочери и начал всё больше и больше беспокоиться о своей душе. Когда пастор, учитель Мэй, пришёл навестить её отца, он провёл много времени, разговаривая с ним в комнате, а остальные верующие ждали в коридоре и молились. Выйдя из комнаты, пастор радостно объявил, что отец Мэй стал христианином.

Отец сразу же позвал свою дочь, первую настоящую христианку, которую он знал. Они крепко обнялись, и отец рассказал ей о своём решении навсегда стать христианином, на то время, сколько ему осталось жить на земле.

— Теперь я понимаю, почему правительство преследует церковь, — как бы прося прощения, сказал он. — Раньше я этого не понимал. Я позволил им использовать меня, чтобы гнать свою собственную дочь.

Отец Мэй действительно глубоко сожалел об этом. Мэй простила отцу и сказала, что преследование — это часть плана Господа, способ испытать и укрепить её веру.

СЛУЖИТЬ, НЕВЗИРАЯ НА ПРЕПЯТСТВИЯ

После смерти отца Мэй горевала, оплакивала его, но и одновременно радовалась тому, что наступит время, когда она снова увидится с ним в раю. Она с новыми силами вернулась к своему служению. В 1996 году группа миссионеров, с которой она работала, организовала трёхдневный семинар для христианских руководителей. В период, когда Мэй молилась, готовясь к встрече, Господь заговорил с ней во сне, так же как Он говорил с ней, призывая её вернуться во Вьетнам.

Во сне Мэй стояла среди густых джунглей.

— Где я? — спросила она.

— Это — территория племени. У Меня здесь много работы для тебя.

— Когда мне ехать? Может кто-то ещё поехать со мной, чтобы выполнить эту работу?

Бог ответил на её вопрос, пообещав:

— Я пошлю с тобой мужчину, воина.

Затем у неё перед глазами промелькнуло много людей в цветных одеждах, представителей разных племён, которым Мэй должна была проповедовать Евангелие.

После этого сна и дальнейшего обучения Мэй начала регулярно работать с различными племенами. На своём мотоцикле она объезжала Вьетнам, тайно проповедуя и неся людям Весть о спасении. Во многих местах полиция расставила пункты проверок. Обычным бамбуковым стволом они преграждали дорогу и останавливали путников, чтобы проверить документы. Если что-то было не в порядке, человека арестовывали или требовали взятку.

Не имея разрешения путешествовать и пряча незаконно ввезённые Библии, Мэй объезжала пункты проверок и пробиралась пешком густыми лесами. Она знала, что правительству известно о её христианской деятельности и её имя в списке

разыскиваемых. Риск был велик. Тех, кто тайно обходил пункты проверок, могли застрелить.

Иногда Мэй попадала в руки полиции, и её держали в участке всю ночь, иногда забирали все Библии, которые у неё были. А иногда Бог чудом прятал Библии от глаз полиции. Мэй молча радовалась каждый раз, когда ей возвращали сумку и ценное содержимое оставалось нетронутым.

Молодая благовестница видела, как быстро растут племенные церкви, и была счастлива, что они держатся так мужественно, даже перед лицом безжалостных преследований. «*Племена, словно овцы, беспорядочно разбрелись,* — думала она. — *Никто их не защищает, кроме Господа*».

Мэй слушала рассказы представителей различных племён о гонениях и пыталась ободрить их. «Старца подвесили и били, пока не порвалась верёвка. Он упал на землю, весь залитый кровью». «Полиция заставила христиан одной деревни из племени хмонг переселиться из одного района страны в другой, пытаясь изолировать их от остальных в племени». Иногда преследования были такими жестокими, что христианам приходилось бросать всё и бежать в джунгли.

В одной деревне Мэй и других христиан пригласили в дом одного из членов племени, страдавшего от неизлечимой болезни. Когда девушка вошла в дом, её чуть не стошнило от вони. Семья спросила её, не врач ли она и не принесла ли какие-либо лекарства.

— Мы не врачи, — ответила Мэй, — у нас нет лекарств. Но мы знаем лучшего Врача на свете, Кто сможет исцелить вас.

Она помолилась о выздоровлении больного. Через месяц, когда они снова пришли в деревню, мужчина был уже почти здоров. А в следующем месяце от болезни уже не осталось и следа. Он хотел поговорить с Мэй.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — сказал он. — Я поведу вас к своему народу. Но это далеко в джунглях. Это

будет нелёгкий и долгий путь. Нам придётся идти более тридцати дней.

Мэй молилась, размышляя над предложением мужчины, и почувствовала, что Бог подтверждает его желание. Она согласилась пойти в его родную деревню, расположенную в отдалённой части Северного Вьетнама. Местное население там было очень бедным, каждый имел только по одной смене одежды, которую носили круглый год. Некоторых христиан поразили примитивные условия жизни и вонь в деревнях. Других отталкивало очень недоверчивое отношение жителей. Но мужчина, выросший в этой деревне, представил Мэй, и её встретили приветливо. Вскоре в деревне появилась церковь, которая начала быстро расти. Мужчина неоднократно благодарил Мэй за то, что она привела их к Иисусу.

— Когда они видят в нас Христа, — объясняла Мэй, — они легко принимают Его.

Мэй особенно полюбила людей из племени хмонг и начала планировать дополнительные поездки к ним. Эти поездки были очень изнурительными: сначала всю ночь нужно было ехать поездом, а потом целый день — в переполненном вонючем автобусе. На следующий день ещё полдня автобусом, а остаток пути — пешком. Горные тропы — крутые, а в сезон дождей тяжело проходимые. Один неверный шаг может привести к большой трагедии. Иногда Мэй приходилось ползти вверх на коленях, с трудом преодолевая каждый метр.

Полиция отказалась от попыток препятствовать христианам в этих отдалённых селениях собираться на богослужения, поскольку дорога к ним была слишком опасной. В одной из деревень, куда смогла добраться полиция, они избили пятьдесят христианских семей, а затем заставили их переселиться в другой район страны.

Мэй проповедовала Евангелие людям из племени хмонг и снова убеждалась в преобразующей силе Божьего Слова. До принятия христианства многие жители были алкоголиками,

многие участвовали в темных колдовских ритуалах, во время которых пили кровь животных. После принятия Христа они отказались от этих обрядов и готовы были терпеть гонения за свою веру. Они верили, что Христос скоро вернётся, и хотели быть готовыми к Его пришествию.

Мэй осознала желание христиан из племени хмонг знать больше о Христе и начала учить их. Многим из них приходилось идти пешком два или более дня, чтобы добраться до места, где проводилось обучение. В одних селениях не было Библий, в других — одна на 40–45 семей. Некоторые семьи продали всё, что у них было, для того чтобы съездить в Ханой и купить хоть одну Библию. Но и там они не могли найти Библий на языке хмонг. С каждой поездкой Мэй привозила всё больше Библий на их языке, напечатанных с помощью её друзей из миссии. Каждый раз, видя слезы благодарности и радость в глазах христиан хмонг, впервые держащих в руках Слово Божье, девушка радовалась и обещала себе вернуться к ним снова.

Длинные тяжёлые путешествия истощили Мэй. Её всё ещё тошнило в дороге, так же, как и в лодке во время поездки в Гонконг. Иногда она думала, борясь с тошнотой, почему Бог призвал её проповедовать в далёких районах, но не исцелит от этой тошноты. В поезде она пыталась сесть недалеко от туалета, зная, что ей будет плохо. Много часов подряд она ехала грязными дорогами, стараясь удержать равновесие на навьюченном мешками с Библиями мотоцикле. Она проходила многие километры пешком и всегда несла за плечами Библии. Она зашивала фамилии и адреса знакомых христиан в швы своей одежды, чтобы полиция не нашла их, если её арестуют.

«Я ОБРЕЛА ДРУГУЮ СВОБОДУ!»

В основном её поездки проходили спокойно, однако полиции было известно о деятельности Мэй. Её арестовывали де-

сять раз и обычно задерживали на период от нескольких часов до пятнадцати суток. Каждый раз Библии, которые она несла, конфисковали, оставляя христиан без Слова Божьего. Мэй часто вспоминала слова брата, когда она ехала из лагеря в Гонконге, о том, сколько горя, сколько неприятностей ждут её, если она вернётся. Тогда он даже понятия не имел, насколько он был прав.

— Вы проповедуете противозаконно, — говорили Мэй в полиции. — Вьетнамская конституция гарантирует свободу религиозных убеждений, но практиковать её можно только в специально отведённых местах для молитв и в указанное властью время.

Однажды в полиции девушку принуждали подписать признание в том, что она проповедует незаконно.

— Этот документ недействителен, — не говоря ни слова, написала Мэй внизу страницы.

Офицер полиции подбежал к ней, обрадовавшись, что им удалось сломать христианку и она подписала документ. Однако, прочитав, что она написала, он разорвал лист на крошечные кусочки.

— За кого ты нас принимаешь?! — закричал он.

После очередного ареста полицейские пытались заставить Мэй подписать признание в том, что она незаконно печатает Священное Писание и «запрещённую» литературу.

— Нет, всё это законно, — сказала Мэй. — Бог дает мне право делать это. И вы не можете мне запретить. У нас во Вьетнаме свобода вероисповедания, поэтому я могу верить во что хочу, могу принять любую религию. Когда я иду с Библией в руках, это моя вера. Когда я говорю с христианскими руководителями во время семинаров, они уже верующие, поэтому это — не проповедь религии. Мы просто верим вместе.

— Свобода есть, — ответили ей в полиции, — но во Вьетнаме мы держим свободу в своих руках. Мы решаем, кто свободен, а кто — нет.

В полиции Мэй попросили описать свою работу и подписать заявление о том, что она больше не будет проповедовать. Мэй согласилась написать отчёт о том, чем она занимается. Она описала, как росла, поклоняясь своим предкам, как она узнала Бога в лагере для беженцев в Гонконге и вернулась во Вьетнам и как Бог изменил её жизнь. Она написала своё свидетельство.

Когда пришло время писать заявление о том, что она не будет больше проповедовать, она написала: «Библия — это книга, которую правительство позволяет печатать (в неограниченном количестве) и распространять. В Библии написано, что мы должны поклоняться Богу, должны читать Библию дома и делиться Благой Вестью с окружающими. И я исполняю то, чему учит Библия».

Полицейские прочитали её «признание», а потом... освободили её.

Каждый раз, когда Мэй отправляется проповедовать, готовясь к поездке, она много часов проводит в молитве. Однажды рано утром, когда она молилась о предстоящей поездке, девушка почувствовала, что столкнётся с серьёзными проблемами. Она рассказала о своих предчувствиях сотрудникам, но заверила их, что на всё воля Божья: будет ли она в тюрьме или на свободе. Сотрудница, которая должна была сопровождать Мэй, услышав это, заплакала.

— Господь знает об этом, — подбадривала её Мэй. — Он допустит это для того, чтобы на этот раз ты поехала со мной, и мы могли поддержать друг друга. Не волнуйся. Я — организатор всех встреч. Тебе не придётся ни за что отвечать. Я возьму всю вину на себя.

Они отправились в путешествие на машине — две женщины, мужчина-миссионер и водитель. Как Господь и предупредил Мэй, вскоре у них возникли неприятности. Их арестовали. В участке двух мужчин закрыли в одной камере, а женщин — в другой. В углу женской камеры была грязная дыра в полу —

туалет. Тучи мух сидели на стенах, на полу, по всей камере. Все Библии и другие книги конфисковали.

После выходных Мэй отвезли в тюрьму Лан-14. Когда она вошла в камеру, там уже было несколько китаянок. Они бежали из Китая и пытались добраться до Малайзии, когда их арестовала вьетнамская полиция. Женщины немного умели говорить по-английски, и Мэй говорила с ними, как могла.

Группе женщин давали один горшок риса на обед, каждая из них своей ложкой черпала из горшка. Мэй и её подруга-христианка проводили много времени в молитве, молились и за тех женщин, которые сидели вместе с ними.

Каждое утро в восемь часов охранник вёл Мэй на допрос. Её допрашивали три часа. Её считали политической заключённой, поэтому допрашивали тщательно.

— Почему ты ненавидишь правительство? — спросил офицер.

— Я не имею ненависти к нашему правительству, — ответила она, стараясь оставаться спокойной. — Я — последовательница Христа, который учит нас уважать власть. Я молюсь за неё.

— Ты молишься за неё? — захохотал офицер. — Откуда эти Библии? Ты встречалась с иностранными шпионами, не так ли? Говори правду!

— Я приобрела Библии в Ханое и в городе Хошимин (в Сайгоне), — ответила она. — Я не знаю никаких иностранных шпионов.

— Ты не только *знаешь* их, — офицер повысил голос, — ты *работаешь* на них! Ты работаешь на иностранцев против собственной страны!

— Я люблю свою страну, — настаивала Мэй. — Поэтому я и вернулась сюда, потому что я люблю свой народ.

— Кто ваш начальник? С кем из других христиан ты работаешь, кто ваши руководители?

Мэй отказалась назвать других верующих.

— Если вы хотите о них узнать, спросите их, — ответила Мэй. Она молча поблагодарила Бога за то, что они не обнаружили фамилии, зашитые в швы её одежды.

Допрос продолжался до обеда, а потом Мэй разрешили вернуться в камеру. После обеда её снова вызвали на допрос и допрашивали ещё три часа. Так продолжалось десять дней. Ежедневно её допрашивал другой следователь. Некоторые из них кричали, стучали по столу. Другие говорили спокойно, тихо, уверяя её, что уже всё знают о христианских собраниях, поэтому ей лучше рассказать правду.

На десятый день ей сказали, чтобы она собирала вещи, поскольку её переводят в другую камеру. Вместо этого её привели в комнату, где она должна была подписать бумаги об освобождении. Она вспомнила, когда в последний раз подписывала такой документ. Казалось, что она так давно уже уехала из Гонконга... Когда Мэй фотографировали для документа об освобождении, она улыбалась. Она не совершила никакого преступления, и время, проведённое в тюрьме, лишь подтвердило, что Бог с ней, и утвердило её в решении проповедовать тем, кто «за станом».

«*Я свободна,* — подумала Мэй, покидая стены тюрьмы, — *по-настоящему свободна*». Она вспомнила о своём отце и о том, что он хотел, чтобы она уехала на Запад и получила там свободу. «*Но я обрела другую свободу. Не ту свободу, на которую надеялся мой отец, а гораздо большую*».

ЭПИЛОГ

Мэй достигла больших успехов в благовестии, но всё это время она желала чувствовать рядом крепкое плечо. Бог обещал ей воина, и Мэй напомнила Ему об этом. Она ждала «воина», который бы шёл по жизни рядом с ней. О нём молилась не только Мэй, но и её друзья. Они просили, чтобы Бог указал ей этого «воина». И Он исполнил Своё обещание.

Бывший полицейский и коммунист, Нам был тем христианином, сердца которого коснулся Бог и зажёг в нем любовь к Мэй. Но в течение многих месяцев он не говорил ей о своей любви. Он просил Бога открыть ей свои чувства в подходящее для этого время. В скором времени и самой Мэй, и руководителям её церкви стало очевидно, что они созданы друг для друга. И это сделал Бог! Двое детей Божьих поженились и продолжали своё служение в сельских районах, проповедуя Евангелие и обучая руководителей церквей.

Отец Нама занимал высокую должность в коммунистическом правительстве, поэтому, конечно же, выбор сына не обрадовал его. Сначала он отказывался разговаривать с Мэй и даже быть с ней в одной комнате. Когда Мэй и её муж приглашали к себе христиан, тесть стоял перед домом и выгонял гостей. Наму и Мэй пришлось, наконец, построить стену вокруг своего дома, чтобы отец не видел, когда они встречаются с братьями и сёстрами по вере.

Во время одной из поездок в джунгли у Мэй произошёл выкидыш. Врачи сказали, что теперь она никогда не сможет доносить ребёнка. Однако молодожёны настойчиво просили Бога послать им детей. Мэй забеременела снова, и её беременность была очень тяжёлой. Врачи советовали сделать аборт, но Мэй решительно отказалась. Когда пришло время рожать, у Мэй начались схватки, но дальше дело не двигалось. Врачи сказали Наму выбирать, кто останется в живых — жена или ребёнок. Они были уверены, что оба выжить не смогут. Мэй и Нам молились и просили Бога пощадить их ребёнка.

Бог спас обоих. Мэй родила здоровую девочку и скоро выздоровела.

С рождением ребёнка Мэй больше не может ездить в отдалённые районы Вьетнама, но она активно работает в местных церквях недалеко от их дома и продолжает обучать христианских руководителей из сельских районов, которые приезжают

в город. Нам всё ещё раз в месяц ездит в отдалённые деревни, расположенные в джунглях.

Мэй начала новое служение: она помогает сиротам и беспризорным детям. Такое желание вложил в её сердце Бог. Мэй мечтает о том дне, когда её дочь будет служить вместе с ней и рассказывать детям «за станом» о Боге. Она будет говорить о Боге, который «так возлюбил мир», перед которым отступает зло и который единственный может дать освобождение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Благодарность 7

Вступление: Истории о ниспосланном свыше мужестве 9

Адель: Неугасающий луч надежды. 13

Пурнима: Свободная душа 53

Аида: Голос, который не смогли заставить умолкнуть 84

Сабина: Верный свидетель 119

Тара: Земной путь к небесной обители 171

Линг: Временные страдания 206

Глэдис: Полнота прощения 247

Мэй: Возвращение на родину 273

Книга *«Непоколебимые в вере. Женщины веры и их свидетельства»* — это рассказы о бесстрашных христианках, которые преодолели неимоверные препятствия на пути следования за Богом и подверглись необычайным преследованиям, став влиятельными руководителями и служителями подпольной церкви в разных странах мира.

Книга повествует о подлинных историях из жизни непоколебимых в вере женщин, героинь веры, олицетворяющих бесчисленное количество христианок, которые и в наше время по всему миру продолжают подвергаться гонениям за веру со стороны представителей других религий и разных общественных строев. Пусть же примеры веры и духовной отваги этих женщин вдохновят вас на самоотверженное служение Господу и твёрдость в вере, независимо от цены, которую, возможно, придётся заплатить за это.

«Голос мучеников» — это некоммерческая межконфессиональная организация, призванная помогать преследуемой церкви во всём мире. Организация была основана в 1967 году пастором Ричардом Вурмбрандом, который провёл 14 лет в тюрьмах коммунистической Румынии за веру в Иисуса Христа. «Голос мучеников» имеет сеть международных представительств в разных странах мира.

Голос мучеников

RU